ВОЕННЫЙ
СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

173715
2 (1)

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ CLVII

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая улица, д. № 36.
1884

3(05)
480

Digitized by Google

ОТЪ ТИФЛИСА ДО ДЕНГИЛЬ-ТЕПЕ.

(Изъ записокъ участника).

I.

Закавказье и Каспійское море.

Въ концѣ 1878 года въ Тифлисѣ стали поговаривать о предполагавшейся экспедиціи въ средне-азіятскія степи. Слухи объ этомъ походѣ въ то время, правда, были очень смутные, и одинъ только общій говоръ указывалъ на генералъ-аъютанта Лазарева, какъ начальника, на котораго возложено веденіе этой экспедиціи. Мало по малу стали выясняться мотивы, принудившіе наше правительство озаботиться снаряженіемъ дорого стоющаго отряда, и опредѣлилось, что главная цѣль есть наказаніе племени ахалъ-текинцевъ за ихъ постоянные разбои и вторженія въ занятыя уже нашими войсками части Закаспійскаго края.

Обстоятельства сложились такъ, что отъ Волгскаго казачьяго полка, къ которому я былъ прикомандированъ, были назначены двѣ сотни въ составъ ахалъ-текинскаго отряда, и я долженъ былъ идти съ ними. 22-е апрѣля было выбрано днемъ выступленія дивизіона изъ Тифлиса. Въ 7 часовъ утра дивизіонъ уже стоялъ около своихъ конюшенъ, у такъ-называемой старой таможни, на александропольскомъ шоссе, готовый по командѣ своего начальника двинуться въ путь, въ дальнія невѣдомыя страны. Прибывшій священникъ отслужилъ напутственный молебенъ и, подъ звуки музыки, съ вызванными передъ фронтъ пѣсенниками, съ пожеланіемъ всего лучшаго со стороны провожавшихъ насъ товарищей, покинули мы Тифлисъ.

Наступившая въ 1879 году въ Тифлисѣ черезчуръ рано жаркая погода давала себя чувствовать, но мы знали хорошо, что намъ предстояли впереди несравненно болѣе жаркіе дни и что къ высокой температурѣ, къ палящимъ солнечнымъ лучамъ привыкать надо. Для того, чтобъ дать войскамъ возможность постепенно привыкнуть къ совершенію переходовъ подъ палящимъ солнцемъ, по просьбѣ генерала Лазарева былъ измѣненъ первоначальный маршрутъ движенія войскъ изъ Тифлиса и его окрестностей, такъ что намъ сперва выдали маршрутъ на Владикавказъ и Петровскъ, гдѣ уже насъ долж-

Digitized by Google

ны были усадить на пароходы, для дальнѣйшей отправки къ пункту сбора ахалъ-текинскаго отряда, т. е. къ Чекишляру, а почти наканунѣ выступленія выдали новый, съ направленіемъ на Елисаветполь, Шемаху и Баку, гдѣ жары несравненно сильнѣе, чѣмъ по первому пути. Подобная перемѣна крайне опечалила казаковъ, такъ какъ при первомъ движеніи имъ пришлось бы проходить по родинѣ, по Терской области, вблизи домовъ, увидать семью и имѣть возможность исправить и пополнить кое-что изъ обмундированія и снаряженія; да и дорога лучше и веселѣе.

Дѣйствительно, трудно себѣ представить что нибудь скучнѣе, однообразнѣе тифлисско-бакинской дороги. Все почти время голая, безжизненная степь, съ пустыми татарскими аулами, изъ которыхъ жители на лѣто переселяются на кочевки въ горы, гдѣ есть обильная пища для ихъ многочисленныхъ стадъ. Если принять во вниманіе, что 524 версты, отдѣляющихъ Баку отъ Тифлиса, по правиламъ походныхъ движеній въ мирное время, съ полагающимися чрезъ каждые два-три дня дневками, мы принуждены были совершить съ лишнимъ въ мѣсячный срокъ, такъ какъ, выступивъ изъ Тифлиса 22-го апрѣля, прибывали въ Баку 28-го мая, то весьма понятно, что этотъ долгій путь, въ концѣ-концовъ, надоѣлъ намъ страшно. Послѣ двухъ переходовъ, мы покинули Тифлисскую губернію и вступили въ Казахскій уѣздъ Елисаветпольской губерніи, съ первыхъ шаговъ по которой встрѣтили массу переходившей съ мѣста на мѣсто саранчи. Саранча еще была, что называется, пѣшая, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже покрывала все видимое глазомъ пространство. Отсутствіе-ли населенія, или еще не пробудившаяся заботливость мѣстныхъ властей, но на всемъ далекомъ протяженіи движенія этой Божьей кары нигдѣ не было замѣтно какихъ нибудь попытокъ къ ея истребленію. Послѣдствія показали, какое громадное вліяніе на экономическое благосостояніе края имѣла эта саранча. Попадавшіеся на нашемъ пути рѣчки и арыки были положительно покрыты густою корою переправлявшейся черезъ нихъ саранчи, причемъ одни перескакивали на другихъ, какъ будто эти другіе были для нихъ мостомъ для совершенія преправы. Теченіе воды уносило съ собою цѣлыя массы, множество ихъ тонуло и гибло, но все-таки на другой берегъ выползали миріады, покрывая черными большими пятнами желтую глинистую почву. Издали эти пятна можно было принять за полосы чернозема, лежащія островками на глинистой окружающей мѣстности, но, всматриваясь, замѣчалось медленное движеніе этихъ пятенъ, разрушавшее иллюзію. Во время водопоя лошади

Digitized by Google

странно процѣживали сквозь зубы воду, боясь съ нею проглотить утопающихъ и спасающихся живыхъ существъ, но все-таки морды ихъ обклеивались мокрыми насѣкомыми, набивающимися даже въ ноздри, такъ что только фырканьемъ, да мотаньемъ головы удавалось, наконецъ, имъ отдѣлываться отъ докучливыхъ непрошеныхъ гостей. Въ особенности надоѣдала намъ саранча во время нашихъ неприхотливыхъ обѣдовъ и ужиновъ. За неимѣніемъ въ походѣ стульевъ и столовъ, мы обыкновенно усаживались на буркахъ, кругомъ разостланной на землѣ скатерти, съ поставленными на ней приборами; саранча, не обходящая ничего на пути своего движенія, ползла прямо на скатерть, облѣпляя хлѣбъ, влѣзая въ солонки и тарелки, что въ брезгливыхъ не особенно бы возбудило аппетитъ, но на насъ, привыкшихъ къ походной жизни, не производило особеннаго впечатлѣнія. При нашемъ мѣсячномъ движеніи, мы видѣли всѣ фазисы роста и развитія саранчи, такъ что послѣдніе, оставленные нами по пути, уже были вполнѣ взрослые, перелетавшіе, а не переползавшіе съ мѣста на мѣсто и тогда уже забиравшіеся повсюду—въ палатку, въ одѣяло, ночью въ снятое платье и сапоги, при полетѣ немилосердно хлеставшіе по лицу; однимъ словомъ, въ этой встрѣчѣ было много интереснаго, но ничего пріятнаго.

Около Акстафы, едва успѣли мы разбить коновязи для лошадей и разставить собственныя палатки, совершивъ въ этотъ день 23-хверстный переходъ, какъ увидали проѣхавшаго въ тарантасѣ генерала Лазарева, который насъ обогналъ.

Однообразіе проходимаго нами пути заставляло насъ положительно придираться къ малѣйшему поводу розыскиванія развлеченій. Такъ, напримѣръ, одна изъ вьючныхъ лошадей, совершенно неожиданно для всѣхъ, вдругъ, остановившись на дорогѣ, воспроизвела на свѣтъ маленькаго жеребенка. Жеребенокъ этотъ весь путь до Баку былъ предметомъ заботъ всѣхъ казаковъ; первые дни его возили поочередно казаки, держа на рукахъ; это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не окрѣпли его бѣдныя ножки настолько, что онъ могъ бѣжать около матери. На мѣстѣ одного ночлега, кажется около Тотлу, въ кустахъ, кто-то изъ казаковъ нашелъ шесть только-что рожденныхъ, маленькихъ волчатъ; ихъ не тронули и цѣлый день группами подходили смотрѣть на гнѣздо маленькихъ хищниковъ, причемъ постоянно возбуждался споръ, волки-ли это или шакалы. На утро слѣдующаго дня дневальный замѣтилъ волка, пробиравшагося по направленію къ логовищу; замѣтившій крикнулъ товарищамъ, и многіе вскочили, кто какъ былъ, со сна, не одѣтыми и съ крикомъ бросились за волкомъ,

Digitized by Google

но разумѣется не догнали его. Должно быть это была волчица, которая, увидавъ, что мѣсто нахожденія ея дѣтей открыто, рѣшила ихъ перенести на новое мѣсто, такъ какъ послѣ ея прихода въ гнѣздѣ оказалось вмѣсто шести штукъ, по провѣркѣ, всего одинъ, немедленно, въ отместку за непойманіе матери, убитый. Другой разъ открытъ былъ кустъ, нѣсколько суковъ котораго были обвиты большими желтыми змѣями; таковыхъ по счету оказалось восемь штукъ. По тщательномъ осмотрѣ куста, онъ найденъ былъ густо населеннымъ представителями животнаго царства, такъ какъ изъ него же выползли двѣ большихъ черепахи и ёжъ. Сперва къ змѣямъ относились съ достодолжнымъ уваженіемъ, но вскорѣ кому-то пришла мысль схватить змѣю за хвостъ, бросить ее въ групу невдалекѣ стоявшихъ казаковъ, непріятно пораженныхъ неожиданнымъ появленіемъ непрошеной гостьи. Правильный дальній полетъ змѣи соблазнилъ любителей пошкольничать, и вскорѣ змѣи одна за другой очутились очень далеко отъ мѣста ихъ поимки. Для этого обыкновенно змѣю хватали за хвостъ и, сильно раскачавъ ее колесообразно, подбрасывали кверху, причемъ онѣ дѣйствительно летали очень далеко. Когда спадала дневная жара и вмѣстѣ съ заходящимъ солнцемъ ощущалась пріятная прохлада, то казаки собирались хоромъ пѣть свои пѣсни, причемъ то раздавались заунывные русскіе мотивы, то старые боевые кавказскіе, прославлявшіе подвиги Ермолова, Слѣпцова, Круковскаго и другихъ героевъ съ ихъ сподвижниками, то вдругъ лихая солдатская съ припѣвомъ. Гдѣ пѣсни, тамъ должна быть и пляска; затянули разухабистую «Утицу» или, просто-на-просто, лезгинку, захлопали мѣрно въ тактъ въ ладоши—и пошла писать. Тулумбасъ (большой турецкій барабанъ) гудитъ басомъ подъ неистовыми ударами палки, бубны трещатъ, раздаются выкрикивающіе лезгинку голоса, и подъ эти звуки два линейца, забывъ горе, забывъ печаль, не помня о трудахъ, не задумываясь о томъ, что́ еще предстоитъ впереди, лихо отплясываютъ перенятый у горцевъ танецъ. А не то появится на сцену гармоника и кто нибудь заиграетъ на ней «казачка»,—и поневолѣ заразишься общимъ весельемъ, на душѣ станетъ покойно, легко. Между играми, наиболѣе распространенными у терскихъ казаковъ, можно считать чехарду, дергачъ и шапки. Первую игру каждый знаетъ, а потому перейду къ описанію второй и третьей. Въ «дергачѣ» играютъ слѣдующимъ образомъ: къ колу, вбитому въ землю, привязываютъ серединой длинную веревку, оба конца которой перевязываются кругомъ таліи двухъ казаковъ, изъ коихъ одного вооружаютъ крутосплетеннымъ жгутомъ, очень солидныхъ размѣровъ,

Digitized by Google

другаго же—двумя деревянными щепками, изъ коихъ одна надрѣзана рубчиками, такъ что при проводѣ по ней другою издается трескъ, подходящій къ крику птицы, извѣстной подъ названіемъ дергача, отчего и происходитъ названіе игры. Обоимъ играющимъ завязываютъ туго глаза, чтобы невозможно было что-либо видѣть, и начинается извѣстная игра въ жмурки, причемъ все искусство жгутоносца заключается въ томъ, чтобы услышать, когда изображающій дергача приблизится къ нему, не подозрѣвая о близости его присутствія, и затѣмъ отпустить неосторожному дергачу возможно бо́льшее количество жгутовыхъ ударовъ; искусство же дергача—услышавъ приближеніе того, кто со жгутомъ, и ловко подведя веревку ему подъ ноги, свалить его, для чего его веревка обыкновенно отпускается немного длиннѣе, чѣмъ у того, что со жгутомъ. Разумѣется, главныя качества хорошо играющихъ должны быть: хорошій слухъ и осторожность; первое въ особенности необходимо, такъ какъ большинство казаковъ на походѣ носятъ чевяки (1), а не сапоги, а при этой обуви можно передвигаться съ мѣста на мѣсто, положительно не производя ни малѣйшаго шума. Въ зрителяхъ эта игра возбуждаетъ постоянно дружный смѣхъ, въ особенности когда дергачъ, воображая, что его противникъ находится въ далекомъ отъ него разстояніи, поднимаетъ трескъ около своего врага, за что немедленно и получаетъ должное возмездіе отъ тотчасъ же, впрочемъ, запутывающагося въ веревкѣ и при этомъ зачастую со всего размаха падающаго жгутоносца.

Игра въ «шапки» заключается въ слѣдующемъ: всѣ, кромѣ одного, садятся одинъ около другаго въ кружокъ, а невошедшій въ число сидящихъ выходитъ въ середину круга; сидящіе начинаютъ перебрасывать папаху одинъ къ другому, причемъ находящійся въ кругу долженъ стараться перехватить ее, не давъ возможности поймать тому, кому она предназначалась, или же, если сидѣвшій вскочилъ съ своего мѣста, чтобъ схватить брошеную къ нему шапку, то успѣть сѣсть на мѣсто вставшаго (2). Иногда бѣдняга просто выбьется изъ силъ, пока поймаетъ шапку и замѣнится другимъ.

Около новой Акстафы оставили мы александропольское шоссе и свернули на грунтовую дорогу, а 4-го мая вступили въ губернскій городъ Елисаветполь.

---

(1) Кожаная козловая обувь, безъ подошвы, плотно обхватывающая ногу.

(2) При этомъ тотъ, кто не поймалъ, или же прозѣвалъ свое мѣсто, выходитъ на середину, замѣняя бывшаго тамъ до него.

Digitized by Google

Единственно, что достойно вниманія въ этомъ городѣ—это базарная площадь, съ двумя минаретами и съ громадными деревьями по окраинамъ, дающими большую тѣнь своей богатою листвою. Городъ съ восточными постройками и съ полнымъ отсутствіемъ русскаго языка на улицахъ. Сдѣлавъ въ Елисаветполѣ дневку, взявъ съ собою запасъ свѣжаго хлѣба вмѣсто сухарей, хлѣба, который мы успѣли спечь, благодаря любезно предложеннымъ воинскимъ начальникомъ печамъ мѣстной команды, двинулись мы въ дальнѣйшій путь, подойдя 9-го мая къ селенію Менгечауру, гдѣ должны были, переночевавъ, совершить переправу на паромѣ черезъ Куру, широко текущую въ этомъ мѣстѣ. Утромъ, на другой день, началась нагрузка на единственный паромъ, бывшій въ этомъ мѣстѣ; перевозка совершилась очень скоро и вполнѣ благополучно; казачьи лошади шли смѣло по настилкѣ на паромъ; если и были упрямившіяся, то не надолго: стоило только провести впередъ смѣлую лошадь, и за ней немедленно двигались остальныя. На паромѣ помѣщалось сразу отъ 18-ти до 20-ти лошадей. Отъ мѣста слѣдующаго ночлега, станціи Гюлейманоръ, мѣстность измѣняется, переходы совершаются гораздо легче, веселѣе, такъ какъ приходится идти среди большой растительности, громадныхъ тутовыхъ, гранатовыхъ и лавровыхъ деревьевъ, послѣднихъ—бывшихъ въ то время въ полномъ цвѣту, а первыхъ—покрытыхъ массою спѣлыхъ ягодъ; вся мѣстность тутъ обработана, орошена; сильная дѣятельность, богатство края, довольство жителей такъ и проглядываютъ во всемъ. Но главная производительность, источникъ благосостоянія обитателей этой части Кавказа—это шелководство, производимое тутъ въ громадныхъ размѣрахъ; продукты сбываются какъ мѣстнымъ фабрикантамъ, такъ и на иностранные рынки, а коконами снабжаются пріѣзжающіе сюда, главнымъ образомъ, французскіе скупщики, вслѣдствіе чего въ послѣдніе годы на коконы цѣна возвысилась страшно.

Далѣе мы прибыли въ Агдашъ. Не смотря на живописную мѣстность, на массу растительности и на хорошую воду, по увѣренію уѣзднаго врача, климатъ здѣсь крайне нездоровый, причемъ главною болѣзнью является лихорадка. Причину лихорадокъ докторъ видитъ, главнымъ образомъ, въ заливныхъ поляхъ, въ особенности рисовыхъ, въ системѣ орошенія, оплодотворенія почвы и являющихся вслѣдствіе этого испареній. Нездоровый воздухъ тяжелѣе всего отзывается на здоровьѣ пріѣзжихъ, даже проѣзжающихъ и, главнымъ образомъ, на солдатахъ, находящихся въ расположенныхъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ мѣстныхъ командахъ. Лихорадки свирѣпствуютъ какъ въ Арешскомъ,

Digitized by Google

такъ и въ слѣдующихъ Гокчайскомъ и Шемахинскомъ уѣздахъ, а потому, по предостереженію врача, слѣдовало вообще остерегаться при движеніи по этимъ уѣздамъ. Благодаря Бога, санитарное состояніе дивизіона, какъ въ бытность въ Агдашѣ, такъ и дальше, и во время экспедиціи не заставляло желать ничего лучшаго. Въ Ахсу мы встрѣтили шедшій тоже въ экспедицію баталіонъ Эриванскаго гренадерскаго полка; тамъ же засталъ насъ страшный проливной дождь, превратившій всю дорогу въ какой-то густой кисель, по которому даже лошади двигались съ трудомъ. Дождь этотъ сдѣлалъ очень труднымъ переходъ къ Шемахѣ, а для насъ тѣмъ болѣе, что, по указанію мѣстныхъ жителей, мы пошли прямымъ путемъ, дѣлая двадцатишести-верстное разстояніе въ одинъ переходъ, тогда какъ по маршруту, отъ Ахсу первый переходъ долженъ былъ быть до с. Шародильскаго, $19^3/_4$ верстъ, а второй—до Шемахи, $18^1/_4$ верстъ, слѣдовательно, идя прямымъ путемъ, мы выгадывали двѣнадцать верстъ и цѣлыя сутки. Послѣднее намъ казалось очень выгоднымъ, такъ какъ генералъ Лазаревъ приказалъ, если есть возможность, то двигаться безъ дневокъ, чтобы прибыть пораньше въ Баку. Приказаніе это, по мѣрѣ возможности, выполнялось какъ нами, такъ и эриванцами и своднымъ стрѣлковымъ баталіономъ, вслѣдствіе чего мы, уже придя въ Шемаху 15-го мая вмѣсто 21-го, имѣли шесть дней въ экономіи; дни эти были выгаданы, гдѣ сокращеніемъ пути по указанію мѣстныхъ властей, причемъ оригинально было то, что, по увѣренію знающихъ людей, эти обходные пути были всегда гораздо удобопроходимѣе указанныхъ маршрутомъ старыхъ, покинутыхъ всѣми дорогъ,—гдѣ же уменьшеніемъ числа дневокъ, такъ что мы совсѣмъ уничтожили три дневки. Впрочемъ, послѣдній переходъ отъ Ахсу нельзя сказать, чтобъ былъ вполнѣ удобенъ, такъ какъ пришлось проходить черезъ высокій и очень крутой перевалъ, что при размытой дождемъ грунтовой дорогѣ было дѣломъ не легкимъ. По этой дорогѣ мы встрѣтили большое татарское кочевье, переходившее съ мѣста, уже потравленнаго ихъ стадами, на новыя нетронутыя мѣста, обильныя въ этихъ горахъ отличной травой. Караванъ этотъ представлялъ изъ себя очень живописную картину, раскинувшуюся на довольно значительное протяженіе. Въ одѣяніи женщинъ болѣе всего игралъ роль красный цвѣтъ; вообще, безобразный костюмъ, да и женскія лица, которыя намъ приходилось видѣть, отличались уродствомъ. Подъ верхъ и подъ вьюки шло все, что только могло быть осѣдлано; татары ѣхали кто на лошадяхъ, кто на ишакахъ; нерѣдко подъ верхомъ попадались буйволы и быки, причемъ женщины, разумѣется, сидѣли на сѣдлѣ, по мужски. При на-

Digitized by Google

шемъ приближеніи все это сторонилось, испуганно бросаясь въ сторону, и только издали нѣкоторыя женщины рѣшались бросать косые взгляды на насъ.

Перейдя черезъ перевалъ, достигли мы краснаго каменнаго фонтана, изъ котораго журча струилась чистая, прозрачная какъ хрусталь, вода; съ этого пункта начинался спускъ къ Шемахѣ. Шемаха—городъ, славящійся своими шелковыми издѣліями и частыми землетрясеніями; послѣдніе тутъ настолько часты и сильны, что въ Шемахѣ запрещаютъ строить двухъ-этажные каменные дома. Издали видъ на городъ очень красивъ, такъ какъ въ немъ много зелени, достаточное количество построекъ восточной архитектуры, много минаретовъ и притомъ городъ расположенъ въ лощинѣ. Но съ первыхъ шаговъ по улицамъ приходится разочаровываться и причиной, вызывающей разочарованіе, является возмутительная грязь и нечистоплотность жителей. Для бивака было отведено мѣсто за чертой города. Оказалось, что въ Шемахѣ пришлось намъ прожить нѣсколько дней, такъ какъ получено было распоряженіе, въ виду невозможности выбраться изъ Баку за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, оставаться въ Шемахѣ и оттуда уже двигаться дальше, согласно выданному окружнымъ штабомъ маршруту, т. е. выступить изъ Шемахи 23-го мая. То же распоряженіе получили четыре сотни Полтавскаго полка, баталіонъ Эриванскаго гренадерскаго и Сводно-кавказскій стрѣлковый баталіонъ. Такимъ образомъ пустынная Шемаха съ прибытіемъ войскъ оживилась, въ особенности оживленіе было замѣтно въ Европейскомъ кварталѣ, въ обыкновенное время совершенно безлюдномъ, такъ какъ въ немъ, кромѣ незначительнаго персонала уѣзднаго чиновничества, никого не имѣется.

Въ воскресенье, когда всѣ остановившіяся въ Шемахѣ части выслали на главную улицу своихъ пѣсенниковъ, и залихватскія пѣсни лихо раздались по этому бывшему до 1860 года губернскому городу, все положительно населеніе высыпало на улицу, такъ что, въ полномъ смыслѣ слова, дождались и шемахинцы на своей улицѣ праздника. Армяне-купцы, персіяне въ мерлушечьихъ шапкахъ, съ бородами зачастую выкрашенными хиною въ яркорыжую краску, армянки въ бѣлыхъ чадрахъ, персіянки, укутанныя съ ногъ до головы,—все это разношерстное населеніе цѣлыми толпами бродило по улицѣ, съ любопытствомъ осматривая насъ, вслушиваясь въ пѣніе хоровъ, любуясь пляской солдатъ и казаковъ. На другой день по прибытіи, мы отправились осматривать базаръ, обыкновенно интереснѣйшую часть всякаго азіятскаго города, часть, гдѣ всегда господствуетъ большое

Digitized by Google

оживленіе. Кромѣ желанія видѣть базаръ, нами руководила еще цѣль пріобрѣтенія шелковыхъ матерій, о дешевизнѣ которыхъ мы очень много слышали въ Тифлисѣ. Мнѣ лично, главнымъ образомъ, хотѣлось пріобрѣсти такъ-называемую чеечу, т. е. матерію изъ сырца, очень хорошій матеріалъ для походныхъ рубашекъ. Каково же было наше удивленіе, когда оказалось, что цѣны на эти мѣстныя произведенія не только что не ниже, но даже выше тифлисскихъ, причемъ торговцы и слышать не хотѣли о сбавкѣ цѣны противъ запрошенной. Желаніе видѣть фабрики шелковыхъ издѣлій не могло быть удовлетворено, такъ какъ тамъ фабрикъ въ большихъ размѣрахъ, какъ, напримѣръ, въ Ліонѣ, нѣтъ, а производство матерій совершается въ цѣлой массѣ отдѣльныхъ маленькихъ мастерскихъ, помѣщающихся зачастую въ одной комнатѣ.

Чѣмъ дальше двигаешься отъ Шемахи къ Баку, тѣмъ безотраднѣе становится мѣстность, растительность дѣлается все бѣднѣе и бѣднѣе, начинаютъ попадаться солончаки, оказывается бѣдность, недостатокъ въ водѣ, а на послѣднихъ переходахъ къ Баку (ст. Арбатъ и Сарвгинская) колодцы и озера наполнены такой водой, что лошади сперва-было даже не рѣшались пить, и только сильная жажда заставила ихъ немного напиться. Солоноватость дѣлала положительно противнымъ вкусъ чая, такъ что съ непривычки приходилось отказываться отъ этого лучшаго въ походѣ напитка.

28-го мая на горизонтѣ впервые открылось нашимъ взорамъ Каспійское море. При въѣздѣ въ Баку насъ встрѣтилъ чиновникъ, состоящій при городскомъ головѣ, и отъ города предложилъ всему дивизіону барановъ, хлѣба и по чаркѣ водки, что, разумѣется, было принято съ восторгомъ и благодарностью. Мѣсто для бивака около самаго города было очень удобное, такъ какъ находилось близко отъ воды и было совершенно ровное, только вѣтры заносили всѣ наши вещи слоемъ пыли и песка. Пыль есть вообще одно изъ неудобствъ лѣтней жизни въ Баку, хотя и стараются ослабить ее поливкою улицъ города нефтью. Полное отсутствіе какой-либо растительности какъ въ Баку, такъ и въ его окрестностяхъ и вслѣдствіе этого недостатокъ тѣни заставляетъ бакинцевъ, имѣющихъ на то какую нибудь возможность, искать спасенія отъ лѣтнихъ сильныхъ жаровъ въ бѣгствѣ въ Ленкорань или въ другія, болѣе сносныя для жительства въ лѣтнее время мѣста.

Такъ-называемый губернаторскій садъ, въ которомъ по воскресеньямъ и праздникамъ играетъ военная музыка каспійской флотиліи, есть единственный пунктъ, куда стекаются бакинцы по вечерамъ,

Digitized by Google

подышать болѣе чистымъ, чѣмъ на улицахъ, воздухомъ, или же для болѣе прозаическихъ цѣлей. Садъ этотъ еще совсѣмъ молодой и разведенъ по иниціативѣ много способствовавшаго устройству и украшенію Баку бывшаго бакинскаго губернатора, не такъ давно умершаго, генерала М. П. Колюбакина, который, между прочимъ, зная, насколько бакинская почва неспособна къ разведенію на ней древесныхъ породъ, съ цѣлью устройства городскаго сада, выписалъ изъ Ленкорани землю, перевезенную оттуда на пароходахъ, и, дѣйствительно, оказалось, что на ней принялись посаженныя растенія, немедленно погибавшія на бакинской почвѣ. Вообще Баку производитъ на путешественниковъ пріятное впечатлѣніе и безспорно можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ и красивѣйшихъ городовъ Кавказа, притомъ еще города обстраивающагося и украшающагося съ каждымъ днемъ. Прекрасная набережная, сплошь отдѣланная плитами изъ тесанаго камня, обстроена большими каменными домами, съ балконовъ и оконъ которыхъ взорамъ открывается море съ пристанью и находящимися на ней пароходами, барками и судами самыхъ разнообразныхъ типовъ. Усиленная дѣятельность, кипучая жизнь, присущая каждому портовому городу, въ Баку еще рельефнѣе обрисовываются, вслѣдствіе импульса, даннаго его торговлѣ нефтяными богатствами окрестностей. Такъ-называемый «черный городокъ», гдѣ массы заводовъ занимаются перегонкой, очисткой и другими операціями, совершаемыми надъ нефтью, городокъ, на улицахъ котораго съ трудомъ можно дышать непривычному человѣку, вслѣдствіе сажи, копоти и дыма, господствующихъ въ немъ, по дѣятельности походитъ на уголокъ какого нибудь англійскаго фабричнаго города. Привлеченіе иностранныхъ и русскихъ капиталистовъ къ разработкѣ нефти много способствуетъ процвѣтанію Баку. Благодаря неаккуратности въ доставкѣ войскъ въ Чекишляръ на пароходахъ общества «Кавказъ и Меркурій» и малому числу таковыхъ въ Баку, ко времени нашего прихода было большое скопленіе войскъ, и вслѣдствіе этого царило по улицамъ еще большее оживленіе. Надежды выбраться въ скоромъ времени изъ Баку намъ было мало, а потому мы и рѣшили воспользоваться свободнымъ временемъ, чтобъ осмотрѣть Балаганы и Сураханы—эту россійскую Пенсильванію. Поѣздку свою мы совершили верхами и, осмотрѣвъ нефтяные источники, заводы, въ которыхъ все отопленіе производится природнымъ газомъ, посредствомъ трубъ проведеннымъ изъ глубины земли; посмотрѣли и на единственнаго оставшагося въ живыхъ индѣйца-огнепоклонника, совершавшаго для насъ свое оригинальное богослуженіе. Поѣздка эта, въ высшей

Digitized by Google

степени интересная, заняла у насъ цѣлый день. По вечерамъ такъ-называемые «текинцы», т. е. офицеры войскъ, отправлявшихся въ Теке, собирались въ городскомъ клубѣ, двери котораго на все время пребыванія въ Баку были для насъ гостепріимно открыты. Разумѣется, едва-ли когда нибудь на танцовальныхъ вечерахъ этого клуба бывало такъ много танцоровъ и господствовало такое оживленіе, какъ въ періодъ прохода текинскаго отряда. Офицерство перезнакомилось съ городскимъ обществомъ, начались кавалькады, пикники, затѣмъ проводы тѣхъ частей, которымъ готовы были суда для перевоза ихъ на восточный берегъ Каспійскаго моря. Наконецъ, настала и наша очередь, и мы двинулись къ пристани рано утромъ 6-го іюня, предупрежденные агентомъ общества «Кавказъ и Меркурій» быть къ утру въ полной готовности для посадки на пароходъ. Оказалось, что въ этотъ день должна произойти отправка только одной сотни, такъ какъ больше не могло помѣститься на паровой шхунѣ «Тамара», только-что прибывшей въ Баку, освободившись отъ груза въ Чекишлярскомъ рейдѣ. Началась нагрузка лошадей въ трюмъ, при помощи паровой лебедки, для чего подъ переднія ноги и подъ животъ лошади подводятся два ременныхъ или веревочныхъ пояса, пристегивающихся надъ спиной ея къ крючку отъ цѣпи, спускающейся отъ поворотнаго бруса лебедки. Какъ только пояса пристегнутъ къ крючку, то по крику «готово» быстро начинаетъ работать лебедка; лошадь, чувствуя, какъ ее поднимаетъ къ верху, обыкновенно бросается совершенно ошалѣвшая впередъ или въ сторону и только успокоивается тогда, когда уже не чувствуетъ подъ своими ногами ни малѣйшей опоры и виситъ въ воздухѣ. Вытянувъ всѣ четыре ноги, въ большинствѣ случаевъ жалобно кряхтя, на воздухѣ она моментально успокоивается; тогда, при помощи повода и хвоста, поворачиваютъ ее вмѣстѣ съ брусомъ лебедки къ отверстію трюма, и уже послѣ этого опускаютъ въ него, причемъ, опять-таки, почувствовавъ подъ собою полъ, лошадь обыкновенно вновь начинаетъ метаться какъ угорѣлая, затѣмъ пояса съ нея немедленно снимаются, и она привязывается веревкой недоуздка къ яслямъ. Лошадей ставили тѣсно другъ къ другу и воздуха въ трюмѣ было такъ мало, что солдаты, спускавшіеся туда, заявляли свои жалобы на то, что дышать нечѣмъ. Лошадей, не помѣстившихся въ трюмѣ, поставили на палубу, для чего было устроено приспособленіе, заключавшееся въ сдѣланныхъ вдоль борта яслей, на вбитыхъ нарочно столбахъ. Людей же размѣстили гдѣ кто себѣ нашелъ мѣсто. Другая сотня была посажена такимъ же образомъ на шхуну «Армянинъ» черезъ день послѣ первой, и въ отличную тихую погоду поплыли мы къ Чекишляру,

Digitized by Google

направляясь туда прямымъ рейсомъ, т. е. не заѣзжая въ Ленкорань и по персидскимъ портамъ, какъ это дѣлаютъ почтовые пароходы. Такимъ образомъ, намъ предстояло быть на морѣ всего 29 часовъ, и капитанъ шхуны, плавающій на ней уже болѣе 20-ти лѣтъ, заявилъ, что, по всѣмъ признакамъ, плаваніе наше будетъ вполнѣ благополучнымъ, и мы прибудемъ ровно въ срокъ. Дѣйствительно, въ назначенное время бросили мы якорь верстахъ въ трехъ отъ чекишлярскаго берега, такъ какъ подойти ближе не было никакой возможности по причинѣ мелкоты рейда.

Трудно себѣ представить что нибудь болѣе неудобное для выгрузки и нагрузки, чѣмъ Чекишлярскій портъ. Еще мелкосидящія суда подходятъ на три или четыре версты отъ берега, но судно болѣе массивное, какъ, напримѣръ, пароходъ той же компаніи «Жандръ», должно останавливаться не менѣе, какъ въ шести верстахъ. До берега приходится тащиться на туркменской рыбачьей лодкѣ. При этомъ туркмены-рыболовы были наняты вмѣстѣ съ ихъ лодками по условію, на основаніи котораго они получали, кромѣ пищи, по рублю въ сутки за каждую лодку, въ рабочіе же дни плата удвоивалась. Но такъ какъ число рейсовъ отъ берега къ пароходу и обратно не было обусловлено, то туркмены и старались дѣлать какъ можно меньше рейсовъ, для чего всячески оттягивали время какъ при нагрузкѣ на лодки съ парохода, такъ во время плаванія и при выгрузкѣ на пристань, причемъ при малѣйшемъ волненіи отказывались идти въ открытое море, предпочитая получить рубль ровно ничего не дѣлая, чѣмъ два—трудясь.

Въ день нашего пріѣзда, не смотря на совершенно ясную погоду и раннее время, къ намъ подошла только одна лодка коменданта; всѣ наши ожиданія туркменскихъ лодокъ оказались тщетными, не смотря на увѣренія капитана-коменданта, что онъ немедленно распорядится присылкою намъ перевозочныхъ средствъ. Такимъ образомъ прождали мы до вечера, стоя на якорѣ въ полномъ бездѣйствіи. Ночью поднялся вѣтеръ, къ утру разыгравшійся маленькой бурей. Нашу шхуну качало страшно, послѣдствіемъ чего мало по малу явились признаки морской болѣзни у большинства пасажировъ. Несчастныхъ лошадей такъ и бросало изъ стороны въ сторону, причемъ зачастую рвавшіяся веревки недоуздковъ доставляли не мало труда обезсилѣвшимъ отъ качки казакамъ, принужденнымъ ловить въ трюмѣ оторвавшуюся лошадь. Единственное средство избавиться отъ послѣдствій морской качки—это лежать неподвижно; по крайней мѣрѣ я лично, лежа, выносилъ равнодушно непріятное качаніе,

Digitized by Google

но лишь только вставалъ съ койки, то немедленно чувствовалъ себя дурно. Повидимому, здоровая комплекція не играетъ при этомъ ни малѣйшей роли, такъ какъ самые сильные казаки валялись наравнѣ со слабыми, и во время самой сильной качки изъ полутораста человѣкъ было всего лишь два, которые чувствовали себя, по ихъ увѣреніямъ, такъ же хорошо, какъ и на сушѣ. Несчастныя лошади, у которыхъ пищепріемные органы такъ устроены, что возврата съѣденнаго быть не можетъ, повидимому тоже сильно страдали, по крайней мѣрѣ всѣ присмирѣли и стояли уныло, повѣся голову. На слѣдующій день буря не унялась, а какъ будто бы даже усилилась, и положеніе наше становилось очень непріятнымъ, такъ какъ у лошадей вышелъ весь фуражъ, а главное—вода оказалась только на днѣ резервуара. Опять предстояло намъ молчаливое лежаніе въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ. Наконецъ, на слѣдующее утро, гладкую поверхность Каспійскаго моря разрѣзали большія туркменскія лодки, направляясь къ намъ на выручку, являясь тѣмъ болѣе кстати, что воды уже не было на «Армянинѣ» ни капли. Началась нагрузка съ парохода въ лодки, опять-таки при помощи паровой лебедки, причемъ надо было быть очень осторожнымъ, такъ какъ бросающаяся со стороны въ сторону лошадь, при постановкѣ ея съ висячаго положенія на твердое основаніе дна лодки, очень легко могла перевернуть ее, или сама выскочить въ море; послѣднее и случилось съ нѣсколькими лошадьми, безъ всякихъ, впрочемъ, послѣдствій, такъ какъ подъ нихъ вновь были подведены пояса и на этотъ разъ ихъ преспокойно поставили въ устойчивыя туркменскія лодки. При выгрузкѣ Таманскаго казачьяго полка четыре лошади, перевернувъ лодку, сами вплавь добрались благополучно до берега, хотя имъ и пришлось проплыть около трехъ верстъ. Обыкновенно, при выгрузкѣ съ пароходовъ на туркменскія лодки, послѣднія тянутся на буксирѣ казеннымъ паровымъ баркасомъ, какъ отъ берега къ шхунѣ, такъ и обратно, но въ данномъ случаѣ каждая лодка прибывала отдѣльно при помощи веселъ, что произошло по причинѣ чистки котла у казеннаго баркаса, стоявшаго поэтому на якорѣ.

Первыя пришедшія сюда войска должны были выгружаться изъ лодокъ прямо въ море и по водѣ добираться до берега нѣсколько десятковъ саженей, такъ какъ даже лодки, по причинѣ мелководія, не могли причаливать къ самому берегу, вслѣдствіе чего строилась деревянная на сваяхъ пристань, уже въ день нашего пріѣзда выведенная болѣе чѣмъ на полтораста саженей въ море, и потому мы уже подъѣхали на лодкахъ прямо къ пристани.

Digitized by Google

До прихода войскъ, входившихъ въ составъ ахалъ-текинскаго экспедиціоннаго отряда, Чекишляръ представлялъ изъ себя нѣсколько десятковъ туркменскихъ кибитокъ, сгрупированныхъ на берегу моря, безжизненномъ, лишенномъ малѣйшихъ признаковъ растительности. Среди такой грустной обстановки пришлось жить два года имѣвшимъ здѣсь свою штабъ-квартиру баталіону Ширванскаго пѣхотнаго полка и сотнѣ Лабинскаго казачьяго, причемъ пунктъ этотъ носилъ названіе Чекишлярскаго поста. Когда рѣшена была въ принципѣ ахалъ-текинская экспедиція, обращено было вниманіе на Чекишляръ, какъ на самое удобное мѣсто для сбора войскъ, и съ этого времени началось его процвѣтаніе и оживленіе, впрочемъ продолжавшіяся недолго, лишь до экспедиціи 1880-го года.

II.

Чекишляръ.

Строго разбирая, Чекишляръ, какъ морская пристань, никуда не годится, но отъ него шелъ къ Ахалъ-Теке, уже до того обрекогносцированный войсками, подъ начальствомъ генералъ-маіора Ломакина, путь, сравнительно съ таковымъ же путемъ отъ Красноводска и Михайловскаго залива богаче одаренный водою (1). Съ прибытіемъ въ Чекишляръ отряда и съ выборомъ его сборнымъ пунктомъ, мертвый берегъ Каспійскаго моря, омывающаго пески Чекишлярскаго поста, оживился. Нескончаемые склады провіанта и фуража, ежедневно наполняемые подвозомъ на пароходахъ и парусныхъ судахъ, громадный обозъ, постоянное движеніе войскъ, устройство пристани съ рельсовымъ путемъ—все стало напоминать дѣятельность портоваго города; на далекое пространство масса людей суетится, движется, работаетъ. Прямо противъ пристани очищена была большая площадь, на которой помѣщались кибитки: генерала Лазарева, начальника штаба отряда полковника Маламы, командующаго пѣхотой, и вмѣстѣ съ тѣмъ начальника лагеря, Свиты Его Величества генералъ-маіора графа Борха, начальника закаспійскаго отдѣла генералъ-маіора Ломакина, командующаго артилеріей полковника Прозоркевича, всевозможныхъ канцелярій, правленій, почты и гауптвахты. Невдалекѣ отъ кибитки командующаго отрядомъ поставлена была вышка съ вѣчно ходящимъ на

(1) Такъ напримѣръ: при движеніи изъ Красноводска на Кизилъ-Арватъ приходится совершить два безводныхъ перехода: одинъ отъ колодцевъ Курцъ-Кую-сы до колодцевъ Ушакъ въ 70 верстъ, а другой, въ 130 верстъ, отъ колодцевъ Айдинъ до крѣп. Кизылъ-Арвата.

Digitized by Google

ней часовымъ. На вышкѣ развѣвался трехцвѣтный флагъ, а ночью зажигался фонарь съ рефлекторомъ, свѣтъ отъ котораго былъ видѣнъ на далекое пространство. Этотъ фонарь былъ кѣмъ-то окрещенъ названіемъ «Чекишлярской звѣзды». Подъ вышкой помѣщалась сигнальная пушка. Вправо и влѣво отъ главной квартиры тянулся лагерь войскъ, защищенный отъ морскаго прилива вырытыми со стороны моря канавами, съ насыпными съ ближайшей къ лагерю стороны земляными валами. Всѣмъ войскамъ были выданы палатки французскаго образца (tentes-abri), которыя, имѣя одно большое удобство, а именно легковѣсность, что очень важно при переноскѣ, крайне неудобны въ томъ отношеніи, что въ нихъ можно только лежать, да и то, чтобъ поставить кровать, приходилось выкапывать яму, что, при сырости и близости грунтовыхъ водъ въ Чекишлярѣ, было крайне неудобно. Палатки были правильно, даже красиво, разставлены, причемъ у большинства солдатъ внутри ихъ былъ насыпанъ густой слой сѣна въ видѣ подстилки. Офицерскія помѣщенія въ частяхъ были самыя разнообразныя, начиная отъ кибитки, офицерской палатки русскаго образца, большой куртинской и кончая заштопанной въ нѣсколькихъ мѣстахъ, выдержавшей минувшую турецкую кампанію конусообразной турецкой или, вѣрнѣе, англійской. Среди кавалерійскаго лагеря пріютилось нѣсколько кибитокъ и палатокъ командующаго кавалерій отряда свиты Его Величества генералъ-маіора свѣтлѣйшаго князя Зейнъ-Витгенштейна-Берлебурга, его канцеляріи и состоящихъ при немъ офицеровъ и ординарцевъ. Вправо отъ пристани тянулись кибитки, наскоро-сколоченные деревянные балаганы, палатки и два или три маленькихъ домика,—собственность предпріимчивыхъ людей всевозможныхъ націй, преимущественно армянъ, открывшихъ тутъ торговлю всевозможными товарами, въ ожиданіи громадныхъ барышей. Госпитальные шатры, всевозможные склады, станъ отряднаго обоза и нѣсколько туркменскихъ кибитокъ, коренныхъ чекишлярскихъ жителей, дополняли картину. Установивъ свою палатку, явившись къ своему начальству и получивъ приглашеніе отобѣдать у начальника отряда, я началъ присматриваться и изучать внутреннюю жизнь лагеря. При сильныхъ жарахъ лѣтняго времени, когда, вслѣдствіе большаго количества испареній изъ человѣческаго организма, является потребность возмѣщенія потраченнаго количества жидкостей, вслѣдствіе чего жажда усиливается и вообще больше пьется, чѣмъ въ обыкновенное время,—вопросъ о водѣ является вопросомъ существенной важности, между тѣмъ по всему песчаному прибрежью Чекишляра не было ни однаго постояннаго колодца. За

Digitized by Google

то стоило только покопать на полтора или два аршина вглубь земли, какъ уже показывалась чистая, прозрачная вода, хотя немного и солоноватая и вяжущая на вкусъ, но относительно сносная; на другой же день по вырытьи колодца, вода пріобрѣтала непріятный солоноватый вкусъ, усиливающійся все болѣе и болѣе, что было причиной того, что части войскъ принуждены были выкапывать колодцы ежедневно. Впрочемъ нѣкоторыя части, придя къ убѣжденію, что солоноватость получалась отъ верхняго слоя земли, умудрились устраивать колодцы, въ которыхъ вода не портилась довольно продолжительное время: солдаты вставляли въ колодцы большія бочки изъ подъ сахара, съ выбитыми у нихъ днищами, такъ что вода никогда не приходила въ соприкосновеніе съ солеными верхними слоями песка, и изъ колодцевъ приходилось только выгребать ежедневно накопляющійся на днѣ илъ и песокъ. Однако чекишлярская вода, не смотря на сносный вкусъ, оказывала дурное вліяніе на непривычные желудки; изъ вновь пріѣзжихъ мало кто избѣгалъ десентеріи и сильныхъ спазмовъ желудка, впрочемъ легко проходящихъ (1).

Страшной жары, которой насъ такъ запугивали, въ Чекишлярѣ войскамъ до половины іюня еще не приходилось испытывать; дующій вѣтерокъ съ моря умѣрялъ жару и сухость воздуха, къ вечеру спадалъ жаръ окончательно, а ночью такъ даже бывало прохладно Въ воздухѣ носился рѣзкій запахъ чесноку и черемши, розданныхъ войскамъ какъ предупредительныя средства противъ появившейся уже въ то время въ отрядѣ цынги. А между тѣмъ войска кормились очень

(1) Впослѣдствіи, по порученію кавказскаго военно-медицинскаго инспектора, магистръ фармаціи Оттенъ произвелъ химическое изслѣдованіе воды изъ рѣкъ и колодцевъ Закаспійскаго края. «Вѣстникъ Общества Краснаго Креста», сообщая объ этомъ, говоритъ, что для анализа доставлено было десять пробъ изъ рѣкъ Сумбара, Чандыра, Атрека и изъ колодцевъ Караджи-Батыра и Чекишляра. Рѣчныя воды оказались прозрачными, безцвѣтными и безъ запаха, солоноватаго вкуса и со щелочной реакціей; вода изъ колодцевъ Караджи-Батьера—желтаго цвѣта, вкуса непріятнаго, съ запахомъ сѣро-водороднаго газа, при значительномъ осадкѣ изъ темно-сѣрой желѣзистой глины; вода изъ колодцевъ Чекишляра—прозрачна, безцвѣтна и безъ запаха, горьковато-соленаго вкуса и со щелочною реакціею. При сравненіи изслѣдованныхъ водъ между собою и съ водою Каспійскаго моря, ясно видно вліяніе послѣдняго на подпочвенную воду. Хотя вліяніе морской воды на колодцы въ Чекишлярѣ неоспоримо, но слѣдуетъ сказать, что вліянію этому она подвергается не вездѣ одинаково. Вода изслѣдованныхъ мѣстъ Закаспійскаго края для питья и приготовленія пищи совершенно непригодна. Количество сѣрной кислоты, щелочныхъ металовъ и въ особенности хлора—слишкомъ превышаетъ тѣ предѣлы, которые указаны наукою, для доброкачественной воды въ санитарномъ смыслѣ. Вслѣдствіе значительной жесткости, вода также негодна для техническихъ цѣлей, какъ-то: для питанія паровиковъ и паровозовъ и для мытья бѣлья.

Digitized by Google

хорошо, пища получалась въ изобиліи и отличнаго качества, причемъ части ничего не пріобрѣтали покупкой, а все натурой отъ подрядчика А. С. Карганова. Всѣ чины отряда, какъ офицеры, такъ и солдаты, по положенію получали съ приходомъ въ Чекишляръ морскую провизію, или, какъ ее называютъ солдаты, морскую порцію. Размѣръ ея, опредѣленный приказомъ, былъ слѣдующій: на человѣка въ день: мяса одинъ фунтъ, сухарей два фунта, крупъ полфунта, капусты квашеной 50 зол., муки на подботлку 4 зол., масла коровьяго 5 зол., соли 13 зол., чесноку 1 зол., перцу 0,16 зол., лавроваго листу столько же, луку 4 зол., крупъ ячневыхъ и пшеничныхъ, вмѣсто гороха и фасоли. 32 зол. и одна чарка полугару; уксусу въ мѣсяцъ пять чарокъ. При недостаткѣ свѣжаго мяса допускался отпускъ солонины, а вмѣсто масла—сало въ опредѣленной пропорціи. При походныхъ движеніяхъ, въ виду того, что рогатый скотъ, вслѣдствіе недостатка воды и подножнаго корма, въ Туранской пустынѣ, за отрядомъ слѣдовать не былъ въ состояніи, рѣшено было образовать отрядное стадо барановъ, обыкновенно довольствующихся самымъ скуднымъ кормомъ и могущихъ оставаться по нѣсколько дней безъ воды. Отпускъ въ части войскъ порціонныхъ денегъ на покупку мяса во время похода не производился, что было очень благоразумно въ виду того, что: 1) каждой отдѣльной части было очень затруднительно въ этомъ краѣ пріобрѣтать покупкой барановъ; 2) люди вслѣдствіе этой мѣры не могли, изъ желанія загнать экономію, употреблять въ пищу меньшее количество положеннаго имъ мяса въ ущербъ своему здоровью, и въ 3) за однимъ общимъ стадомъ всего отряда легче было устроить наблюденіе, чѣмъ за многими мелкими стадами. Кромѣ вышеприведенныхъ продуктовъ, отпускался чай по 1/2-фунту въ мѣсяцъ на человѣка и сахару по 3 фунта.

Не имѣя по пути въ Ахалъ-Теке складочныхъ пунктовъ, все необходимое для довольствія отряда должно было возиться вмѣстѣ съ войсками, вслѣдствіе чего перевозочныя средства, какъ и во всякомъ походѣ по пустынямъ, должны были играть первостепенную роль. Степные походы послѣдняго времени научили насъ тому, какъ снаряжаться для движенія по пустынѣ, какъ ходить по ней. Всевозможныя способы перевозки за отрядомъ тяжестей были испытаны нами во время послѣднихъ походовъ, и вотъ результатъ этихъ испытаній. Во время хивинской экспедиціи были испытаны слѣдующія перевозочныя средства: вьючные верблюды, четырехколесныя повозки, запряженныя лошадьми, и двухколесныя арбы, запряженныя верблюдами, волами и лошадьми. Выводъ изъ испытаній былъ тотъ, что наиболѣе

Digitized by Google

пригоднымъ для пустыни можно безошибочно считать верблюда. Обходясь безъ воды до пяти дней, онъ не нуждается въ возкѣ для него корма, такъ какъ его неприхотливость даетъ ему возможность почти вездѣ въ пустынѣ находить кормъ; кромѣ того, онъ поднимаетъ значительные грузы, выносливъ, терпѣливъ и везетъ тяжесть до тѣхъ поръ, пока окончательно не выбьется изъ силъ. Осенью и зимою хорошій верблюдъ легко можетъ носить на себѣ вьюкъ въ 12 пудовъ вѣсомъ, весною же во время течки, когда онъ почти ничего не ѣстъ, отчего мартъ мѣсяцъ на мангишлакѣ называютъ «тюе-уроза» верблюжій постъ, верблюдъ все-таки поднимаетъ до восьми пудовъ; запряженный-же въ арбѣ, онъ можетъ тянуть отъ 20 до 30 пудовъ. Лошади трудно обойтись безъ воды даже два дня, а въ пустынѣ это всегда можетъ случиться, такъ какъ при незначительномъ количествѣ колодцевъ на привалѣ и при труднодоставаемости изъ нихъ воды иногда едва бываетъ возможно во время отдыха напоить людей, а ужь о лошадяхъ и думать нечего. Брать же съ собою воду для обозныхъ лошадей является лишнимъ бременемъ для отряда. Разумѣется, что все это касается только до движенія по мѣстностямъ бѣднымъ водою, тамъ-же, гдѣ есть вода въ изобилія, перевозка посредствомъ повозокъ, запряженныхъ лошадьми, является значительнымъ подспорьемъ отряду. Изъ четырехъ четвертей овса, которые можетъ поднять лошадь, двѣ четверти въ теченіе мѣсяца эта лошадь съѣстъ сама, а двѣ другія привезетъ для лошади кавалерійской или артилерійской. 300 одноконныхъ повозокъ доставятъ мѣсячное довольствіе для сотенъ, не считая того, которое будетъ въ то же время везтись для своихъ лошадей. Волы совершенно непригодны для движенія по пустынѣ, такъ какъ, двигаясь крайне медленно, они требуютъ большаго количества воды, и для нихъ необходимо возить съ собою сѣно, что въ походныхъ движеніяхъ, при громоздкости этого груза, непримѣнимо. Мнѣніе это подтверждается тѣмъ фактомъ, что при движеніи мангишлакскаго отряда отъ озера Ирали-Кочкома къ колодцамъ Кара-Кудукъ (73 версты) всѣ быки, за исключеніемъ одного, пали. Слѣдовательно окончательные выводы сводятся къ слѣдующему: 1) въ мѣстахъ песчаныхъ и маловодныхъ необходимо имѣть исключительно верблюжій вьючный обозъ; 2) въ мѣстности не песчаной, но маловодной,—тоже верблюжій обозъ, но частью вьючный, частью съ запряжкою въ повозки, и наконецъ 3) въ мѣстности не песчаной и обладающей достаточнымъ количествомъ воды часть колеснаго обоза можно имѣть запряженной лошадьми. Между четырехъ и двухколесными повозками всѣ преимущества на сторонѣ послѣднихъ, и

Digitized by Google

предпочтеніе надо дать хивинской арбѣ, на высокихъ колесахъ. Хорошая лошадь, запряженная въ такую арбу, легко везетъ въ ней 20 пудовъ груза. Когда рѣшеніе предпринять экспедицію въ Ахалъ-Теке было принято окончательно, то штабъ Кавказскаго военнаго округа поручилъ начальнику закаспійскаго отдѣла генералъ-маіору Ломакину запастись верблюдами для отряда. Генералъ Ломакинъ тотчасъ-же приступилъ къ сбору верблюдовъ на Мангишлакѣ, у киргизовъ-адаевцевъ. Верблюдовъ было собрано къ 25-му марту у форта Александровскаго 3,290 штукъ съ платою по 15 рублей въ мѣсяцъ за верблюда, при довольствіи на счетъ казны верблюдовожатымъ и съ выдачею послѣднимъ тоже по 15 рублей въ мѣсяцъ каждому. Принятые верблюды паслись съ конца марта по конецъ апрѣля у колодцевъ Бурнакъ. Время, когда пришлось собирать этихъ верблюдовъ, было крайне неблагопріятно для употребленія ихъ на работу, такъ какъ это было весною, во время течки, а верблюды, какъ я уже говорилъ, вообще слабѣютъ весною. Изъ форта Александровскаго верблюды эти были пригнаны въ Красноводскъ, гдѣ въ ожиданіи прибытія изъ Чекишляра военнаго конвоя простояли около полутора мѣсяца; въ этотъ промежутокъ времени текинцы угнали изъ этого стада 200 головъ. 6-го мая, когда уже прибыли изъ Чекишляра въ Красноводскъ войска, предназначенныя конвоировать верблюдовъ, по провѣркѣ послѣднихъ оказалось 3,030 штукъ. Верблюжій обозъ этотъ, выйдя изъ Красноводска 9-го мая и имѣя на пути двѣ дневки, прибылъ въ Чекишляръ 24-го числа, сдѣлавъ слишкомъ 400 верстъ труднаго пути, причемъ во время марша два верблюдовожатыхъ киргиза угнали на Магишлакъ 248 верблюдовъ, кромѣ того 274 пристали и 30 пали, такъ что въ Чекишляръ пригнано всего 2,478 штукъ. Изъ нихъ 401 по негодности къ работѣ посланы были немедленно по приходѣ на поправку въ пески. Затѣмъ, въ первыхъ числахъ іюня оставлено въ Чатѣ по негодности къ работѣ 56, такъ что въ транспортѣ осталось всего 2,021 верблюдъ. Слабость и негодность этихъ киргизскихъ верблюдовъ превысила всякія ожиданія, и къ 10-му іюля изъ нихъ оказались годными къ работѣ всего 150 штукъ, вслѣдствіе чего остальные и были отпущены обратно на Мангишлакъ, вмѣстѣ съ большею часть ихъ вожаковъ. Кромѣ того, у туркменъ наняли верблюдовъ: въ началѣ мая 5,000 и въ началѣ іюня 1,484,—послѣднихъ для отправки тяжестей авангарда. Эти верблюды, по окончаніи работъ, были возвращены владѣльцамъ, такъ что при отрядѣ къ 1-му іюля осталось слѣдующее число: туркменскихъ верблюдовъ, купленныхъ полковникомъ Навроцкимъ, 3,000, причемъ плата

Digitized by Google

за каждаго купленнаго верблюда была въ 60 рублей, изъ которыхъ 30 рублей бумажками и 30 серебромъ, и 3,000 нанятыхъ у джафарбаевъ и атабаевъ, кочевавшихъ у колодцевъ Бугдайли и Шаирды, на правой сторонѣ Атрека, съ платою по пятидесяти копѣекъ въ день, да нанятыхъ штабъ-капитаномъ Ягубовымъ у туркменъ, кочующихъ у Чата, 2,160, итого 8,160 туркменскихъ и 150 киргизскихъ верблюдовъ,—число крайне недостаточное. Между туркменскими верблюдами попадались такіе, что никогда прежде не ходили подъ вьюками, т. е. неуки. 2-го іюля былъ отправленъ въ Чатъ транспортъ, состоявшій изъ верблюдовъ, только что нанятыхъ у джафарбаевъ и атабаевъ; изъ нихъ болѣе ста сбросили съ себя вьюки и, не смотря на всѣ усилія, такъ-таки и не удалось заставить ихъ работать. Арбяной транспортъ, состоявшій изъ 1,500 одноконныхъ арбъ, взялся поставить отряду подрядчикъ Кархановъ, причемъ сумма денегъ, полученныхъ имъ за этотъ транспортъ, съ его четырехмѣсячнымъ содержаніемъ равнялась по контракту 357,750 руб. Контрактъ во всѣхъ своихъ частяхъ былъ выполненъ вполнѣ и въ высшей степени добросовѣстно, причемъ арбы и лошади были куплены въ Владикавказскомъ и Моздокскомъ округахъ Терской области, а погонщиками къ нимъ наняты: чеченцы, ингуши, осетины, армяне, отставные солдаты и казаки. Арба съ лошадью обошлась отъ 70 до 90 р. Погонщикъ получалъ отъ подрядчика 20 рублей въ мѣсяцъ, на хозяйскихъ харчахъ; если же не желалъ хозяйскихъ харчей, то взамѣнъ получалъ добавочную плату отъ шести до восьми рублей, причемъ каждый погонщикъ имѣлъ подъ своимъ наблюденіемъ пять арбъ, а надъ каждыми десятью погонщиками присматривалъ прикащикъ, получавшій 30 руб. въ мѣсяцъ; въ свою очередь, на каждыхъ четырехъ прикащиковъ былъ одинъ управляющій со ста рублями ежемѣсячнаго содержанія. Такимъ образомъ, весь персоналъ при обозѣ состоялъ изъ 360 человѣкъ. Изъ Петровска въ Чекишляръ, арбяный обозъ доставлялся на пароходахъ, на казенный счетъ. Хотя по контракту и полагалось на каждую арбу накладывать по 20 пудовъ тяжестей, но въ виду того, что морское путешествіе изнурило многихъ лошадей, а главное, что при движеніи въ Чатъ на Караджа-Батырѣ и Девюнъ-Баши чувствуется большой недостатокъ воды, начальникъ отряда разрѣшилъ накладывать на арбу по 17-ти пудовъ. Съ 29-го апрѣля по 2-е іюля дѣятельность арбянаго транспорта выразилась слѣдующими цифрами: 1) съ 29-го по 7-е апрѣля 200 арбъ перевезли въ Чатъ 4,000 пудовъ казеннаго груза; 2) съ 29-го мая по 7-е іюня на 350 арбахъ поднято 6,000 пудовъ; 3) 6-го іюня

Digitized by Google

отправлено 300 арбъ въ Дузъ-Олумъ. Затѣмъ, слѣдовали рейсы: 10-го іюня 210 арбъ, 17-го—200, 23-го—144, 25-го—132, 27-го—179. Всего за этотъ періодъ времени перевезено изъ Чекишляра 33,375 пудовъ. Кромѣ того, арбы принесли существенную пользу при постройкѣ пристани, подвозя землю, камышъ и другіе строительные матеріалы. На случай могущей встрѣтиться необходимости въ экстренныхъ движеніяхъ кавалеріи, когда верблюды не въ состояніи поспѣвать за нею, приготовленъ былъ транспортъ изъ 337 муловъ, нанятыхъ въ Персіи, въ ожиданіи этихъ движеній тоже употреблявшійся для перевозки грузовъ, къ передовымъ частямъ отряда.

Если не ошибаюсь, по мысли генерала Лазарева, отрядъ былъ составленъ изъ баталіоновъ, отдѣленныхъ отъ своихъ полковъ, причемъ имъ придана была самостоятельность, и командиры оныхъ пользовались правами командировъ полковъ. Ни одной пѣхотной части въ полномъ составѣ не входило въ ахалъ-текинскій экспедиціонный отрядъ, а сводный стрѣлковый баталіонъ даже былъ сформированъ изъ четырехъ ротъ, взятыхъ по одной изъ четырехъ кавказскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Изъ кавалеріи одинъ только конно-иррегулярый Дагестанскій полкъ былъ въ полномъ составѣ. Остальныя-же части были въ видѣ дивизіоновъ или же четырехъ казачьихъ сотенъ. Главными основаніями, почему генералъ Лазаревъ стоялъ за подобный составъ отряда, были слѣдующія: 1) что при этомъ большая часть полковъ и дивизій Кавказскаго военнаго округа, имѣя своихъ представителей въ отрядѣ, могла ознакомиться съ требованіями степныхъ походовъ, и 2) что можно было командировать части полковъ, не разстраивая цѣлаго и не приводя ихъ въ военный составъ, устранивъ изъ отправляющихся въ походъ частей всѣхъ чиновъ, не бывшихъ въ состояніи безъ вреда для ихъ здоровья переносить степныхъ походовъ, равно какъ и новобранцевъ и людей набора 1873 года, т. е. подлежавшихъ увольненію въ запасъ.

Всѣ части, командированныя въ Закаспійскій край, получили при выходѣ изъ штабъ-квартиръ инструкцію, въ которой командирамъ предлагалось руководствоваться слѣдующими пунктами:

1) При каждомъ баталіонѣ имѣть: лазаретъ на 12 мѣстъ, по одному санитарному ранцу на роту и по фельдшерской сумѣ на баталіонъ, санитарныя принадлежности и медикаменты и по двое носилокъ на роту.

2) Обозъ имѣть въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ пѣхотѣ—по одной пароконной повозкѣ на роту и по шести четырехконныхъ фургоновъ на баталіонъ, въ томъ числѣ одинъ лазаретный (подъ обозъ выдѣлить

Digitized by Google

полковыхъ лошадей, назначивъ на баталіонъ еще по двѣ запасныхъ лошади); казакамъ—только вьючный обозъ, по 14 лошадей на сотню; дивизіону драгунъ—только четырехконный лазаретный фургонъ, такъ какъ по прибытіи въ Чекишляръ онъ будетъ снабженъ 34-мя вьючными лошадьми; саперной ротѣ—одну ротную пароконную повозку и два четырехконныхъ фургона.

3) Войскамъ взять въ походъ мундиры, зимніе шировары и шинели перваго срока; имѣть на каждаго нижняго чина: по двѣ гимнастическія рубахи (въ кавалеріи—по два кителя), по двѣ пары сапогъ, одну пару поршней туземнаго образца, галстухъ, башлыкъ, не менѣе трехъ рубахъ, двухъ паръ подштанниковъ, трехъ паръ холщевыхъ портянокъ, вмѣсто ранца мѣшокъ туркестанскаго образца и, независимо котелка, бутылку для воды, обшитую сѣрымъ сукномъ.

4) Въ походъ не брать: штыковыхъ ноженъ, тесаковъ, лѣтнихъ бѣлыхъ шароваръ, наушниковъ, рукавицъ и полушубковъ, а драгунамъ—киверовъ.

5) Офицерамъ разрѣшено не брать мундировъ, имѣть шапки вмѣсто кепи и азіятскія шашки вмѣсто форменныхъ сабель.

6) Въ каждой ротѣ, сотнѣ и эскадронѣ имѣть по три котла съ крышками, каждый на 50—60 человѣкъ, два для варки щей или супа, а третій—для каши, по двѣ косы и по два серпа; кромѣ того, при баталіонномъ обозѣ косъ и серповъ—по шести.

7) Всѣмъ войскамъ имѣть восьми-дневный сухарный запасъ, комплектъ патроновъ, запасныя оружейныя части и необходимый въ походѣ мастеровой инструментъ.

8) Изъ хозяйственныхъ суммъ частей выдѣлить на непредвидѣнные расходы: въ каждый баталіонъ по 1,500 руб., въ дивизіонъ драгунъ 1,000 руб., въ казачью сотню по 600 руб. Въ каждой ротѣ, сотнѣ и эскадронѣ, при выступленіи въ походъ, имѣть съѣстной и хозяйственной суммъ не менѣе 500 рублей.

9) Такъ какъ части войскъ закаспійскаго отдѣла по необходимости будутъ разбиты на мелкіе отряды и колонны, раздѣленные другъ отъ друга на значительное разстояніе, то, дабы не замедлять отпуска войскамъ всего необходимаго, засвидѣтельствованіе всѣхъ требованій и отчетовъ предоставляется начальникамъ второстепенныхъ отрядовъ, колоннъ и укрѣпленій.

Головной уборъ всѣхъ нашихъ пѣхотныхъ частей—кепи, совершенно непригодное для степныхъ походовъ, было въ войскахъ ахалъ-текинскаго отряда отмѣнено, а вмѣсто ихъ всѣ части обзавелись суконными шапками (картузы) съ козырьками и бѣлыми чахлами.

Digitized by Google

Полковникъ Гродековъ, хорошо изучившій средне-азіятскія степи и пустыни и могущій считаться авторитетомъ, въ данномъ случаѣ говоритъ, что «исключительно кепи надо приписать мгновенные смертные случаи отъ солнечныхъ ударовъ. У нѣкоторыхъ солдатъ, уже по возвращеніи съ хивинскаго похода, дѣлались нарывы въ мозгу, послѣдствіемъ чего была смерть. Между тѣмъ у кавказскихъ казаковъ и у лезгинъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, носившихъ папахи, у офицеровъ всѣхъ отрядовъ и у казаковъ оренбургскихъ, уральскихъ, сибирскихъ и семирѣченскихъ, носившихъ фуражки, ни одного случая солнечнаго удара не было. Поэтому безусловно необходимо, чтобы люди въ походахъ по пустынѣ были въ суконныхъ фуражкахъ, съ широкимъ дномъ, подложеннымъ тонкимъ войлокомъ и съ длиннымъ козырькомъ. Только такимъ головнымъ убором, изготовленіе котораго возможно въ каждой части войскъ (англійскія войлочныя каски, принятыя и въ афганскихъ войскахъ, еще лучше фуражекъ) можно предохранить людей отъ солнечныхъ ударовъ.

Послѣдствія показали, насколько раціональна была мѣра введенія подобныхъ фуражекъ, и изъ сравненія случаевъ солнечныхъ ударовъ ахалъ-текинскаго похода съ бывшими дотолѣ походами по пустынямъ, совершенными отрядами, въ которыхъ войска сохранили кепи, хотя и съ чахломъ и назатыльникомъ, громадное преимущество остается на сторонѣ перваго, и, если не ошибаюсь, то только въ день Денгиль-Тепинскаго боя, при 27-ми-верстномъ переходѣ въ страшную жару, безъ капли воды на всемъ протяженіи перехода, совершеннаго уже утомленными походомъ безъ дневокъ войсками, было нѣсколько случаевъ солнечнаго удара—да и то не смертельныхъ. Остальные же бывшіе въ частяхъ примѣры солнечныхъ ударовъ были прямымъ послѣдствіемъ неосторожности нижнихъ чиновъ, не смотря на строгое запрещеніе выходившихъ изъ палатокъ съ открытой головою. Вообще надо отдать полную справедливость организаторамъ отряда, что на матеріальное положеніе нижняго чина было обращено большое вниманіе, всякій раціональный совѣтъ принимался съ благодарностью и приводился въ исполненіе, хотя бы при этомъ приходилось измѣнять первоначальныя распоряженія. Такъ, напримѣръ, практическіе выводы заставили немного измѣнить первоначально установленную суточную дачу на каждаго человѣка, окончательно выразившуюся въ слѣдующихъ цифрахъ: сухарей $2^1/_4$ фунта, крупъ 32 зол., мяса 1 ф., пшеничной муки 4 зол., рису 32 зол., $^{16}/_{100}$ зол., лавроваго листа $^{16}/_{100}$ зол., луку 4 зол., чесноку 1 зол., соли 10 зол., масла коровьяго или курдючнаго сала 5 зол., фруктовой кислоты 5 зол. и

Digitized by Google

зелени въ консервахъ 8 зол. (или квашеной капусты, или черемши 50 зол.); кромѣ того, на 100 человѣкъ въ день, съ 1-го мая по 1-е сентября: чаю 1 ф., сахару 3 ф. и спирту по двѣ получарки въ мѣсяцъ на человѣка; съ 1-го сентября по 1-е мая: на 100 человѣкъ въ день чаю $^1/_3$ ф. и сахару 1 ф., спирту по 4 получарки въ мѣсяцъ на человѣка. Такимъ образомъ, суточная дача нижнихъ чиновъ лѣтомъ равнялась $4^1/_2$ ф. въ день на человѣка, включая сюда и мясо.

Фуражная дача въ Чекишлярѣ, Чатѣ и Дузъ-Олумѣ, въ трехъ пунктахъ, занятыхъ въ то время нашими войсками, была опредѣлена обыкновенная; на походѣ же долженъ былъ получаться одинъ ячмень въ размѣрѣ 4-хъ гарнцевъ въ сутки. Съ 15-го мая по 4-е іюня и затѣмъ еще нѣсколько разъ, въ періоды нѣсколькодневные, впослѣдствіи, по случаю недостаточности сѣна въ Чекишлярѣ, недостатка, происшедшаго вслѣдствіе неисправности въ подвозѣ судами, дача его была уменьшена въ $7^1/_2$ фунтовъ, а недостающее количество сѣна замѣнялось: пять фунтовъ сѣна—однимъ гарнцемъ овса, или $^{22}1/_2/_{30}$ гарнца ячменя. Эта замѣна хотя по своей питательности и была равномѣрна, но отзывалась на здоровьѣ лошадей, и въ этотъ періодъ времени было нѣсколько примѣровъ падежа лошадей, вскрытіе которыхъ показало, что онѣ, привыкнувъ къ извѣстному объему пищи, дополняли недостатокъ пескомъ и ракушками, которые они поѣдали въ такомъ количествѣ, что, по словамъ магистра ветеринарныхъ наукъ г. Животовскаго, по вскрытіи одной павшей въ дивизіонѣ 1-й батареи Терскаго казачьяго войска лошади, у ней въ ободочной кишкѣ найдено было около трехъ пудовъ песку. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, кромѣ того, между лошадьми появился сапъ, впрочемъ очень быстро прекращенный вслѣдствіе энергическихъ мѣръ, принятыхъ начальниками частей, по указанію ветеринарнаго врача г. Животовскаго. Причину, вызвавшую появленіе сапа, надо искать въ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыя ставились лошади, при перевозкѣ ихъ изъ Баку и изъ Петровска въ Чекишляръ, во время которой ставили лошадей въ душные тѣсные трюмы, не очищенные послѣ предъидущей перевозки; затѣмъ, по прибытіи на восточный берегъ Каспійскаго моря на здоровье лошадей имѣли громадное вліяніе рѣзкія перемѣны температуры, ночная сырость и другія причины. По тщательномъ осмотрѣ лошадей отряда и арбнаго транспорта оказалось 36 больныхъ сапомъ лошадей, которыхъ немедленно застрѣлили, и 55, частью страдавшихъ острымъ катаромъ носовой полости, а частью затяжнымъ мытомъ. При малѣйшемъ признакѣ сапа, лошадь

Digitized by Google

убивалась и тщательно закапывалась вдали отъ лагеря и на значительной глубинѣ.

Санитарное состояніе отряда въ Чекишлярѣ за это время, т. е. въ маѣ и іюнѣ, если не считать желудочныя болѣзни, которыя оканчивались полковымъ околодкомъ, было весьма удовлетворительно, такъ что въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ собственно въ войскахъ чекишлярскаго отряда умерло всего три человѣка: одинъ изъ нихъ отъ воспаленія легкихъ, одинъ отъ кроваваго поноса и одинъ отъ отека легкихъ, — послѣдній скоропостижно; да въ чекишлярскомъ отдѣленіи госпиталя умерло пять человѣкъ. Въ самомъ вредномъ относительно здоровья изъ занятыхъ нами пунктовъ, а именно Чатѣ, къ 1-му іюня въ госпиталѣ находилось: лихорадочныхъ 13, больныхъ кровавымъ поносомъ 15 и слизистымъ 7. Къ несчастью въ іюлѣ болѣзни стали разростаться прогресивно, въ особенности же въ Чатѣ и Терсаканѣ, что болѣе всего можно объяснить вліяніемъ усилившихся жаровъ, дѣйствующихъ разслабляющимъ образомъ на человѣческій организмъ. Въ теченіе этого мѣсяца какъ болѣзненность, такъ и смертность въ отрядѣ значительно усилились, о чемъ можно судить изъ того обстоятельства, что въ чекишлярскомъ отдѣленіи госпиталя въ продолженіе іюля умерло 21 человѣкъ, въ чатскомъ же отдѣленіи—31. На первый взглядъ казалось бы, что чѣмъ дольше приходится жить въ какомъ бы то ни было климатѣ, тѣмъ больше можно къ нему привыкнуть и легче переносить свойственныя мѣстности условія, вредно отзывающіяся на организмѣ, но въ туранской пустынѣ опытъ показываетъ противоположное, и такія болѣзни, какъ, напримѣръ, цынга, болѣе всего поражали части, находившіяся въ закаспійскомъ отдѣлѣ, еще до сбора ахалъ-текинскаго экспедиціоннаго отряда, такъ что, напримѣръ, въ Лабинскомъ дивизіонѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ состояло по различнымъ госпиталямъ 35 цинготныхъ, тогда какъ въ Волгскомъ дивизіонѣ за все время экспедиціи 1879 года былъ всего одинъ примѣръ, да и то легкій. Доктора приписывали слѣдующимъ причинамъ появленіе и распространеніе въ войскахъ отряда цынги: 1) неблагопріятныя условія климата; 2) чрезмѣрная жара; 3) дурное качество воды; 4) усиленныя дорожныя и другія работы; 5) сторожевая служба подъ палящими солнечными лучами; 6) недостатокъ растительной пищи и, наконецъ, плохое качество баранины и рогатой скотины, отпускавшейся войскамъ.

Офицеры въ матеріальномъ отношеніи были вполнѣ обезпечены, такъ какъ получали мясо и морскую провизію наравнѣ съ нижними чинами безплатно, а при отправленіи въ отрядъ получили подъемныя,

Digitized by Google

на которыя и могли болѣе и менѣе хорошо себя обставить на время похода; но въ финансовомъ отношеніи положеніе субалтернъ-офицеровъ заставляло желать многаго вслѣдствіе слѣдующихъ причинъ. Во время этой экспедиціи, не смотря на то, что, напримѣръ, въ Чатѣ и за 300 рублей невозможно было достать сажени дровъ, и даже войска зачастую были поставлены въ затруднительное положеніе относительно добыванія топлива, такъ какъ дровъ не хватало въ складахъ и имъ приходилось съ большимъ трудомъ собирать кизякъ, сухую верблюжью траву и другіе воспламеняющіеся предметы, справочная цѣна сажени дровъ была 25 рублей, такъ что на долю субалтернъ-офицера выходило 3 рубля въ мѣсяцъ. Этими деньгами и 9-ю рублями походныхъ, получавшихся въ мѣсяцъ до предполагавшагося перехода нашей границы за Чатомъ, да 18-ю рублями въ мѣсяцъ полевыхъ суточныхъ, получавшихся до выступленія отряда изъ Чекишляра только авангардомъ, стоявшимъ въ Дузъ-Олумѣ, въ совокупности съ содержаніемъ мирнаго времени, многимъ изъ офицеровъ приходилось жить двумя домами, т. е. самому въ отрядѣ и семьѣ въ штабъ-квартирѣ, да еще имѣть въ виду, что по окончаніи экспедиціи придется экипироваться съ ногъ до головы, такъ какъ все взятое съ собою бѣлье и платье навѣрное по окончаніи похода перестанетъ быть годнымъ къ употребленію, сгоритъ, порвется, поизносится. Впрочемъ еще небольшая прибавка въ содержаніи во время экспедиціи происходила оттого, что всѣмъ офицерамъ пятую часть содержанія выдавали серебряной монетой, т. е. рублями. Эта мѣра была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстные жители, туркмены, какъ живущіе въ нашихъ владѣніяхъ, такъ и перекочевывающіе изъ Персіи, имѣя въ послѣдней торговыя сношенія, не принимали нашихъ кредитныхъ бумажекъ и даже мелкаго серебра, а только рубли, причемъ установили свой курсъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ туркменъ за маленькій коврикъ просилъ двадцать бумажныхъ или двѣнадцать серебряныхъ рублей; предложеніе взять мелкою размѣнною серебряною монетою онъ отклонилъ, заявивъ, что мелкія деньги все равно, что бумажныя. По лагерю ходили туркмены, скупавшіе серебро, давая до 1 руб. 80 коп. за рубль.

А. Ржевускій.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

ВОЕННЫЙ
СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

173716/1.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ CLVIII

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая улица, д. № 36.
1884

3(05)
488

Digitized by Google

ОТЪ ТИФЛИСА ДО ДЕНГИЛЬ-ТЕПЕ.

(Изъ записокъ участника).

(Статья вторая) (1).

Окончаніе главы II-й.

Получивъ въ день моего пребытія въ Чекишлярѣ приглашеніе отъ начальника отряда отобѣдать у него, я къ часу пополудни подошелъ къ кибиткѣ, предназначенной для столовой и стоявшей рядомъ съ кибиткой, въ которой я былъ принятъ утромъ генераломъ Лазаревымъ. Група офицеровъ ожидала выхода командующаго войсками изъ его кибитки. Ожидавшіе составляли его штабъ. Генералъ не заставилъ себя долго ждать. Выпивъ рюмку водки и закусивъ, сѣли за длинный столъ, всего человѣкъ пятнадцать, и принялись за обѣдъ. Тутъ же, въ кибиткѣ, стояла машинка для приготовленія льда, и два милиціонера медленно качали находящійся при ней насосъ. Въ привинченныхъ къ машинкѣ графинахъ постепенно кристализировалась вода, превращаясь въ ледъ. Когда въ графинахъ образовалась достаточное количество льда, то графины отвинчивали и ставили на столъ, къ тому концу, гдѣ сидѣлъ Лазаревъ. Впрочемъ, вообще машинка, подобная той, что была у Лазарева и Корганова, совсѣмъ не удовлетворяла своему назначенію, поглощая очень много труда и матеріала и результатомъ давая очень небольшое количество льда. Замѣчу, что здѣсь, какъ и повсюду, мухи просто отравляли наше существованіе весь іюнь и іюль мѣсяцы, и человѣкъ, не видавшій ихъ въ Чекишлярѣ, не можетъ себѣ составить яснаго понятія о томъ, до какого страшнаго количества можетъ размножиться это докучливое насѣкомое. Заснуть, не укутавшись съ головою, не представлялось ни малѣйшей возможности, вслѣдствіе чего большинство офицеровъ обзавелось кисейными пологами, опускавшимися вплоть до земли. Но даже подъ пологомъ нельзя было себя считать оконча-

---

(1) См. «Воен. Сборн.», 1884 г., № 6-й.

Digitized by Google

тельно гарантированнымъ отъ укушенія, такъ какъ того времени, когда забираешься подъ пологъ, достаточно, чтобъ нѣсколькимъ штукамъ пробраться подъ него и начать безпокоить васъ. Выпить стаканъ чаю или вина, съѣсть тарелку супу, безъ того, чтобъ не попадало нѣсколько мухъ, было немыслимо.

Генералъ Лазаревъ за обѣдомъ все время очень оживленно разсказывалъ своимъ сосѣдямъ о прежней жизни на Кавказѣ и главнымъ образомъ въ Дагестанѣ. Много интереснаго можно бы было почерпнуть изъ его разсказовъ, такъ какъ вся жизнь его была рядомъ боевыхъ подвиговъ, совершенныхъ главнымъ образомъ въ эпоху окончательнаго покоренія Кавказа и блистательно закончившихся штурмомъ Карса, въ минувшую русско-турецкую войну. Уроженецъ города Шуши, изъ Карабахскихъ бековъ, Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ, 18 лѣтъ отъ рода, поступилъ рядовымъ въ пѣхотный генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго (нынѣ Ширванскій) полкъ, причемъ въ званіи рядоваго получилъ знакъ военнаго ордена и въ 1842 году произведенъ за отличіе въ прапорщики. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно принималъ участіе во многихъ экспедиціяхъ, направленныхъ для усмиренія горцевъ, и всѣ ордена и чины получилъ за военныя отличія.

Въ 1850 году, будучи капитаномъ, И. Д. Лазаревъ былъ назначенъ управляющимъ ханствомъ Мехтулинскимъ, а въ 1859 году командовалъ войсками въ среднемъ Дагестанѣ и управлялъ Даргинскимъ округомъ, а также участвовалъ при взятіи Гулиба. Владѣя въ совершенствѣ нѣсколькими восточными нарѣчіями, имѣя тактъ и умѣнье обращаться съ горцами, вполнѣ изучивъ ихъ характеръ, онъ выказалъ блестящія способности въ дѣлѣ административнаго управленія туземцами. Въ 1860 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, причемъ снова принималъ участіе въ экспедиціяхъ противъ горцевъ и былъ при усмиреніи Уикратля и Андаляля, а въ 1866 году, произведенный въ генералъ-лейтенанты, назначенъ начальникомъ 21-й пѣхотной дивизіи. За это время генералъ Лазаревъ былъ раненъ два раза: въ 1847 году у аула Салты и въ 1848 году при взятіи Мескинжинскихъ завалоовъ (слѣдствіемъ чего было освобожденіе отъ блокады укрѣпленія Ахты) пулею въ шею и камнемъ въ голову, кромѣ того контуженъ въ плечо. Въ началѣ нашей послѣдней войны съ Турціей первое время Лазаревъ былъ начальникомъ тыла и не могъ показать своихъ блестящихъ военныхъ способностей, но лишь только призвали его въ передовыя войска, то сейчасъ же боевое счастье, сопутствовавшее его повсюду, вновь улыбнулось ему, и

Digitized by Google

въ дѣлѣ 3-го октября, командуя сильною обходною колонною (23 баталіона, 78 орудій и 28 эскадроновъ и сотенъ), генералъ Лазаревъ смѣло вышелъ въ тылъ туркамъ и отрѣзалъ отступленіе большой части арміи Мухтаръ-паши, принудивъ сложить оружіе и сдаться въ плѣнъ. Блестящимъ финаломъ боевой дѣятельности Ивана Давыдовича было взятіе штурмомъ, подъ личнымъ его начальствованіемъ, крѣпости Карса. Минувшая война дала ему Георгія 2-й и 3-й степени; по окончаніи же оной, пріѣхавъ въ Петербургъ—отблагодарить Государя за эти высшія военныя награды, Лазаревъ въ день Георгіевскаго праздника въ 1878-мъ году былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Послѣ войны не долго пришлось генералу почивать на лаврахъ: задумали экспедицію, и для начальствованія оной выборъ палъ на Ивана Давыдовича Лазарева. Болѣе подходящаго по боевымъ качествамъ и по умѣнью вести дѣло съ азіятами трудно было найти между нашими военно-начальниками. Нѣкоторые, впрочемъ, выражали опасенія, что у генерала не было опытности въ веденіи степной войны и совершеніи трудныхъ походовъ по пустынѣ, такъ какъ всю свою боевую службу провелъ онъ въ горахъ. Дѣйствительно, въ походѣ по пустынѣ все должно быть глубоко обдумано, разсчитано, взвѣшено. Въ пустынѣ нѣтъ никакой возможности достать что бы то ни было, и если въ снаряженіи отряда до выступленія его въ походъ есть упущенія, то ихъ впослѣдствіи ничѣмъ нельзя поправить. Если по пустынямъ и проходили полчища арабовъ, монголовъ, персовъ и другихъ азіятцевъ, при организаціи которыхъ трудно допустить строгую послѣдовательность и разумныя основы, то движеніе это по ихъ складу жизни и по способу веденія ими войны неприменимо къ европейскимъ войскамъ. Походъ азіятскаго завоевателя находилъ первообразъ въ перекочевкѣ съ мѣста на мѣсто кочевыхъ народовъ. Азіятскіе народы имѣютъ особую способность легко переносить жажду, зной, недостатокъ пищи, т. е. всѣ тѣ невзгоды и лишенія, которыя приходилось имъ испытывать при обыкновенной кочевой жизни. Скотъ слѣдовалъ за арміей, причемъ не надо забывать, что азіяты не брезгаютъ и падалью. Охота на звѣрей и птицъ тоже помогала въ дѣлѣ продовольствія, и Чингисъ-ханъ, имѣя это въ виду, запретилъ бить дичь съ марта по октябрь, дабы не перевести ея. Наконецъ такія мѣры, какъ предпринятая Тимуромъ передъ походомъ на Китай, когда онъ приказалъ согнать на Китайскую границу 30,000 верблюдовъ, чтобы молокомъ ихъ кормить своихъ воиновъ, немыслимы у насъ. Съ европейскими войсками необходимо имѣть въ виду насколько возможно восполнить

Digitized by Google

лишенія, происходящія отъ измѣненія той обстановки, при которой сложилась жизнь людей. Но мнѣ кажется, что знаніе солдатской жизни, потребностей ея и привычекъ, изученныя начальникомъ отряда въ продолженіе многихъ лѣтъ службы, въ постоянномъ соприкосновеніи съ нижними чинами, подсказали-бы ему тотъ пробѣлъ въ его военномъ знаніи, который у другихъ вырабатывался путемъ опыта, указали бы ему при помощи нѣсколькихъ лицъ изъ окружавшихъ его, изучившихъ походы по пустынямъ, тѣ слабые пункты организаціи отряда, на которые слѣдовало-бы обратить вниманіе.

Пріѣхавъ въ Чекишляръ 21-го мая, генералъ дѣятельно, горячо принялся за дѣло устройства отряда и всего необходимаго для движенія экспедиціи. Но прежде чѣмъ согласиться принять начальствованіе надъ отрядомъ, генералъ пріѣзжалъ уже въ Чекишляръ изъ Тифлиса въ концѣ марта, чтобы познакомиться съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ краѣ. Представители туркменъ, кочующихъ на нашей сторонѣ Атрека, встрѣтили его, въ первый пріѣздъ, хлѣбомъ и солью и тутъ же, дивясь его атлетическому сложенію и громадной фигурѣ, дали ему названіе батырь-сардара (богатырь главнокомандующій). Въ то же время прибылъ изъ Ахалъ-теке сынъ Тыкма-сардара, старшины крѣпости Беурма Акверды-ханъ, привезя съ собою двухъ нашихъ солдатъ, захваченныхъ текинцами въ сентябрѣ 1878 года у Чата. Эти плѣнные должны были быть обмѣнены на 14 текинцевъ, взятыхъ нами въ плѣнъ съ караваномъ, въ отместку за пять солдатъ, бывшихъ у текинцевъ. Двое нашихъ солдатъ были выпущены текинцами раньше, такъ что, за выключеніемъ двухъ привезенныхъ Акверды-ханомъ, въ плѣну оставался всего одинъ, котораго купила одна богатая вдова-текинка, объявившая, что выпуститъ его только тогда, когда получитъ обратно своего сына, взятаго нашими войсками въ 1877 году подъ Кизилъ-Арватомъ и въ то время находившагося въ Вологдѣ. Генералъ приказалъ отпустить на волю 14 текинцевъ, заявивъ Акверды-хану, что за послѣднимъ русскимъ плѣннымъ и за тѣмъ, что взятъ текинцами еще раньше, придетъ къ нимъ и отниметъ ихъ самъ. Акверды-хана Лазаревъ приласкалъ, отнесся къ нему какъ нельзя лучше и, отпуская его во-свояси, назначилъ ему 50 руб. и его отцу Текмесъ-сардару 100 р. въ мѣсяцъ, причемъ поручилъ ему передать отцу письмо слѣдующаго содержанія:

«Я, генералъ-адъютантъ Лазаревъ, назначенъ Его Императорскимъ Величествомъ, Бѣлымъ Царемъ, съ большимъ числомъ войскъ совершить походъ въ степь. Ваши соплеменники нѣсколько лѣтъ тому назадъ нападали на нашъ отрядъ, расположенный у Михайловскаго за-

Digitized by Google

лива; въ прошломъ году они сдѣлали нападеніе на Ходжамъ-Кала. Поэтому я долженъ смирить вашихъ разбойниковъ и водворить у васъ спокойствіе. Извѣщаю, что иду на васъ открыто, и если вы будете воевать, то очень этому радъ. Но въ коранѣ сказано: «если врагъ твой окажется сильнѣе тебя, то подчинись ему, какъ мнѣ, не смотря на его вѣру». Слова эти и совѣты мои передай текинскому народу. 3-го марта я благополучно прибылъ въ Чекишляръ и засталъ тамъ твоего сына Акверды-хана, что меня привело въ восторгъ. Я увидѣлъ, что ты поступилъ умно и что имѣешь горячее желаніе служить нашему Великому Бѣлому Царю. Настоящее письмо посылаю съ твоимъ сыномъ, для объявленія его народу. Помни, что цѣль нашего похода въ Теке заключается въ томъ, чтобы водворить тишину и спокойствіе и усмирить вашихъ непослушныхъ. Кто будетъ честно и усердно служить Бѣлому Царю, того я буду защищать; кто не будетъ повиноваться мнѣ, того я накажу примѣрно. Будьте въ этомъ увѣрены».

«Въ непродолжительномъ времени я съ войсками выступлю къ вамъ. Передайте мои совѣты ахалъ-текинцамъ. Пусть они явятся съ покорностью, когда я прибуду въ ихъ землю. Если они не намѣрены явиться съ покорностью, то предупреди ихъ, чтобы потомъ не имѣли на меня претензіи. Мы всѣ дѣти пророка Адама. Каждый изъ насъ долженъ держать и хранить свою вѣру крѣпко. Намъ до вашей вѣры нѣтъ никакого дѣла. Напротивъ, мы любимъ тѣхъ, которые свято исполняютъ свои обряды. Я иду къ вамъ собственно для усмиренія вашихъ злыхъ и непослушныхъ. По прибытіи въ Чекишляръ я отпустилъ всѣхъ вашихъ плѣнныхъ. Въ настоящее время у васъ осталось два нашихъ солдата. Если возвратите ихъ мнѣ, то будетъ хорошо; если же не возвратите, то я ихъ самъ найду, хотя бы они были подъ землею».

Какъ оказалось впослѣдствіи, по полученіи этого письма, Тыкма-сардаръ собралъ старшинъ многихъ ахалъ-текинскихъ родовъ и прочиталъ имъ его нѣсколько разъ; нѣсколько дней толковали старшины и, не придя ни къ какому результату, разошлись. Отвѣтъ Тыкма-сардара на письмо привезъ текинецъ Мулла-Мурадъ. Ему Лазаревъ предложилъ объѣхать лагерь, причемъ послѣ поѣздки спросилъ его: «Ну что, много видѣлъ войска?» — «Много». — «Знаешь-ли, противъ кого собраны эти войска?» — «Противъ текинцевъ». — «Такъ и передай своимъ; но пойми, что здѣсь собрана только половина войскъ. Другаго отвѣта на письмо Тыкма-сардару не будетъ».

На этомъ и прекратились наши дипломатическія сношенія съ

Digitized by Google

однимъ изъ вліятельнѣйшихъ старшинъ ахалъ-текинцевъ, ничѣмъ не проявлявшихъ желанія покончить съ нами путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Какая была вообще цѣль экспедиціи? Этотъ вопросъ задавалъ себѣ каждый изъ участниковъ и каждый объяснялъ по своему. Безчинства, производимыя ахалъ-текинцами на берегахъ Каспійскаго моря, являлись помѣхой къ развитію вносимаго нами въ наши средне-азіятскія владѣнія преуспѣванія на пути къ цивилизаціи и прогресу. Хищническое гнѣздо ихъ оставалось единственной страной въ Средней Азіи, откуда безнаказанно производились набѣги на сосѣднія страны и преимущественно на пограничныя персидскія владѣнія; взятыхъ тамъ плѣнныхъ продавали текинцы въ рабство, главнымъ образомъ, въ Бухару, но иногда даже и въ наши туркестанскія владѣнія. Россія, имѣя въ виду прекратить разъ навсегда подобныя безобразія, рѣшила подчинить своей власти это разбойничье племя или же, въ случаѣ сопротивленія, уничтожить его. Въ такомъ духѣ и написано письмо Лазаревымъ, служившее нѣкоторымъ образомъ возваніемъ къ благоразумію текинцевъ.

По первоначальному плану предположено было, сосредоточивъ весь отрядъ къ 15-му мая въ Чатѣ, немедленно идти въ землю ахалъ-текинцевъ, для того, чтобъ захватить на корню посѣвы ячменя и пшеницы или, по крайней мѣрѣ, во время уборки, такъ какъ въ оазисѣ хлѣба снимаются около іюня. Хотя всѣ части, которыя должны были войти въ составъ отряда, были въ полной готовности къ выступленію изъ своихъ штабъ-квартиръ къ 15-му апрѣля, но, вслѣдствіе начавшихся въ 1879 году черезчуръ рано сильныхъ жаровъ, плохаго состоянія дорогъ между Тифлисомъ и Баку и значительнаго между ними разстоянія, необходимо было дать срокъ для передвиженія изъ столицы Кавказа къ вышеупомянутому порту не менѣе 38 дней; затѣмъ, не смотря на то, что общество «Кавказъ и Меркурій» предоставило для перевозки войскъ съ ихъ тяжестями шесть большихъ паровыхъ шкунъ и частью четыре почтовыхъ парохода, а интендантскія и другія тяжести возило на парусныхъ судахъ, все-таки доставка войскъ изъ Баку и Петровска въ Чекишляръ производилась крайне медленно.

Войска не желали мирнаго окончанія затѣяннаго дѣла. Упоенныя еще свѣжими въ памяти побѣдами минувшей войны съ турками, наслышавшись объ легкости нѣкоторыхъ туркестанскихъ удачъ, находясь подъ впечатлѣніемъ разсказовъ тѣхъ изъ офицеровъ, которые уже видѣли ахалъ-текинцевъ въ дѣлѣ во время прежнихъ рекогносцировокъ, подъ начальствомъ генерала Ломакина и во время похода пол-

Digitized by Google

ковника Маркозова въ ноябрѣ 1872 года, съ пятью ротами сдѣлавшаго набѣгъ на текинскія крѣпостцы отъ Кизилъ-Арвата до Беурмы, причемъ онъ сжегъ до 1,500 кибитокъ и отогналъ большія стада барановъ,—всѣ только и мечтали о будущихъ успѣхахъ нашего оружія въ странахъ, куда еще не проникалъ глазъ европейца, не становилась нога цивилизованнаго человѣка. Никѣмъ изъ участниковъ экспедиціи не допускалось и мысли о возможности потерпѣть неудачу. Всѣ говорили, что мы идемъ воевать съ природою и климатомъ и что намъ надо побороть ихъ, а о непріятелѣ заботиться нечего. Безоружной ордѣ не подъ силу воевать съ хорошо организованными войсками; можетъ быть, не зная силы нашего оружія, и попытаются текинцы вступить съ нами въ бой, но послѣ перваго опыта навѣрное или принесутъ повинную, или уйдутъ въ Мервъ и дальше,—говорило большинство офицеровъ.

Для сосредоточенія запасовъ поближе къ границѣ Ахалъ-теке, для исправленія дорогъ за Чатомъ и Копанья, по предстоявшему отряду пути, колодцевъ, 6-го іюня отъ отряда былъ выдѣленъ авангардъ, ввѣренный начальству командира Кабардинскаго пѣхотнаго полка, флигель-адъютанта полковника князя Долгорукова, которому было предписано занять Дузъ-Олумъ, за Чатомъ. Авангардный отрядъ составляли слѣдующія части: по баталіону отъ Куринскаго, Кабардинскаго и Александропольскаго пѣхотныхъ полковъ, полъ роты саперъ, 3-я и 4-я сотни Таманскаго казачьяго, 3-я и 4-я сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полковъ и по взводу полевой и горной Красноводской артилеріи; всего 2,260 человѣкъ и 840 лошадей.

Затрудненія по заготовкѣ продовольственныхъ запасовъ приводили въ отчаяніе И. Д. Лазарева. Вотъ что онъ писалъ, между прочимъ, къ помощнику главнокомандующаго отъ 21-го іюня: «Здѣсь приходится бороться съ такими случайностями, предвидѣть которыя не въ силахъ человѣческихъ. Что ни день, то сюрпризъ, то непредвидѣнная случайность. Съ такими прекрасными войсками, можно сказать цвѣтомъ арміи, какія находятся у меня подъ командой, я бы давно покончилъ не только съ текинцами, но и съ Мервомъ, еслибы было приказано, но мнѣ приходится бороться съ неисправностью морскихъ перевозочныхъ средствъ, съ моремъ, съ вѣтрами, вообще съ природой. Въ концѣ концовъ препятствія будутъ преодолѣны, но въ настоящую минуту они сильно затрудняютъ и парализуютъ всѣ разсчеты и предположенія. Напримѣръ: приходятъ суда съ довольствіемъ, ихъ нужно выгружать, но какъ разъ въ это время поднимается непогода и выгрузка невозможна, затѣмъ погода устанавливается, но

Digitized by Google

суда пропадаютъ неизвѣстно гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Есть верблюды—нечего перевозить; есть припасы—нѣтъ верблюдовъ, и т. д. Конечно, я и не разсчитывалъ, чтобы все шло какъ по маслу; шероховатости неизбѣжны вообще на войнѣ, а въ пустынѣ тѣмъ болѣе; но я никогда не думалъ встрѣтить такую массу затрудненій. Самый главный врагъ—море; пришлось устраивать дамбу и пристань, но буря размывала всѣ работы; камышъ для фашинъ возили за 30 верстъ. То барказъ затонулъ, то у мелкосидящаго судна машина испортилась и везутъ его въ Баку чинить. Въ Чекишлярѣ настоящая школа терпѣнія.

Въ отрядѣ всѣ ждали съ нетерпѣніемъ окончанія чекишлярскаго сидѣнія, однообразіе жизни котораго начинало всѣмъ надоѣдать страшно. Днемъ, бывало, положительно не знаешь, что дѣлать отъ скуки; обливаясь потомъ, сидишь себѣ въ палаткѣ, выходя изъ терпѣнія отъ надоѣдающихъ мухъ; лежать на постели, забравшись подъ пологъ, значитъ во время дневной жары обречь себя на пытку, задохнуться отъ недостатка воздуха, выйти же куда нибудь изъ палатки во время полуденнаго зноя добровольно, а не по службѣ,—великій подвигъ, такъ какъ солнце съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе немилосердымъ и жгло какъ огнемъ. Когда спадала жара, большинство какъ офицеровъ, такъ и солдатъ обыкновенно отправлялось купаться въ морѣ, но и это удовольствіе было сопряжено съ большими неудобствами, такъ какъ приходилось идти, по крайней мѣрѣ, версту чуть не по щиколку въ водѣ, прежде чѣмъ достигнешь сносной для купанья глубины. За то какое наслажденіе послѣ дневной жары, разслабляющей организмъ, окунуться въ сравнительно прохладную влагу, выйдя изъ которой человѣкъ сразу чувствуетъ себя бодрѣе, сильнѣе. Войскамъ было разрѣшено купаться утромъ до 9 часовъ и вечеромъ отъ 5 до 9 час., такъ какъ въ остальное время солнечные лучи могли бы вредно дѣйствовать на купающихся. Во время купанья море, мертвое Каспійское море, страшно оживлялось; по всей линіи лагеря въ водѣ ходили, плавали, барахтались человѣческія фигуры, повсюду раздавались веселые крики, неумолчный говоръ солдатиковъ, шутки, смѣхъ, иногда крупная ругань, обращенная къ выкинувшему надъ ругающимся въ водѣ какую нибудь штуку,—все это смѣшивалось и въ общемъ представляло очень оживленную картину. Вечеромъ нѣкоторые офицеры составляли у себя въ палаткѣ карточную игру, которая, впрочемъ, вообще не принимала большихъ размѣровъ вслѣдствіе отсутствія денегъ у офицеровъ и очень рѣдко бывала азартной. Отсутствіе денегъ ощущалось не только младшими офицерами, но и

Digitized by Google

организаторами экспедиціи, на первыхъ же порахъ оставшимися что называется безъ гроша. Отпускаемыя казною на нужды экспедиціи первоначальныя суммы (цифры которыхъ, къ сожалѣнію, я не знаю), быстро изсякли, и до присылки новыхъ суммъ въ казначействѣ ахалъ-текинскаго отряда было пусто, причемъ, такъ какъ отпуски производились сравнительно незначительными суммами, а встрѣтившаяся необходимость въ расходахъ уже на первыхъ порахъ показала, насколько они превысятъ первоначально асигнованную сумму, то подобные безденежные періоды ставили нѣсколько разъ въ затруднительное положеніе начальника отряда. Первый асигнованный на нужды экспедиціи милліонъ былъ уже израсходованъ къ началу іюня, и 9-го числа, съ цѣлью лично выяснить стѣсненное положеніе отряда главнокомандующему, былъ командированъ въ Тифлисъ полковникъ Гродековъ. Недостатокъ серебряной банковой монеты сдѣлалъ то, что первоначальное распоряженіе о выдачѣ пятой части жалованья серебряными рублями было отмѣнено. Съ нетерпѣніемъ ожидали всѣ прихода почты, которую обыкновенно привозили почтовые пароходы два раза въ недѣлю; притомъ до половины іюля въ Чекишлярѣ получалась только простая корреспонденція, за денежной же и за посылками изрѣдка командировался въ Баку кто нибудь изъ офицеровъ, что, разумѣется, было въ высшей степени неудобно. Впослѣдствіи неудобство это было уничтожено и, кромѣ того, разрѣшено изъ отряда посылать письма безплатно, причемъ слѣдовало только на адресѣ надписать: «изъ ахалъ-текинскаго экспедиціоннаго отряда». Хотя телеграфной линіи еще не было, но уже устанавливались столбы для соединенія Чекишляра съ Астрабадомъ, персидскимъ портомъ, откуда намъ уже приходилось пользоваться англо-индо-европейской линіей. Полеваго казначейства еще не было, а всѣ суммы отпускались отъ отряднаго интендантства, причемъ письмоводство въ отрядѣ было сокращено по возможности; такъ, напримѣръ, всѣ денежныя требованія, обыкновенно представляемыя въ трехъ экземплярахъ, во время экспедиціи подавались въ одномъ. Въ такъ-называемой базарной части Чекишляра, какъ только спадала дневная жара, обыкновенно господствовало большое оживленіе, повсюду сновали бродящіе, что нибудь покупающіе или приходящіе поглазѣть солдаты всевозможныхъ частей, казаки, туркмены, милиціонеры. Количество торгующихъ съ каждымъ днемъ все прибавлялось, во многихъ мѣстахъ ставились новыя помѣщенія, въ видѣ кибитокъ, палатокъ, а также приступлено было къ постройкѣ нѣсколькихъ домиковъ. На морскомъ берегу стояла кибитка, впереди которой было устроено, прикрытое отъ солнца брезентами, утверж-

Digitized by Google

денными на кибиточныхъ основныхъ рѣшеткахъ, помѣщеніе, открытое къ сторонѣ моря, посреди котораго находился столъ: это ресторанъ m-lle Pauline, старой знакомой бывавшихъ во время войны въ Александрополѣ, гдѣ она тоже держала что-то въ родѣ ресторана. M-lle Pauline Saligont—женщина бальзаковскаго періода, съ пробивающейся уже сѣдиной, вѣчно любезная, очень обходительная, болтливая какъ француженка, хотя и брала за все ужасныя цѣны, но все-таки привлекала въ свою кибитку многихъ, такъ какъ, во первыхъ, въ то время была единственной женщиной въ отрядѣ, а, во вторыхъ, совмѣщала въ себѣ всѣ достоинства, присущія француженкамъ. Вѣчно живая, энергичная, она даже, казалось, не поддавалась вліянію жары и хотѣла, еслибы на то хватило у ней средствъ и еслибы получила разрѣшеніе, двинуться дальше за отрядомъ. Зайдя однажды въ ресторанъ, засталъ я у ней сидящимъ за бутылкой эля какого-то господина, вся внѣшность котораго была въ высшей степени оригинальна. Начиная отъ костюма, который состоялъ изъ русскаго военнаго кителя съ бѣлыми металическими пуговицами и узенькими погонами, англійскаго кепи съ бѣлымъ полотняннымъ чехломъ и назатыльникомъ, татарскихъ шароваровъ изъ желтаго верблюжьяго сукна и длинныхъ саногъ, кончая его сухой, узкоплечей фигурой, съ лицомъ, носившимъ отпечатокъ очень бурно проведенной жизни, съ рѣдкой темной бородою и мутными глазами,—все поневолѣ заставило обратить на него вниманіе. Въ походной жизни знакомства пріобрѣтаются быстро; не нужны бываютъ представленія и рекомендаціи: просто заговорилъ—и знакомство дѣлается совершеннымъ фактомъ. Ломанымъ французскимъ языкомъ обратился онъ ко мнѣ съ какимъ-то вопросомъ; за первымъ слѣдовалъ второй, и не прошло и получаса, какъ я уже узналъ почти всю біографію моего собесѣдника, оказавшагося спеціальнымъ кореспондентомъ англійской извѣстной газеты «Daily-News», г. Эдмондомъ О'Донованомъ. Если вѣрить его разсказамъ, то дѣйствительно жизнь его есть цѣлый рядъ приключеній и происшествій. Изгнанный изъ Англіи, какъ одинъ изъ главныхъ участниковъ возстанія фенієвъ, предварительно высидѣвъ довольно продолжительный срокъ въ одной изъ тюремъ Великобританскаго королевства. О'Донованъ, какъ ирландецъ, по его словамъ, вынесъ изъ родной страны страшную ненависть ко всему, что есть на свѣтѣ англійскаго. Оторванный отъ семьи и отъ близкихъ ему людей, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, выбралъ онъ прибыльную въ Англіи спеціальность газетнаго корреспондента, выискивая страны, въ которымъ событія данной минуты давали наибольшее количество матеріала

Digitized by Google

для сообщеній; такимъ образомъ переносился онъ изъ Америки въ Испанію, во время карлистскаго возстанія, причемъ умудрился побывать у обѣихъ воюющихъ сторонъ; во время послѣдней войны сопровождалъ армію Мухтара-паши въ Азіятской Турціи, окончивъ свое пребываніе въ этомъ краѣ въ высшей степени оригинально и плачевно, такъ какъ былъ торжественно изгнанъ Дервишемъ-пашою передъ занятіемъ Батума нашими войсками, приказавшаго вынести его силою изъ дома и отнести на пароходъ, такъ какъ О'Донованъ отказался повиноваться приказу. Провѣдавъ о приготовленіяхъ къ ахалъ-текинской экспедиціи, онъ отправился въ Тифлисъ и тамъ, какъ корреспондентъ газеты, всегда относившейся къ Россіи сочувственно, получилъ разрѣшеніе сопутствовать отряду. Обладая большимъ недостаткомъ какъ человѣкъ, а именно пристрастіемъ къ спиртнымъ напиткамъ, О'Донованъ, какъ корреспондентъ, имѣлъ неоспоримыя достоинства, выработанныя, разумѣется, навыкомъ и привычкою къ своей спеціальности. Почти съ каждой почтой отправлялъ онъ свои корреспонденціи, всегда очень значительныя по объему, умѣя находить для нихъ матеріалъ, изъ такой бѣдной по интересу жизни, какъ жизнь нашего отряда. Не зная русскаго языка и говоря очень мало по турецки, О'Донованъ неизбѣжно долженъ былъ впадать въ грубыя ошибки въ своихъ описаніяхъ, смѣшивая названіе племени атабаевцевъ съ какимъ-то небывалымъ ауломъ и тому подобное, но вообще его корреспонденціи были настолько интересны, что переводились на русскій языкъ и печатались въ нашихъ газетахъ.

При однообразіи обыденной жизни, при бѣдности новостей, каждое извѣстіе ловилось что называется на лету, коментировалось и быстро обходило весь лагерь. Въ іюнѣ мѣсяцѣ изъ авангарда не получалось никакихъ извѣстій; очевидно было, что тамъ полное бездѣйствіе и выжиданіе наступательнаго движенія; о текинцахъ ни слуха, ни духа; о туркменахъ же заговорили по случаю произведеннаго поворота Атрека по прежнему естественному его руслу. Нужно замѣтить, что Атрекъ впадалъ прежде въ Каспійское море у сѣверной оконечности Гасанъ-Кулійскаго залива, верстахъ въ двѣнадцати отъ Чекишляра. Впослѣдствіи Атрекъ сталъ мѣнять свое русло, причемъ иногда отводился, значительно уклоняясь на югъ, иногда же вновь принималъ свое естественное направленіе, что зависѣло отъ того, какое изъ туркменскихъ племенъ брало верхъ; когда осиливали атабаевцы, то, устраивая плотины, сворачивали Атрекъ по южному направленію; когда же были въ силѣ джафарбаевцы — то вновь отводили воду къ естественному руслу. Въ 1872 году атабаевцы по-

Digitized by Google

строили плотину верстахъ въ 60-ти отъ устья Атрека и направили этимъ сооруженіемъ рѣку гораздо южнѣе, заставивъ ее проходить по персидскимъ владѣніямъ, мимо своихъ зимовокъ, и съ тѣхъ поръ рѣка, до времени сосредоточенія войскъ у Чекишляра, текла по этому новому руслу, заставивъ и нашихъ приатрекскихъ кочевниковъ перекочевать на персидскую сторону. Между тѣмъ, для движенія нашихъ войскъ на Чатъ, намъ предстояли двѣ дороги: сѣверная—на колодцы Караджа-Батырь и южная—на колодцы Бевюнъ-Баши. Первый путь хотя и короче втораго на 30 верстъ, но менѣе богатъ водою, и войскамъ, въ первый же переходъ отъ Чекишляра, приходилось бы идти 50 верстъ безъ воды, вслѣдствіе чего дано было предпочтеніе второму направленію. Но, въ виду того, что въ Бевюнъ-Баши въ колодцахъ очень мало воды, а старое русло Атрека проходитъ вблизи этихъ колодцевъ, начальникъ отряда командировалъ подполковника Шелковникова произвести изслѣдованіе поворота Атрека, въ то время протекавшаго въ 37-ми верстахъ отъ Бевюнъ-Баши. Результатомъ поѣздки была отправка пристава съ сотнею Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, съ цѣлью, собравъ туркменъ, прорыть сооруженную плотину и засыпать новой плотиной южное русло. Джафарбаевцы съ восторгомъ отозвались на наше требованіе и немедленно выставили 1,000 человѣкъ съ лопатами и топорами, между тѣмъ какъ атабаевцы наотрѣзъ отказались выполнить приказъ генерала—выставить 500 рабочихъ. Въ отвѣтъ на требованіе пристава нѣкоторые изъ нихъ взялись даже за оружіе и подняли крикъ, но должно быть присутствіе дагестанцевъ образумило ихъ, и вскорѣ 1,500 туркменъ, верхомъ на коняхъ, двинулись въ путь къ Кара-Баба. Пустивъ лошадей на пастьбу, принялись туркмены за работу, приготовляя первоначально основаніе для плотины изъ деревьевъ, связывая ихъ жгутами изъ сѣна; бросивъ это основаніе въ воду, они принесли въ жертву пять барановъ и стали на бывшее уже въ водѣ основаніе накидывать сѣно съ глиною. Когда вода устремилась по вновь очищенному руслу, то туркмены потребовали отъ пристава еще пять барановъ для принесенія ихъ въ жертву, а начальникъ орошенія, мирабъ, попросилъ еще десять, увѣряя, что таковъ обычай. Когда привели барановъ, то мирабъ обратился къ народу съ рѣчью, содержаніе которой было то, что Господь помогъ имъ соорудить новую плотину, и такъ какъ они ее сдѣлали по приказанію Батыръ-сардара (генерала Лазарева), то пусть отнынѣ она и называется Батыръ-сардаръ-бендъ. Послѣ этой рѣчи туркмены бросили мираба въ воду, какъ того требовалъ вкоренившійся у нихъ обычай, прокри-

Digitized by Google

чали «благодареніе Богу» и въ этотъ моментъ отрубили головы десяти баранамъ. Ожидавшіеся благопріятные для насъ результаты поворота Атрека на дѣлѣ не осуществились и пользы при нашемъ движеніи не принесли никакой, такъ какъ вода не дошла до Бевюнъ-Баши по крайней мѣрѣ на восемь верстъ.

Атрекъ съ 1869 года считается границей между нашими и персидскими владѣніями, но по этой границѣ нѣтъ никакихъ постовъ или персидскихъ поселеній и только на впадающей южнѣе рѣкѣ Гюргенѣ, да и то на лѣвомъ берегу ея, персіяне выстроили крѣпость Ахъ-Калу, за стѣны которой, изъ боязни туркменъ, не рѣшаются показываться. Каково же было удивленіе въ отрядѣ, когда узнали, что какой-то персіянинъ прибылъ въ Гасанъ-Кули, аулъ, находящійся на нашей территоріи сѣвернѣе устья Атрека, на заливѣ того же имени, и производитъ тамъ выборъ мѣста для постройки укрѣпленія, заявляя, что еще по Атреку вслѣдствіе приказаній его правительства будетъ построено три крѣпости. Генералъ Лазаревъ предложилъ, чрезъ пристава, персіянину, оказавшемуся инженеръ-механикомъ, по фамиліи Аскеръ-ханъ, удалиться изъ нашихъ владѣній, на что Аскеръ-ханъ заявилъ, что онъ на персидской землѣ и повиноваться русскимъ властямъ не намѣренъ. Какимъ образомъ его принудили прибыть въ Чекишляръ—я не знаю; но вскорѣ онъ былъ приведенъ къ генералу Лазареву и былъ имъ очень любезно принятъ; но никакія увѣренія нашего начальства не могли убѣдить его, что Гасанъ-Кули принадлежитъ не Персіи, а Россіи. Ему показали сперва русскую карту, потомъ англійскую; на послѣдней онъ самъ нашелъ Атрекъ и, проведя по этой пограничной рѣкѣ пальцемъ вплоть до ея устья, продолжилъ линію черезъ Гасанъ-Кулинскій заливъ и дальше черезъ Косу, на которой находился Гасанъ-Кулинскій аулъ, причемъ послѣдній оказался южнѣе проведенной имъ линіи, изъ чего слѣдовало, по его мнѣнію, что Гасанъ-Кули безспорно принадлежало Персіи. Ему на это генералъ Лазаревъ отвѣтилъ, что если онъ продолжитъ эту линію черезъ Каспійское море, то и Ленкорань, а можетъ быть и Баку окажутся персидскими городами, что вообще принято признавать естественныя границы, и что, дойдя пальцемъ до устья Атрека, ему слѣдовало вести линію вдоль берега залива, и тогда бы онъ убѣдился въ своей ошибкѣ. Тогда персидскій инженеръ указалъ на бывшую при немъ персидскую карту, говоря, что ею руководствуется его правительство. На этой картѣ большой Гасанъ-Кулинскій заливъ совсѣмъ не былъ показанъ, и Атрекъ впадалъ прямо въ море, сѣвернѣе аула. На это ему отвѣтили, что надо руководство-

Digitized by Google

ваться не его картой, а состояніемъ земной поверхности, послѣ чего его отпустили во-свояси, причемъ начальникъ отряда подарилъ ему дорогіе золотые часы.

Генералъ Лазаревъ сильно разсчитывалъ на помощь. со стороны персовъ въ дѣлѣ доставленія продовольствія отряду. Послѣдствія показали, что надежды оправдались только отчасти. Къ буджнурдскому хану Яръ-Мамедъ-хану отправленъ былъ штабсъ-капитанъ Зейналъ-бекъ съ высшей степени любезнымъ письмомъ отъ начальника отряда и съ подарками, въ числѣ которыхъ находился богатый кинжалъ, украшенный драгоцѣнными каменьями. Задобренный подарками и получившій отъ персидскаго правительства предложеніе не вмѣшиваться лично самому, но вмѣстѣ съ тѣмъ позволять жителямъ провинціи продавать и доставлять все необходимое нашему отряду, Яръ-Мамедъ-ханъ въ серединѣ іюня сообщилъ о своей полной готовности оказывать во всемъ полное содѣйствіе. Въ концѣ іюня начальнику отряда было сообщено изъ Персіи: 1) что дерегезскій или кучанскій ханъ, получивши отъ мервцевъ богатые подарки, отпустилъ къ нимъ нѣсколько своихъ артилеристовъ для приведенія въ исправность отнятыхъ ими у персіянъ въ 1861 году орудій и что этихъ артилеристовъ мервцы обратно не отпускаютъ; 2) что въ Астрабадъ прибылъ какой-то текинскій шейхъ, разсказывавшій персіянамъ, что англичане предлагали текинцамъ денежную помощь; 3) что въ этомъ же городѣ проживалъ какой-то англичанинъ, имѣвшій намѣреніе пробраться въ Ахалъ-теке, и 4) что текинцы хотѣли отвести Сумбаръ и тѣмъ поставить отрядъ въ затруднительное положеніе.

Послѣдній слухъ обратилъ вниманіе генерала Лазарева, немедленно приказавшаго авангарду устроить запруды на Сумбарѣ на случай прекращенія теченія воды, причемъ всегда имѣть запасы въ боченкахъ и другихъ сосудахъ, кромѣ того стараться задобрить кара-калинцевъ съ тѣмъ, чтобы они, живя около верховьевъ Сумбара, вновь пустили бы воду на случай, еслибы отводъ состоялся. Затѣмъ, на усиленіе авангарда изъ Чата былъ посланъ 1-й баталіонъ 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка при взводѣ горной артилеріи, по прибытіи которыхъ авангарду предписывалось перейти въ Терсаканъ и укрѣпить этотъ пунктъ. Въ скоромъ времени туда же былъ посланъ изъ Чекишляра 4-й баталіонъ 162-го Ахалцыхскаго пѣхотнаго полка.

Сосредоточеніе отряда вблизи туркменъ не пробудило въ послѣднихъ торговой дѣятельности; небольшое количество яицъ, нѣсколько курицъ—вотъ почти все, что приносилось туркменами изъ ближайшихъ ауловъ на базаръ. Открывшій въ Чекишлярѣ торговлю всевоз-

Digitized by Google

можными товарами красноводскій купецъ Александръ Кузьмичъ Даниловъ, болѣе извѣстный въ отрядѣ подъ именемъ Кузьмича, говорилъ мнѣ, что прежде онъ производилъ въ Чекишлярѣ довольно успѣшно мѣновую торговлю съ туркменами, причемъ за ситецъ, сукно и другіе товары получалъ паласы, ковры и всевозможныя ковровыя издѣлія, которыя всегда съ барышемъ сбывалъ въ Астрахани, но что, съ появленіемъ войскъ у Чекишляра, всякая мѣновая торговля прекратилась, и туркмены, если что и покупаютъ, то всегда на деньги. Между тѣмъ, странно то, что и въ отрядъ туркмены не приносили своихъ ковровъ, дѣйствительно прелестныхъ и съ совершенно своеобразнымъ рисункомъ, по всей вѣроятности нашедшихъ бы многихъ покупателей.

Полковые праздники Эриванскаго гренадерскаго и Переяславскаго драгунскаго полковъ были отпразднованы баталіономъ и дивизіономъ, отдѣленными отъ своихъ частей, такъ роскошно, что возбудили удивленіе всѣхъ присутствовавшихъ, поражавшихся изобрѣтательностью устраивавшихъ празднество распорядителей. Навѣсы были устроены изъ отдѣльныхъ полотнищъ tentes abris; стойки были обвиты зеленью и всевозможными украшеніями изъ мелкихъ ракушекъ, массами покрывающихъ морской берегъ около Чекишляра. Провизія, всѣ продукты и вина были привезены изъ Баку, и ужины прошли, по кавказскому обычаю, съ выбраннымъ тулумбашемъ (1), на долю котораго выпало предложить не малое количество тостовъ. Эти праздники и скачки, устроенныя начальникомъ кавалеріи, свѣтлѣйшимъ княземъ Витгенштейномъ, хоть немного внесли оживленія въ сонную, однообразную, бездѣятельную жизнь. Скачки состоялись: первая—15-го іюля, а вторая—22-го числа того же мѣсяца, причемъ къ участію въ ней допускались лошади всѣхъ породъ, за исключеніемъ туркменскихъ. Какъ первая, такъ и вторая скачка производились въ присутствіи начальника отряда и массы любопытныхъ. Туркмены тоже пріѣхали и стояли группами, наблюдая за скачущими. Гладкая, какъ будто выровненная почва морскаго берега служила отличнымъ грунтомъ для скачки. На обѣихъ скачкахъ побѣдителями остались кабардинскія лошади. Что распорядители не допускали на состязаніе тѣхъ, кто успѣлъ пріобрѣсти себѣ туркменскихъ коней, было вполнѣ раціонально, такъ какъ хотя еще никто не испыталъ на дѣлѣ ихъ скорости, но, по разсказамъ и по складу лошадей, можно было судить о томъ, что онѣ навѣрное перегнали бы лошадей другихъ породъ,

(1) Провозгласителемъ тостовъ.

Digitized by Google

бывшихъ у офицеровъ. Лошадь есть главное богатство туркмена, такъ какъ только на лошади можно быстро совершать иногда значительныя разстоянія, отдѣляющія въ пустынѣ одинъ колодезь отъ другаго; только на лошади можно предпринимать набѣги съ цѣлью грабежа. Вслѣдствіе этихъ причинъ туркмены обращаютъ очень большое вниманіе на своихъ лошадей и на ихъ воспитаніе. Съ перваго взгляда кажется страннымъ тщательное укутываніе туркменами съ ногъ до головы своихъ лошадей въ войлочныя попоны во время страшныхъ тропическихъ жаровъ; но въ сущности, въ этомъ краѣ оно вполнѣ раціонально, такъ какъ, во первыхъ, защищаетъ лошадь отъ прямаго соприкосновенія съ солнечными лучами, а во вторыхъ, производитъ естественное тренированіе, совершая, посредствомъ выпотѣнія, выдѣленіе жировыхъ частицъ и оставляя лошади сухость, мускулы и легкость. По наружному виду, туркменская лошадь болѣе всего подходитъ къ типу англійской скаковой: такія же длинныя ноги, вытянутая шея и, вообще, длинный складъ; къ несчастью, почти всѣ онѣ узкогрудыя и, вообще, узкокостыя, что не мѣшаетъ имъ быть крайне выносливыми. Главное вниманіе, при воспитаніи лошадей, туркмены обращаютъ на пріученіе къ перенесенію трудовъ и лишеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ на способность носить на себѣ большую тяжесть, такъ какъ, отправляясь въ дальнее странствованіе, туркменъ везетъ съ собою въ своихъ «хурджинахъ» за сѣдломъ и провіантъ для себя, и джугуру или ячмень для лошади вслѣдствіе того, что въ пустынѣ мало надежды на разживу. Пріучивъ такимъ образомъ лошадь, туркменъ зачастую дѣлаетъ по 80 и даже по 100 верстъ нѣсколько дней сряду, чего бы, разумѣется, не былъ въ состояніи сдѣлать на верблюдѣ. Про послѣднихъ, впрочемъ, туркмены разсказываютъ, что въ Белуджистанѣ существуетъ особая порода верблюдовъ «джанбазъ» (въ переводѣ обозначаетъ имѣющій душу сокола), которые, будто бы, въ состояніи пробѣгать до 300 верстъ въ день. Но подобная быстрота невѣроятна и, къ сожалѣнію, не была провѣрена ни однимъ европейцемъ. У туркменъ нѣтъ табуновъ, нѣтъ разсадниковъ лошадиныхъ, а каждый владѣетъ тремя-четырьмя лошадьми, которыхъ и не отпускаетъ далеко отъ кибитки, на ночь надѣвая имъ на ноги путы и привязывая ихъ переднею ногою къ вбитому въ землю колу. Впрочемъ, въ Чекишлярѣ намъ не приходилось видѣть выдающихся туркменскихъ коней, такъ какъ тутъ все больше лошади іомудскія и гокланскія, не могущія сравниваться съ текинскими, про которыхъ видѣвшіе ихъ разсказывали чудеса. Нѣсколько десятковъ туркменскихъ милиціонеровъ, которыхъ число намѣревались довести

Digitized by Google

до 600, владѣли невзрачными, но, по всей вѣроятности, тоже выносливыми, втянувшимися въ условія степной жизни, лошадьми, на которыхъ и совершали свои быстрые переѣзды, развозя почту и пакеты отъ насъ въ авангардъ и обратно. Большой помощи въ смыслѣ боевомъ ожидать отъ этой милиціи трудно, хотя, впрочемъ, ненависть, которую іомуды и гокланы питаютъ къ текинцамъ, въ связи съ страстью пограбить и съ надеждой на легкую наживу, можетъ быть и заставятъ ихъ оказать въ дѣлѣ чудеса храбрости; но въ чемъ они буквально незамѣнимы и необходимы, такъ это въ развозной службѣ, и это они доказали впослѣдствіи, даже послѣ денгиль-тепинской неудачи, въ одиночку и вдвоемъ пробираясь съ почтою по Ахалъ-теке, рискуя ежеминутно попасть въ плѣнъ и быть звѣрски уничтоженными, если принять во вниманіе ненависть къ нимъ текинцевъ. По наружному виду туркменскіе милиціонеры представляли въ высшей степени оригинальную картину, о которой ясное понятіе можетъ себѣ составить каждый видѣвшій туркестанскія картины Верещагина: тѣ же халаты, тѣ же смуглыя лица, кривыя сабли сбоку, только вмѣсто чалмъ и тюрбановъ громадныя барашковыя конусообразныя папахи, на выдѣлку которыхъ на каждую идетъ цѣльная шкура большаго барана. Но между милиціонерами были не одни туркмены,—тутъ же были и киргизы, наконецъ въ составѣ этого полка состояла сотня изъ уроженцевъ Закавказскаго края, бывшая подъ командою извѣстнаго борчалинскаго татарина, Самада Кусумова, подвиги котораго въ минувшую турецкую кампанію были уже описаны не разъ, и результатомъ которыхъ было три знака военнаго ордена, чины прапорщика и подпоручика милиціи и ордена Станислава и Анны 3-й степени. Впослѣдствіи изъ этой сотни 31 человѣкъ, будучи посланы 4-го іюля въ разъѣздъ, болѣе не возвращались къ отряду. Что съ ними сдѣлалось—навѣрное не могу сказать, но кажется, что они бѣжали въ Персію и оттуда вернулись на родину. Туркменскою сотнею командовалъ нѣкто Нефесъ-Мергенъ, житель аула, сосѣдняго съ Красноводскомъ, питавшій страшную ненависть ко всему текинскому, такъ какъ текинцы, напавъ незадолго передъ экспедиціей на его аулъ, вырѣзали всю его семью. О храбрости Нефесъ-Мергена туркмены имѣли очень высокое мнѣніе и надѣялись, что онъ жестоко отомститъ текинцамъ. Образъ жизни и отсутствіе избалованности и прихотливости у милиціонеровъ сдѣлали возможными ограниченіе суточной дачи какъ имъ, такъ и верблюдовожатымъ до слѣдующихъ размѣровъ: пшеничной муки 2 фунта, рису $^3/_4$ фунта, масла $^1/_4$ фунта и мяса 1 фунтъ; въ мѣсяцъ чаю $^1/_2$ фунта и сахару 2 фунта. Къ

Digitized by Google

нашимъ сухарямъ и вообще къ черному хлѣбу они никакъ не могли привыкнуть, а приготовляли себѣ лепешки изъ пшеничной муки, причемъ способъ печенія этихъ лепешекъ, по крайней мѣрѣ видѣнный мною у киргизовъ-милиціонеровъ, въ высшей степени неапетитенъ, а именно: приготовленную изъ сыраго прѣснаго тѣста лепешку, круглую и плоскую, кладутъ они на землю и обкладываютъ взятымъ изъ горячаго костра тлѣющимъ кизякомъ, т. е. верблюжьимъ сухимъ каломъ. Такъ какъ въ этомъ кизякѣ, который они накладываютъ на лепешку цѣлой кучкой, огня уже нѣтъ, но еще сохранилось достаточно теплоты, то черезъ нѣкоторое время лепешка готова, золу разбрасываютъ, пыль сгребаютъ, приставшіе большіе куски кизяка отковыриваютъ ногтемъ отъ тѣста, а на маленькіе и не обращаютъ вниманія и съѣдаютъ вмѣстѣ съ лепешкой. Кромѣ того ими же готовятся довольно вкусныя лепешки на бараньемъ жирѣ, которыя пекутся на сковородѣ.

Туркменская милиція, вооруженная ружьями системы Крнка, состояла подъ командою подполковника князя Бебутова, уже пожилаго человѣка, свободно владѣвшаго татарскимъ языкомъ, знаніе котораго пріобрѣтено имъ во время его долголѣтней службы въ Дагестанѣ. Вообще, говорившіе по татарски безъ всякаго труда объяснялись съ туркменами, совершенно понимая ихъ. Повидимому разница самая незначительная существуетъ только въ произношеніи нѣкоторыхъ словъ и въ мѣстныхъ терминахъ. Милиціонеры жили въ кибиткахъ, расположенныхъ не по линіи лагеря, а немного въ сторонѣ, невдалекѣ отъ боенъ, а сотня Самада отправлена была къ авангарду.

Отрядъ, принявшій названіе ахалъ-текинскаго экспедиціоннаго отряда, состоялъ изъ слѣдующихъ частей: пѣхота—по одному баталіону Грузинскаго и Эриванскаго гренадерскихъ, Сводно-стрѣлковаго, Кабардинскаго, Куринскаго, Навагинскаго, Ахалцихскаго и Александропольскаго, и по два баталіона Апшеронскаго, Дагестанскаго, Самурскаго и Ширванскаго полковъ; кавалерія—конно-иррегулярный Дагестанскій полкъ, туркменская милиція, дивизіонъ Переяславскаго драгунскаго полка, по четыре сотни Таманскаго и Полтавскаго кубанскихъ казачьихъ полковъ и по дивизіону Лабинскаго, Кубанскаго и Волгскаго-Терскаго; артилерія — 4-я батарея 20-й артилерійской бригады (8 орудій), Сводная батарея красноводской полевой артилеріи (4 горныхъ и 4 четырехъ-фунтовыхъ), дивизіонъ 1-й Терской конной батареи; въ артилеріи было: въ 4-й батареѣ и Терскомъ конномъ дивизіонѣ по одному ряду зарядныхъ ящиковъ, въ запряженной Красноводской и въ полевой полубатареѣ—по два ряда, а въ

Digitized by Google

горной—по 14-ти зарядныхъ ящиковъ на орудіе. Кромѣ того, для инженерныхъ работъ при отрядѣ была: 3-я рота 2-го Кавказскаго сапернаго баталіона. Всѣ эти части были по мирному составу; впослѣдствіи, не получая пополненія, очень уменьшились въ составѣ вслѣдствіе усилившейся въ отрядѣ болѣзненности, развившейся въ борьбѣ съ климатическими условіями. Разслабляющая дисентерія, а въ особенности цынга, заставили медицинскую часть обратить на эти болѣзни серьезное вниманіе, вслѣдствіе чего оказывалось много неспособныхъ продолжать службу въ Закаспійскомъ краѣ, которыхъ и эвакуировали въ Петровскій госпиталь или же возвращали въ штабъ-квартиры полка, гдѣ пребываніе въ привычномъ климатѣ могло вновь возвратить утраченныя силы. Для обезпеченія отряда огнестрѣльными припасами имѣлось по числу войскъ экспедиціоннаго отряда: три комплекта патроновъ и снарядовъ, считая въ томъ числѣ и комплектъ, находившійся въ частяхъ. Остальной запасъ былъ распредѣленъ: а) въ подвижномъ артилерійскомъ паркѣ, возившемся за войсками на вьюкахъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: на пѣхотную винтовку полкомплекта, на кавалерійскую—2, на четырехъ-фунтовое орудіе—по 21-й гранатѣ, на горное—по 30-ти; б) въ передовомъ артилерійскомъ складѣ въ Чатѣ: на пѣхотную винтовку $1^1/_2$ комплекта, на кавалерійскую—2, на четырехъ-фунтовыя орудія 239 снарядовъ и на горныя—166.

20-го іюля, нашъ дивизіонъ получилъ приказаніе выступить на другой день въ Чатъ, гдѣ и выжидать общаго движенія отряда въ глубь страны. Разстояніе, отдѣляющее Чекишляръ отъ Чата, при маршрутѣ на колодцы Бевюнъ-Баши, считается въ $160^3/_4$ верстъ, и весь путь, по выданному намъ маршруту, долженъ былъ быть совершенъ въ 10-ти-дневный срокъ. Съ вечера надо было заготовить необходимое количество верблюдовъ, такъ какъ собрать ихъ съ пастбища не такъ-то легко, и въ виду того, что мы намѣревались выступить изъ Чекишляра до разсвѣта, лучшею мѣрою было заставить верблюдовожатыхъ съ ихъ верблюдами переночевать около лагеря, вблизи нашего расположенія, причемъ, распредѣливъ съ вечера вьюки и перевязавъ ихъ веревками, приспособить къ возкѣ на верблюжьихъ сѣдлахъ. Насколько велика потребность въ верблюдахъ при совершеніи степныхъ походовъ, можно судить изъ того, что дивизіону, съ запасомъ зернового фуража на 10 дней, изъ коихъ двухдневный запасъ возили на лошадяхъ, на 260 человѣкъ было дано 200 слишкомъ верблюдовъ. Начался верблюжій концертъ—непріятный ревъ, поднимаемый верблюдами, въ особенности когда ихъ или

Digitized by Google

заставляютъ ложиться на землю, для навьюченія или отдыха, или же поднимаютъ на ноги, причемъ объ эти процедуры производятся при помощи дерганья веревки, пропущенной черезъ отверстіе, продѣланное въ ноздрѣ. Иногда этотъ ревъ производится верблюдами вслѣдствіе физической боли, являющейся слѣдствіемъ этого подергиванья и безъ того болящихъ разорванныхъ ноздрей, иногда-же просто по привычкѣ. Мнѣ пришлось какъ-то присутствовать при производствѣ операціи, надо сознаться въ высшей степени варварской, прорѣзыванья ноздрей у молодыхъ верблюдовъ. Верблюда валятъ на землю, и нѣсколько человѣкъ садятся на него, не давая ему вставать; затѣмъ веревками скручиваютъ ему морду и сворачиваютъ голову назадъ, послѣ чего туркменъ, заостреннымъ деревяннымъ колышкомъ, начинаетъ буравить ноздрю, пока не сдѣлается дырка, въ которую и просовывается конецъ веревки, съ перекладинкой съ наружной стороны. Сколько разъ на походѣ приходилось быть свидѣтелемъ, какъ вырывалась изъ ноздрей эта перекладинка, разрывая ее, что происходитъ отъ способа привязыванія верблюдовъ, такъ какъ въ походѣ они идутъ длинной вереницею, одинъ за другимъ, причемъ веревка привязывается или къ сѣдлу предъидущаго, или къ хвосту; стоитъ только какому нибудь верблюду пріостановиться, и дернутая впереди-идущими верблюдами веревка вырываетъ ее изъ ноздри остановившагося, вызывая съ его стороны страшный жалобный ревъ. Вообще трудно себѣ представить болѣе несчастное животное, чѣмъ верблюдъ. Еще туземцы, сроднившись съ ними, свыкшись, умѣютъ обходиться и занимаются ими; но, попадая въ руки нашему солдату, который въ скоромъ времени дѣлается его личнымъ врагомъ, существованіе верблюда становится нестерпимымъ. Нужно замѣтить, что во время ахалъ-текинской экспедиціи не было издано въ началѣ похода никакихъ правилъ относительно разбора верблюдовъ и способа ухода за ними, разослали-же наставленія только впослѣдствіи, когда большая часть животныхъ изъ состоявшихъ въ распоряженіи отряда своими трупами покрывала путь отъ Чекишляра до Денгиль-тепе. Что къ этому упряжному животному наши нижніе чины относились враждебно, то это очень понятно и естественно, такъ какъ, благодаря имъ, на долю солдатъ выпадало не мало труда. Не говоря уже о необходимомъ навьючиваніи и развьючиваніи при отправкѣ и по прибытіи къ мѣсту ночлега, но и во время пути усталый или просто заупрямившійся верблюдъ останавливается и преспокойно ложится на землю, подобравъ подъ себя ноги. Транспортъ останавливается, начинаются понуканья, подергиванья веревкою, если она уцѣлѣла, за-

Digitized by Google

тѣмъ идутъ толчки сперва каблуками отъ сапогъ, наконецъ и ружейными прикладами, усиливающіеся все болѣе и болѣе. Не надо забывать, что зачастую все это происходитъ при 40° жарѣ; а верблюдъ только реветъ, да оглядывается назадъ, стоически выдерживая удары и не предпринимая ни малѣйшихъ усилій для того, чтобы подняться на ноги. Послѣ усилій, иногда чуть не получасовыхъ, убѣдясь въ тщетности ихъ, конвоирующимъ транспортъ солдатамъ или казакамъ приходится вновь развьючивать наложенное на отказывающагося продолжать путь верблюда и навьючивать на запаснаго, или же производить раскладку на остальныхъ. Не прошло и четверти часа, а иногда и пяти минутъ, какъ та же исторія повторяется съ другимъ, третьимъ и т. д. Впрочемъ надо отдать справедливость, что большинство ложащихся и не встающихъ верблюдовъ дѣлаютъ это не вслѣдствіе упрямства, а по причинѣ полнаго изнуренія и упадка силъ, происходящаго, главнымъ образомъ, отъ недостатка питанія, такъ что, въ большинствѣ случаевъ, разъ легшій верблюдъ уже больше совсѣмъ не поднимается на ноги, пока не околѣетъ отъ голодной смерти и отъ жажды. Иногда верблюдъ, отдохнувъ, поднимается и начнетъ бродить по пустынѣ, пощипывая рѣдкіе сухіе кустики колючей травы, пока его не замѣтитъ кто нибудь изъ проходящихъ мимо и не загонитъ къ своимъ верблюдамъ. По приходѣ на мѣсто ночлега, развьючивъ верблюдовъ, пускаютъ ихъ на скудную пастьбу и, если есть достаточно воды, то водятъ на водопой. Для охраны ихъ отъ любителей легкой наживы или отъ непріятельской партіи, приходится отряжать значительный караулъ, и опять-таки солдаты проклинаютъ ихъ, считая, что безъ нихъ они бы теперь преспокойно отдыхали отъ трудовъ дневныхъ. Отсутствіе достаточнаго количества верблюдовожатыхъ туземцевъ во время экспедиціи было причиною того, что неумѣвшіе обращаться съ «кораблями степи» наши солдаты, изъ которыхъ многіе только въ Чекишлярѣ впервые въ жизни увидали верблюда, считали разсѣдланіе верблюдовъ совершенно ненужнымъ, а потому немного потертая спина, отъ пренія вслѣдствіе жары и отъ тренія вьюкомъ, быстро превращалась въ большую рану, въ которой заводились черви, и не смотря на это, пока верблюдъ могъ двигаться, все-таки его навьючивали и заставляли возить тяжести, не обращая вниманія на страшную физическую боль, которую онъ долженъ былъ чувствовать при прикосновеніи къ горбу. Къ иному верблюду нельзя было подойти близко вслѣдствіе вони, происходившей отъ гніенія раны, а сѣдло всетаки не снималось. Недостатокъ верблюдовожатыхъ произошелъ,

Digitized by Google

главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что многіе изъ нанятыхъ спаслись бѣгствомъ изъ отряда въ свои кочевья, побросавъ своихъ верблюдовъ и каждый захвативъ только одного, на которомъ и удиралъ; другіе-же прихватывали, на всякій случай, еще нѣсколько штукъ лишнихъ. Впослѣдствіи, когда было болѣе обращено вниманія на устройство верблюжьяго транспорта, эти бѣгства прекратились.

Наканунѣ нашего выступленія изъ Чекишляра была лунная, свѣтлая ночь; чистое, безоблачное небо, покрытое миріадами звѣздъ, предсказывало жаркій день; ни малѣйшаго признака вѣтра и гладкая какъ зеркало морская поверхность подкрѣпляли это предсказаніе. Разсвѣтъ засталъ насъ уже на коняхъ, двигающимися по направленію къ Чату, къ этому злополучному пункту, на долю котораго выпало не мало проклятій со стороны всѣхъ побывавшихъ въ «Чадахъ», какъ его называли нижніе чины. Лагерь еще спалъ; только одиночные люди попадались кое-гдѣ, да часовые мѣрно похаживали около знаменъ, значковъ и коновязей, когда мы покидали Чекишляръ и прощались съ Каспійскимъ моремъ, вступая въ море песковъ, тянущихся верстъ на восемь сейчасъ-же за Чекишляромъ.

А. Ржевусскій.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

ОТЪ ТИФЛИСА ДО ДЕНГИЛЬ-ТЕПЕ.

(Изъ записокъ участника).

(Статья третья) (1).

III.

Туркмены.

Прежде чѣмъ приступлю къ описанію пути изъ Чекишляра въ Чатъ, попробую набросать небольшой этнографическій очеркъ народностей, кочующихъ въ этомъ раіонѣ и по прибрежью Каспійскаго моря. Начну съ ближайшихъ къ Чекишляру ауловъ, населенныхъ племенемъ іомудовъ, отдѣленія Карачука, выбравшихъ себѣ для зимовокъ, главнымъ образомъ, мѣстность, находящуюся между текущей по персидской территоріи рѣкою Гургень и нашей пограничной рѣкою, Атрекомъ. Отдѣленіе Карачука дѣлится на два колѣна: джафарбаевцевъ и атабаевцевъ, въ свою очередь распадающихся на нѣсколько родовъ. Вообще всѣхъ туркменъ можно раздѣлить на осѣдлыхъ, занимающихся земледѣліемъ и именуемыхъ чомурами, и кочевыхъ, перекочевывающихъ съ одной пастьбы на другую со своими стадами верблюдовъ и овецъ и называемыхъ чорва. Нужда въ хлѣбѣ и въ жизненныхъ припасахъ, съ одной стороны, и возможность прокормленія стадъ—съ другой сдѣлали то, что подраздѣленіе на чомуръ и чорву, не смотря на совершенно различный родъ жизни, требуемый обстановками этихъ двухъ занятій, бываетъ иногда въ одной семьѣ, между двумя родными братьями. Необходимость мѣнять, какъ можно чаще, пастбищные луга, такъ какъ иначе скотъ худѣетъ и болѣетъ, заставляетъ чорву-джафарбаевцевъ перекочевывать на лѣто къ прибрежью Каспійскаго моря и занимать большую полосу южнѣе Балханскаго залива, а атабаевцы выбираютъ окрестности береговъ р. Сумбара, главнаго притока Атрека, на зиму вновь перекочевывая

---

(1) См. «Воен. Сборн.», 1884 г., № 6-й и 7-й.

Digitized by Google

въ персидскія владѣнія, на мѣстность между Атрекомъ, Гургенемъ и Черной рѣчкой, причемъ джафарбаи придерживаются прибрежья Каспійскаго моря, а атабаи—мѣстности внутри страны. Но такъ какъ зимнее время продолжается въ этой мѣстности отъ ноября до начала марта, то и выходитъ, что іомуды восемь мѣсяцевъ живутъ въ нашихъ владѣніяхъ. Вслѣдствіе того, что чомуры-атабаевцы имѣютъ свои зимовки въ раіонѣ Астрабадской провинціи, а джафарбаевцы большею частью расположились на сѣверномъ берегу Атрека, т. е. въ россійскихъ владѣніяхъ, то и признаютъ себя—первые персидскими, а вторые—русскими подданными. Изъ извѣстныхъ джафарбаевскихъ ауловъ назову: Ходжа-нефесъ, Кара-сенгиръ, Гумюшъ-тепе, Гассанъ-кули, Чекишляръ, Челекенъ. Іомудскіе посѣвы идутъ, отъ морскаго берега вдоль Атрека и въ глубь страны, вплоть до персидской крѣпости Ахъ-кала, лежащей въ 49 верстахъ отъ устья Гургеня. Въ хорошіе годы хлѣбъ родится на этихъ посѣвахъ самъ-20, въ плохіе самъ-5.

Джафарбаи ежегодно засѣваютъ пшеницы болѣе 20,000 пудовъ и рису до 1,200 пудовъ. Чай и сахаръ іомуды покупаютъ на островѣ Ашуръ-Аде у русскихъ купцовъ; барановъ, рогатый скотъ и масло чомуры мѣняютъ на хлѣбъ у чорвы. Выдѣлываемый персіанами въ Энзели сахаръ изъ сахарнаго тростника и употребляемый туркменами въ видѣ лакомства и гранатный сокъ (какъ уксусъ) они обмѣниваютъ на рыбу, которую и для своего употребленія ловятъ въ большомъ количествѣ. У чомуръ-джафарбаевцевъ считается около 500 лодокъ различной величины, изъ которыхъ каждая даетъ не менѣе 225 (1) кронъ годоваго дохода, а перевозящія изъ Челекена къ персидскимъ портамъ нефть и соль вырабатываютъ 300 и болѣе кронъ. Постепенное занятіе русскими восточной береговой линіи Каспійскаго моря, отъ р. Эмбы до р. Атрека, и устройство морской станціи на островѣ Ашуръ-Аде лишило туркменъ еще одного, иногда очень доходнаго, промысла, совершавшагося прежде на этихъ лодкахъ, а именно грабежа и захвата въ плѣнъ нашихъ и персидскихъ рыболововъ; но еще не далѣе какъ 12 лѣтъ тому назадъ нами были освобождены изъ неволи два нашихъ матроса, захваченные въ плѣнъ жителями ауловъ, находящихся у устья Атрека, и тамъ же и содержавшіеся. Да и теперь иногда прибрежные туркмены, на своихъ лодкахъ, пробираются въ Астрабадскій заливъ и, на сѣверной его оконечности, захватываютъ въ плѣнъ персіанъ, попадающихся имъ по боль-

(1) Крона=30 к.

Digitized by Google

шой дорогѣ, идущей въ верстахъ семи отъ морскаго берега, параллельно ему. Такъ какъ Россія обязалась Персіи охранять ее отъ морскихъ разбоевъ, для чего и устроена ею морская станція въ Ашуръ-Аде, то русское правительство предприняло въ этомъ отношеніи цѣлый рядъ энергичныхъ мѣръ, изъ коихъ самой цѣлесообразной оказалась слѣдующая: ханъ осѣдлой береговой части населенія, хотя и выбирается народомъ, но находится вполнѣ подъ вліяніемъ начальника морской станціи, который его и утверждаетъ въ этомъ званіи, причемъ ханъ заинтересованъ въ дѣлѣ охраненія на морѣ спокойствія чисто матеріально и притомъ безъ малѣйшаго ущерба казеннымъ интересамъ. Дѣло въ томъ, что на обязанности хана и его двухъ помощниковъ лежитъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы каждая туркменская лодка, отправляющаяся въ Персію, или вообще за Ашуръ-Аде, обязательно заходила къ нашей морской станціи и въ ней брала билеты. Кромѣ того, онъ не только что обязанъ выкупать взятыхъ въ плѣнъ персіянъ, но и вознаграждать ихъ за убытки и платить штрафъ за каждую захваченную нашими судами лодку, у владѣльца которой не окажется по провѣркѣ русскаго вида. За это ему выплачиваютъ лодковладѣльцы, за каждую лодку съ нефтью 10 кронъ и за каждаго находящагося въ лодкѣ человѣка—тоже 10 кронъ, такъ что лодка съ нефтью и пятью лодочниками, какъ это бываетъ зачастую, приноситъ хану чистаго дохода 60 кронъ (18 руб.). За лодку съ солью ханъ получаетъ двѣ кроны и по стольку-же за каждаго въ ней сидящаго. Каждый рыболовъ, имѣющій непосредственную торговлю съ оптовыми покупщиками рыбы, платитъ хану 300 руб. въ годъ, и вообще каждый рыболовъ обязанъ выплачивать, по количеству имѣющихся у него лодокъ, отъ 15 до 450 руб. въ годъ. По первому требованію хана, морская станція обязана оказать ему матеріальную поддержку, и жители ауловъ, зная это, обуздываютъ свои страсти и воздерживаются отъ грабежей.

Страсть къ грабежамъ, присущая всѣмъ первобытнымъ народамъ, у туркменъ развилась болѣе чѣмъ у кого либо, вслѣдствіе мѣстныхъ условій. Почти всѣ кочевые и полуосѣдлые народы проводятъ большую часть своей жизни въ разбоѣ, грабежахъ и борьбѣ съ своими сосѣдями, но у народовъ, кочующихъ близъ горъ или лѣсовъ, изобилующихъ дичью, есть хоть занятіе охотою, иногда даже заглушающее страсть къ набѣгамъ; на долю же туркменъ выпала пустыня, въ полномъ смыслѣ этого слова. Передвигаемые съ мѣста на мѣсто вѣтрами пески, мѣстами покрытые саксауломъ и гребенщикомъ, занимаютъ большую часть этой безжизненной пустыни, простирающейся

Digitized by Google

на 600 верстъ отъ востока къ западу и на 200 и 600 верстъ въ разныхъ мѣстахъ отъ сѣвера къ югу. Гдѣ нѣтъ песка, тамъ почва изъ твердой глины, бо́льшую часть года гладкой, безъ малѣйшихъ признаковъ растительности, такъ какъ только въ мартѣ и апрѣлѣ почва, насытившаяся осенними, зимними и весенними дождями, сыростью и туманами, начинаетъ зеленѣть и покрывается густою травою съ самымъ кратковременнымъ существованіемъ, ибо уже въ маѣ, подъ вліяніемъ палящихъ лучей солнца, все зеленѣющее выжигается, высохшая трава обламывается вѣтромъ, и, переносясь все дальше и дальше по пескамъ, превращается въ мелкую пыль. Воды вообще мало. Вслѣдствіе этихъ причинъ пустыня почти лишена обитателей, принадлежащихъ къ животному царству; даже волковъ нѣтъ въ пустынѣ, и туркмены пасутъ свои стада, не боясь хищниковъ. Даже сайгаки и ослы находятся только невдалекѣ отъ прибрежья Каспійскаго моря, по теченію рѣкъ Атрека, Чандыра и Сумбара и вдоль стараго русла Аму-Дарьи (Узбоя). Такимъ образомъ, лишенные возможности въ удовлетвореніи одной изъ своихъ страстей—охоты, туркмены обратились къ грабежу, сдѣлавшись хищниками. Предпринимая набѣгъ, туркмены хоть этимъ отчасти наполняютъ пропасть свободнаго времени, остающагося отъ земледѣльческихъ и другихъ занятій, и такъ какъ противниками имъ являлись ихъ сосѣди, персіяне, хивинцы и бухарцы — народы, скорѣе отличающіеся трусостью, чѣмъ храбростью, то это и придало имъ смѣлость и репутацію отчаянныхъ храбрецовъ. Въ грабежахъ туркменъ жестокъ и безсердеченъ, относясь къ человѣческой жизни, какъ будто-бы дѣло идетъ о жизни курицы или барана. Пословица, что «на лошади туркменъ не знаетъ ни отца, ни матери», достаточно характеризуетъ ихъ взгляды на набѣги, совершаемые всегда на коняхъ. Да впрочемъ и вообще въ Средней Азіи жизнь человѣческая [illegible]ится ни во что. Стоитъ только вспомнить о событіяхъ отдаленныхъ временъ, какъ напримѣръ о походѣ Чингисъ-хана въ Ховарезмъ, котораго главный городъ находился тамъ, гдѣ теперь стоитъ Куня-Ургенчъ въ Хивинскомъ ханствѣ, походъ, о которомъ сохранившійся письменный разсказъ гласитъ слѣдующее: городъ, послѣ долговременной осады, былъ взятъ хитростью, и затѣмъ началось поголовное истребленіе жителей. Четырнадцать дней войска Чингисъ-хана рѣзали жителей, не разбирая ни пола, ни возраста, и наконецъ, утомленные, сами просили о прекращеніи рѣзни. Отъ города, въ которомъ насчитывалось чуть не полумилліонное населеніе, не осталось и десятой части, а всѣ строенія лежали въ развалинахъ. Но и въ новѣйшія времена изъ быта средне-

Digitized by Google

азіятскихъ владѣній примѣры страшныхъ жестокостей на каждомъ шагу: покореніе Кашгара китайцами, неистовства надъ дунганами и таранчами и т. п. Убитый, при осадѣ Денгиль-тепе, отрядомъ Скобелева бывшій начальникъ Закаспійскаго отдѣла, смѣнившій генералъ-маіора Ломакина, генералъ-маіоръ Петрусевичъ, въ своей въ высшей степени интересной статьѣ: «Туркмены между старымъ русломъ Аму-Дарьи (Узбоемъ) и сѣверными окраинами Персіи», помѣщенной въ XI-й книжкѣ «Записокъ Кавказскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества», приводитъ слѣдующіе образчики современныхъ нравовъ, среднеазіятцевъ.

«Въ 1861 году, послѣ неудачнаго похода въ Мервъ, окончившагося разгромомъ персидскихъ войскъ, туркмены стали особенно смѣлы. Собрался значительный аламанъ (скопище для набѣга) и отправился на хищничество въ деревни, сосѣднія съ городомъ Мешедомъ. Здѣсь аламанъ былъ застуканъ, многіе перебиты, а остальные захвачены въ плѣнъ. Этихъ послѣднихъ было до ста человѣкъ. Отъ шаха послѣдовало распоряженіе доставить плѣнниковъ въ Тегеранъ, и вотъ ихъ, въ цѣпяхъ на рукахъ и ногахъ, прикованныхъ по нѣскольку человѣкъ къ одному желѣзному пруту, погнали пѣшихъ въ Тегеранъ, отстоящій за 1,000 верстъ отъ Мешеда. Шахъ, желая успокоить населеніе столицы, недовольное постыднымъ поведеніемъ значительной арміи, уничтоженной въ Мервѣ, приказалъ всѣхъ плѣнныхъ казнить передъ городскими воротами; министры придумали, для бо́льшаго наслажденія публики, привязать плѣнниковъ къ городской стѣнѣ и начать ихъ разстрѣливать съ разстоянія 300 шаговъ. Понятно, что сарбазы (регулярная пѣхота), никогда не обучавшіеся стрѣльбѣ и вооруженные кремневыми ружьями, не въ состояніи были попадать въ живую мишень, поставленную такъ далеко предъ ними, и удовольствіе разстрѣливанья могло продолжаться до вечера, подвергнувъ самымъ адскимъ мукамъ несчастныхъ туркменъ. Всѣ посланники, узнавъ о такомъ варварскомъ распоряженіи, немедленно сдѣлали представленіе объ отмѣнѣ такой казни. Но было уже поздно: казнь состоялась, только сарбазовъ подвели ближе; не смотря на это, разстрѣливанье все-таки продолжалось до вечера. Нѣкоторыя пули попадали не въ плѣнниковъ, а въ веревки, которыми они были привязаны. Тогда развязавшіеся подходили и садились передъ сарбазами, въ надеждѣ скорѣе разстаться съ жизнью вблизи сарбазовъ, чѣмъ у стѣны, такъ какъ на пощаду имъ надежды не было. Въ 1875 году правителемъ Хоросана назначенъ былъ родной братъ нынѣшняго шаха. Хоросанскія власти задумали ознаменовать его прибытіе въ городъ Мешедъ, сто-

Digitized by Google

лицу Хоросана, жертвоприношеніемъ изъ плѣнныхъ туркменъ. Для этого приготовили 20 человѣкъ, а когда новый правитель прибылъ, то плѣнниковъ подняли поочередно на штыки въ его присутствіи и въ виду всѣхъ властей и множества людей, собравшихся для привѣтствованія брата шаха. Какова должна была быть нравственная мука плѣнниковъ, можно представить изъ того, что послѣдній изъ нихъ, когда дошла его очередь быть поднятымъ на штыки, попробовалъ предложить за себя выкупъ въ 2,000 тумановъ (по курсу 8,000 руб.); но его предложеніе не было принято. Надежды его рушились, и ему пришлось идти, чтобы быть заколотымъ. Но онъ не дошелъ: смерть застигла его раньше,—и предъ новымъ правителемъ и всѣмъ собравшимся синклитомъ онъ упалъ мертвымъ.... Нѣкто Б., участвовавшій при постановкѣ телеграфныхъ столбовъ англо-индійской кампаніи черезъ персидскія владѣнія, разсказывалъ слѣдующій примѣръ, случившійся на его глазахъ. При немъ состоялъ перѣводчикъ-персіянинъ, нанятый имъ въ Астрабадѣ; при его помощи по крайней мѣрѣ можно было объяснять рабочимъ, что̀ отъ нихъ требовалось, и работа быстро подвигалась впередъ. На одномъ изъ переходовъ, на горизонтѣ, показалась кучка всадниковъ, повидимому приближавшаяся къ работающей партіи. Едва приблизилась конная партія на столько, что явилась возможность различить личности отдѣльныхъ всадниковъ, какъ вдругъ проводникъ замѣтно оробѣлъ. Между наѣздниками былъ одинъ одѣтый весь въ красномъ, вынувшій изъ кармана какую-то бумагу и прочитавшій содержаніе ея громкимъ голосомъ, результатомъ чего было покорное со стороны переводчика опущеніе на колѣни. Красный верховой слѣзъ съ лошади, вынулъ изъ ноженъ кривой ножъ, подошелъ къ ставшему на колѣно переводчику, вонзилъ ножъ повыше гортани и быстрымъ поворотомъ къ себѣ перерѣзалъ горло. Правосудіе совершилось, поставивъ въ безвыходное положеніе Б., оставшагося среди народа, котораго ни онъ не понималъ, ни его не понимали, и до сихъ поръ не зная, за что была произведена подобная быстрая расправа. Разумѣется, имѣя сосѣдями народъ, отличающійся такими нравами, не смотря на то, что уже въ Персію все-таки заглянулъ лучъ цивилизаціи, обыкновенно смягчающій народную жестокость и внушающій болѣе раціональные взгляды на человѣческую жизнь, и туркменамъ не откуда было брать примѣры мягкосердечія, а потому и свирѣпость у нихъ совершенно первобытная.

Петрусевичъ въ вышеупомянутой статьѣ приводитъ слѣдующіе образчики туркменскихъ нравовъ.

Digitized by Google

«На островѣ Ашуръ-Аде, гдѣ помѣщается наша морская станція, жилъ постоянно въ прежнее время старшина или ханъ, выбранный изъ прибрежныхъ ауловъ туркменъ-джафарбаевъ, которые признавали и признаютъ надъ собою власть русскихъ. У этого хана, помѣщавшагося на островѣ, въ кибиткѣ, были двое сыновей: одинъ десяти, а другой шести лѣтъ. Старшій изъ нихъ былъ скромный и, повидимому, кроткаго нрава и не пользовался особенною любовью отца, а младшій, по имени Сардарь, свирѣпый какъ дьяволенокъ, былъ его любимцемъ. Онъ находилъ великое удовольствіе въ причиненіи страданій всему живому и приходилъ въ неистовство, когда ему что либо не удавалось. Однажды онъ захотѣлъ уничтожить курицу. Курица отъ преслѣдованія мальчика забилась подъ сарай, откуда мальчуганъ не могъ ее достать; бросившись на землю, онъ въ безсильномъ бѣшенствѣ принялся колотить по землѣ руками и ногами, крича: «дайте курицу, дайте курицу!» Отецъ, вышедши изъ кибитки и видя своего любимца въ такомъ изступленіи, приказалъ исполнить его желаніе. Поймали первую попавшуюся курицу и отдали мальчику, который, свернувъ ей шею, оторвалъ голову и, бросивъ разорванную птицу на землю, немедленно успокоился; отецъ, присутствовавшій при этой сценѣ, погладилъ его по головѣ, прибавляя: «Ай хорошій мальчикъ! Ай хорошій мальчикъ!» Этотъ-же маленькій шестилѣтній дикарь предлагалъ отцу украсть золоченыя рамы съ картины у одного изъ жителей Ашуръ-Аде, воображая, что онѣ золотыя, а отецъ радовался, видя, что въ мальчуганѣ развиваются сами собою всѣ хищническія склонности. Въ 1867 году губернаторъ астрабадскій Мулькара, захвативъ одного изъ вліятельныхъ лицъ туркменъ-атабаевъ, какого-то Шаваль-хана, ни въ чемъ неповиннаго, разстрѣлялъ его. Зимою атабаевцы напали на деревню сурханъ-келя, лежащую всего въ двадцати верстахъ на сѣверъ отъ Астрабада, на самой границѣ Астрабадской провинціи, за которой уже начинаются туркменскія кочевья. Не смотря на оказанное имъ сопротивленіе, туркмены взяли деревню, разграбили ее, перерѣзавъ многихъ жителей и набравъ плѣнныхъ, въ число коихъ попалъ и сынъ Абдусъ-Семетъ-хана, владѣльца деревни. Когда туркмены вернулись къ себѣ, то жена Шаваль-хана, разстрѣленнаго астрабадскимъ губернаторомъ, явилась къ предводительствовавшему туркмену Султанъ-Мамедъ-хану Авгану и потребовала, чтобы молодаго сына, владѣтеля деревни Сурханъ-Келя, отдали въ ея распоряженіе, такъ какъ онъ ей принадлежитъ. На вопросъ Султана-Мамедъ-хана о причинѣ такого требованія и на чемъ основываетъ она свои права на плѣнника, женщина отвѣчала:

Digitized by Google

«онъ персіанинъ; моего мужа разстрѣляли персіяне, и я хочу отомстить за его смерть». Султанъ-Мамедъ-ханъ отвѣтилъ: «женщина, ты права, и возьми персіянина». Жена Шаваль-хана взяла плѣнника и, вырѣзавъ собственноручно ему живому сердце изъ груди, бросила трупъ на съѣденье сабакамъ.

Находившійся въ походѣ противъ хивинцевъ переводчикомъ Ибрагимовъ, въ своихъ замѣткахъ о хивинскихъ туркменахъ («Военный Сборникъ» т. LXXVIII отд. I) сообщаетъ, что если кто-либо изъ туркменъ увезетъ дочь сеида (такъ называются потомки пророка Магомета, разсѣянные на всемъ востокѣ) и вступитъ съ нею въ связь, то похищенную отбираютъ общими силами и предаютъ позорной казни. Такъ, напримѣръ, привязавъ ее за косы къ хвосту лошади, пускаютъ ее въ табунъ, или раскаленнымъ желѣзомъ прожигаютъ половыя части несчастной, или же, связавъ руки и ноги, бросаютъ въ рѣку и т. п. Но лучше всего обрисовывается обоюдная жестокость туркменъ и персіянъ изъслѣдующаго разсказа Бэде.

Начальникъ Фендерескаго округа Астрабадской провинціи Мирза-Наги-ханъ влюбился въ туркменскую дѣвушку коджакскаго рода. Сначала отецъ и всѣ близкіе родные не соглашались на этотъ бракъ; но чего не дѣлаютъ деньги! Получивъ богатые подарки, отецъ замолкъ и согласился на увозъ дочери, которая сама отвѣчала благосклонностью Мирзѣ-Наги-хану. Родъ коджаковъ, узнавъ объ увозѣ одной дѣвушки изъ ихъ среды, счелъ себя жестоко оскорбленнымъ и сначала грозилъ отомстить оскорбителю, но потомъ, не имѣя средствъ къ этому, успокоился, выжидая только удобнаго случая. Прошелъ годъ. Мирза-Наги-ханъ, полагая, что гнѣвъ племени уже утихъ, позволилъ, согласно обычаю, молодой своей женѣ отправиться къ родителямъ. Она поѣхала къ нимъ въ родной своей одеждѣ, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Но едва только они подъѣхали къ шатрамъ своего племени, какъ ее туркмены схватили, повели на верхъ ближняго кургана и въ глазахъ родныхъ истерзали въ куски. Мирза-Наги-ханъ былъ приведенъ этимъ въ неистовство и поклялся мстить туркменамъ, но также принужденъ былъ выжидать и очень долго, потому что весь родъ коджаковъ, опасаясь его мщенія, откочевалъ въ Хиву. Прошло нѣсколько лѣтъ, и откочевывавшіе не возвращались. Тогда Мирза-Наги-ханъ написалъ къ нимъ письмо, съ приглашеніемъ занять прежнее мѣсто; въ письмѣ онъ признавалъ себя виновнымъ въ томъ, что не уважилъ ихъ обычаевъ, и говорилъ, что теперь они могутъ возвратиться спокойно, возстановивъ свою честь казнью дѣвушки, которую онъ увезъ. Коджаки повѣрили и

Digitized by Google

возвратились, но не успѣли они еще разбить хорошенько своихъ шатровъ, какъ Мирза-Наги-ханъ налетѣлъ на нихъ, разнесъ все ихъ кочевье и, захвативъ шестьдесятъ женщинъ, привезъ къ себѣ, гдѣ немедленно предалъ ихъ всѣхъ казни».

По свѣдѣніямъ, имѣющимся въ закаспійскомъ отдѣлѣ и основаннымъ на распросахъ, числительность джафарбаевъ заключается въ 8,000 кибитокъ, изъ коихъ 4,500 принадлежатъ кочевымъ и 3,500 осѣдлымъ, а атабаевцевъ—въ 7,000, изъ коихъ 4,500 кочевыхъ, остальныя осѣдлыхъ. Между рѣками Атрекомъ и Гургенью, только болѣе къ востоку чѣмъ іомуды, живутъ гокланы, признающіе за собою владычество Персіи и платящіе подать правителю Буджнурдской провинціи, представляемой имъ своему правительству въ размѣрѣ 6,000 тумановъ въ годъ.

Алчность персидскихъ представителей власти дѣлаетъ невозможнымъ сборъ какихъ-либо вѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній о количествѣ обитателей извѣстной провинціи. Такъ и въ данномъ случаѣ, ильхами (титулъ правителя Буджнурда) показываетъ количество гокланскихъ кибитокъ всего 1,800 и по росписи вносится на содержаніе въ Астрабадской провинціи войскъ всего 6,000 тумановъ, когда въ дѣйствительности получаетъ по крайней мѣрѣ втрое противъ этой суммы, такъ какъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ нашимъ консуломъ въ Астрабадѣ, Бакулинымъ, гокланскихъ кибитокъ, по меньшей мѣрѣ, 4,000. Гокланы, еще прежде іомудовъ, принуждены были смириться и стать подъ протекторатъ Персіи, признавъ ея власть, такъ какъ, находясь между текинцами и іомудами, чувствовали и ясно сознавали свою, сравнительно съ ними, слабость. Но въ прежнее время, отъ гокланскихъ набѣговъ сильно доставалось Астрабадской, Буджнурдской и Шахрудской провинціямъ, и не болѣе какъ 14 лѣтъ тому назадъ гокланы кара-калинцы, жители селенія Кара-Кала, находящагося по сосѣдству съ текинскими владѣніями и славящіеся своими наклонностями къ грабежу, соединились съ текинцами, напали на большое персидское село Абръ, въ тридцати верстахъ отъ г. Шахруда, разграбили его и взяли 40 человѣкъ въ плѣнъ. Большихъ трудовъ стоило персидскимъ войскамъ взять штурмомъ Кара-Калу, представившую упорную оборону. Строгая расправа съ каракалинцами усмирила гокламовъ, и теперь только грабежъ мелкими партіями изрѣдка производится ими. Сосѣдство русскихъ, съ занятіемъ нами Каспійскаго прибрежья, теперь отзывается на успокоеніи хищническихъ наклонностей туркменъ, и есть надежда, что, съ упроченіемъ нашей власти въ этой странѣ, окончательно уничтожатся грабежъ и разбой, чему

Digitized by Google

много потворствовала трусость персидскихъ войскъ и ихъ начальниковъ. Очень характеристиченъ персидскій анекдотъ, дающій понятіе о мужествѣ персіянъ и объ ихъ боязни туркменъ. Анекдотъ этотъ гласитъ, что однажды храбрый персіянинъ встрѣтилъ на дорогѣ туркмена, отчего-то одѣтаго по персидски. Принявъ туркмена за соотчича и намѣреваясь его ограбить, персіянинъ сшибъ его съ лошади и, вскочивъ на него, вынулъ изъ ноженъ кривой ножъ, желая покончить съ туркменомъ. «Ты, можетъ быть, думаешь, что я персіянинъ?» обратился къ нему лежавшій на землѣ: «нѣтъ, я туркменъ»,—закончилъ лежавшій свою фразу; услыхавъ это, побѣдитель отъ ужаса упалъ въ обморокъ; туркменъ освободился, зарѣзалъ персіянина и, ограбивъ его, продолжалъ путь. Изъ-за этой трусости болѣе всего достается Хоросанской провинціи, отъ текинцевъ и мервцевъ, и Астрабадской—отъ іомудовъ. Въ 1867 году астрабадскій губернаторъ Шахъ-Заде-Мулькара, выступивъ съ войскомъ, чтобы наказать джафарбаевъ, былъ ими разбитъ на-голову около крѣпости Ахъ-Кала, въ 20-ти верстахъ отъ Астрабада, и спасся отъ погибели только тѣмъ, что заперся въ крѣпости, потерявъ въ сраженіи одно орудіе и выдержавъ штурмъ крѣпости, не удавшійся только отъ того, что предводитель туркменъ былъ убитъ во время онаго. Въ 1876 году астрабадскій губернаторъ Сабахтіаръ-ханъ тоже былъ разбитъ на-голову партіей джафарбаевъ, едва спасшись отъ плѣна съ своей кавалеріей, причемъ лично былъ раненъ. Чтобъ судить о впечатлѣніи произведенномъ пораженіемъ Сабахтіаръ-хана на персовъ, достаточно сказать, что весь слѣдовавшій за этимъ событіемъ годъ преемникъ хана, Джансузъ-Мирза, имѣя 2,000 пѣхоты, при орудіяхъ и массѣ кавалеріи, не осмѣливался выходить изъ укрѣпленія Ахъ-Кала. Болѣе независимыхъ и свободныхъ народовъ, чѣмъ туркмены, едва-ли много найдется на земномъ шарѣ. Никакая власть ими не признается, никакимъ законамъ они не подчиняются, повинуясь только силѣ и уважая—адатъ, т. е. обычай, да и то только, если онъ касается личнаго интереса. Туркменская пословица гласитъ: «настоящіе туркмены не нуждаются ни въ тѣни деревъ, ни въ сѣни власти», и это нежеланіе стѣснять свою свободу, главнымъ образомъ, выработалось вслѣдствіе простора степи и условій кочевой жизни. Если кто-нибудь изъ рода захочетъ завести какія бы то ни было правила, несогласныя съ взглядами туркмена, то послѣдній выбираетъ себѣ новое мѣсто и откочевываетъ отъ своихъ. Впрочемъ необходимость соблюдать общественные интересы, главнымъ образомъ относительно пользованія водою, заставила ихъ избирать изъ своей среды распорядителей:

Digitized by Google

аксакаловъ и хановъ, хотя впрочемъ не имѣющихъ ни малѣйшей власти и только иногда пользующихся вліяніемъ, но все-таки, при самомъ значительномъ вліяніи, исполненіе ихъ требованій вполнѣ зависитъ отъ личнаго желанія подчиниться ему, или нѣтъ. Легче всего пріобрѣтаютъ между ними вліяніе ихъ муллы, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые отличаются умомъ, находчивостью и даромъ слова. Такіе муллы получаютъ титулъ ишана, т. е. излюбленнаго Богомъ человѣка. Религіознаго фанатизма у туркменъ, принадлежащихъ къ сектѣ суннитовъ, незамѣтно, и вообще они къ религіи относятся равнодушно.

Собираясь на «аламанъ», туркмены групируются около одного или двухъ сардарей, выбираемыхъ изъ числа людей опытныхъ, знающихъ дѣло набѣговъ въ совершенствѣ, изучившихъ всѣ тропинки и колодцы въ пустынѣ и, за свои знанія, получающихъ извѣстную часть добычи. Во время набѣга всѣ подчиняются приказаніямъ сардаря; кончился набѣгъ—конецъ и повиновенію. Впрочемъ въ послѣднее время, вслѣдствіе завязавшихся между турменами торговыхъ сношеній съ сосѣдями, персами, афганцами и бухарцами, явилась необходимость въ выборѣ довѣренныхъ лицъ, такъ какъ этого потребовали правительства вышеозначенныхъ народовъ. Эти довѣренныя лица явятся какъ-бы гарантіей въ исполненіи торговыхъ договоровъ, но, разумѣется, будутъ имѣть значеніе только тогда, когда будутъ въ состояніи опираться на вооруженную силу, которую дадутъ или вышеозначенныя правительства, или которая будетъ содержаться на получаемыя отъ нихъ денежныя средства. Прикаспійскіе іомуды обращались уже къ персидскимъ властямъ, прося у нихъ матеріальныхъ средствъ для содержанія ферашей (постоянной полицейской силы), безъ помощи которыхъ ханы признавали полную невозможность заставлять кого бы то ни было повиноваться и исполнять условія, заключенныя съ персидскимъ правительствомъ, но просьба туркменъ не была уважена и все осталось по прежнему. Прикаспійскіе туркмены—вообще здоровый, видный народъ, съ сильно развитой мускулатурой и красивыми лицами, причемъ у большинства замѣчательно бѣлые зубы. Женщины, по крайней мѣрѣ то небольшое количество, которое пришлось мнѣ видѣть, не отличаются красотою, но большинство прекрасно сложены, съ сильно развитымъ бюстомъ, такъ и обрисовывающимся подъ легкой восточной одеждой, и съ чудными зубами. Безнравственность и развратъ, подобный существующимъ у ихъ сосѣдей хивинцевъ и персіянъ, между туркменками большая рѣдкость. По наружному виду онѣ крайне нечистоплотны, любятъ яркіе цвѣта и серебряныя

Digitized by Google

украшенія. Послѣднія носятъ вездѣ, гдѣ только можно, въ видѣ серегъ, ошейниковъ, на головныхъ уборахъ, въ волосахъ, на поясѣ и въ видѣ масивныхъ браслетовъ. Единственный камень, попадающійся въ отдѣлкѣ этихъ украшеній, сердоликъ. Въ особенности интересны браслеты, широкіе, съ узкимъ боковымъ отверстіемъ для руки, которую женщины съ большимъ усиліемъ протискиваютъ въ нихъ и затѣмъ уже никогда браслета не снимаютъ. Женъ туркмены покупаютъ, причемъ, по крайней мѣрѣ джафарбаи, за дѣвушку 13-ти лѣтъ платятъ не дороже 300 рублей; въ возрастѣ отъ 13-ти до 24-хъ лѣтъ, когда женщины болѣе всего ими цѣнятся, цѣна за нихъ колеблется между 400 и 1,500 рублями, а самая низкая цѣна полагается за вдову. Выбравъ себѣ невѣсту, туркменъ посылаетъ одного изъ своихъ друзей къ отцу ея, и если отецъ принимаетъ предложеніе, то назначаетъ цѣну; начинается торгъ, по окончаніи котораго вносятся деньги, и свадьба совершается въ тотъ же день. Къ отцу жениха собираются друзья и родственники обѣихъ сторонъ, начинается угощеніе, для чего неизбѣжно зарѣзывается баранъ, затѣмъ призывается мулла и, прочитавъ молитву, объявляетъ бракъ совершеннымъ. Въ то же самое время, на разукрашенномъ верблюдѣ, на головѣ котораго красуется кусокъ шелковой матеріи яркихъ цвѣтовъ, идущій по лбу и вдоль шеи, садится невѣста и одна изъ ея замужнихъ подругъ, на обязанности которой лежитъ познакомить ее со всѣми тайнами брака, и, въ сопровожденіи однѣхъ только дѣвушекъ и женщинъ, направляется на край аула, гдѣ нарочно для этого устанавливается кибитка. Если дѣвушка отдается замужъ въ другой аулъ, то ей сопутствуютъ и конные, устраивая по дорогѣ скачку и стрѣльбу. По вводѣ въ кибитку, женщины удаляются, оставляя ее съ наставницей брачнаго дѣла, до прихода жениха, являющагося вечеромъ въ сопутствіи молодыхъ людей, оставляющихъ его немедленно вдвоемъ съ женою. На другой день тѣ же друзья приходятъ за молодымъ и уводятъ его въ аулъ, куда вскорѣ приводятъ и молодую жену. Туркменъ можетъ имѣть нѣсколько женъ, и тогда, если хватаетъ средствъ, ставитъ нѣсколько кибитокъ, для каждой жены отдѣльно, но рядомъ; при бѣдности же живутъ подъ одной кровлей. Разводъ вполнѣ зависитъ отъ мужа. Кромѣ женъ, туркмены еще зачастую вступаютъ въ связь съ своими невольницами, вслѣдствіе чего всѣ іомуды подраздѣляются на *куль* и *изъ*; къ первымъ принадлежатъ всѣ родившіеся отъ рабынь, а ко вторымъ—отъ матерей-іомудокъ. Куль получаетъ по наслѣдству половину сравнительно съ изомъ. Женщины, не смотря на свою принадлежность къ магометанству, не накрываютъ своихъ

Digitized by Google

головъ, подобно турчанкамъ, чадрами и не скрываютъ своихъ лицъ отъ постороннихъ взоровъ.

Внутренность кибитокъ хотя и отличается грязью и копотью отъ дыма, раскладываемаго внутри ихъ огня, но вообще отдѣлывается, въ особенности у богатыхъ, довольно красиво, чему много способствуютъ ковры, паласы и вообще ковровыя работы. На полу разстилаются большіе паласы, въ которыхъ красные, синіе и бѣлые цвѣта, симетрично расположенные, очень красиво гармонируютъ; по стѣнамъ висятъ ковры; небольшой коверъ привѣшенъ къ дверямъ, а кругомъ всей кибитки, по самой серединѣ ея, на половину ея вышины, вдоль основной кибиточной рѣшетки положена узенькая дорожка, изъ которыхъ въ особенности красивы тѣ, на бѣломъ фонѣ которыхъ выводятся бархатистые рельефные рисунки. Если вѣрить Вамбери, то по его описанію въ книгѣ «Путешествіе по средней Азіи ложнаго дервиша» производство всѣхъ этихъ ковровъ, паласовъ, хурджиновъ, совершается самымъ примитивнымъ способомъ. Старая опытная въ этомъ дѣлѣ «матрона» собираетъ молодыхъ дѣвушекъ и передъ кибиткою, на пескѣ, заостренною на концѣ палочкою, начерчиваетъ рисунокъ, на различныя клѣточки котораго кладетъ по кусочку шерсти того цвѣта, который долженъ идти на ихъ отдѣлку. Не имѣя никакихъ машинъ, самыми неусовершенствованными способами, начинаютъ дѣвушки свою работу, что не мѣшаетъ имъ производить чудныя издѣлія, возбуждающія общія удивленія, какимъ образомъ такой полудикій народъ въ состояніи создавать подобные рисунки, съ такимъ эфектнымъ подборомъ красокъ.

Прежде чѣмъ покончить съ описаніемъ прикаспійскихъ туркменъ, упомяну о способахъ куренія табака, практикуемомъ всѣми туркменами. У туркменъ въ общемъ употребленіи деревянный кальянъ, въ формѣ графина съ чашечкой наверху, въ которую кладутъ щепоть очень крѣпкаго мелконакрошеннаго табака. Внутрь кальяна наливаютъ они воды и припадаютъ устами къ дырочкѣ, продѣланной сбоку, закрывая противоположное отверстіе пальцемъ, вслѣдъ затѣмъ сильно затягиваются, зачастую даже до слезъ, и наконецъ выпускаютъ клубы густаго дыма изо рта. Кальянъ обыкновенно переходитъ изъ рукъ въ руки до послѣдней «затяжки». Если подъ рукою нѣтъ кальяна (чилимъ), то на походѣ туркменъ дѣлаетъ степную трубку, устройство которой въ высшей степени оригинально. На землю кладется шнурокъ, поверхъ котораго посыпается и утрамбовывается немного глины, оба конца шнурка выпускаются внаружу, затѣмъ шнурокъ вытягивается, оставивъ такимъ образомъ

Digitized by Google

подъ твердой глиной каналъ, на одинъ конецъ котораго въ углубленіе и накладывается табакъ; затѣмъ, набравъ въ ротъ воды, туркменъ становится на колѣни, наклоняется, прикладываетъ губы къ свободной дырочкѣ и наслаждается куреніемъ. Вообще туркменъ можно признать народомъ вполнѣ счастливымъ, такъ какъ они, имѣя мало потребностей, вполнѣ въ состояніи ихъ удовлетворить. Вслѣдствіе незнанія, что дѣлать съ деньгами, куда ихъ дѣвать, мнѣ кажется, и происходитъ непониманіе туркменами цѣны деньгамъ, что видно хотя бы изъ того, во сколько они цѣнятъ своихъ лошадей. Иногда просто смѣшно бываетъ, когда, встрѣтивъ верхового туркмена, трясущагося на лошади, на нашъ взглядъ просто клячѣ, и спросивъ его о цѣнѣ, за которую бы онъ ее продалъ, получаемъ въ отвѣтъ: 600 рублей, и притомъ полное нежеланіе уступить хоть копѣйку. И въ сущности оно весьма понятно: безъ лошади ему трудно обойтись, а безъ денегъ легко. Вслѣдствіе придаваемой всѣми вообще туркменами цѣнѣ лошадямъ, кажется вполнѣ раціональною мѣра о наложеніи на текинцевъ, въ случаѣ покоренія ихъ страны, контрибуціи лошадьми. Этой мѣрой мы пріобрѣли бы хорошихъ лошадей и лишили бы текинцевъ возможности совершать набѣги, отнимая ихъ главный способъ передвиженія. Будетъ-ли приведена эта мѣра въ исполненіе — покажетъ будущее; я же, описывая уже прошедшее, теперь постараюсь сдѣлать очеркъ края и характеристику мѣстности за Чекишляромъ, по направленію къ Чату.

А. Ржевусскій.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

173717/1

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ CLIX.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая улица, д. № 36.
1884

3(05)
480

Digitized by Google

ОТЪ ТИФЛИСА ДО ДЕНГИЛЬ-ТЕПЕ.

(Изъ записокъ участника).

(*Статья четвертая*) (1).

IV.

Отъ Каспійскаго моря до Копетъ-Дагскаго хребта.

Выступивъ изъ Чекишляра, пришлось намъ верстъ шесть идти по сыпучимъ, не смотря на раннее время дня уже накаленнымъ солнцемъ, пескамъ. Затѣмъ почва мѣняется—начинается глинистый, твердый грунтъ, по которому лошадямъ идти очень легко. Почва лишена всякой растительности; изрѣдка попадаются низенькіе пучки твердой травы, составляющей единственную въ этой пустынѣ пищу верблюдовъ. Первый переходъ, который дѣлали всѣ войска, направлявшіяся изъ Чекишляра въ Чатъ, 30-ти-верстный, до колодцевъ Бевенъ-Башъ. Трудно себѣ представить мѣстность болѣе безотрадную, болѣе наводящую тоску и уныніе. Ни бугорка, ни холмика. Куда ни бросишь взглядъ—вездѣ, ровная, чистая, сѣрая степь. Иногда вдругъ покажется вдали озеро съ островками, цѣлыя рощи большихъ деревьевъ; все это вы видите совершенно ясно. Не хочется вѣрить, что это не дѣйствительность, а только миражъ; но чѣмъ ближе подходите, тѣмъ болѣе убѣждаетесь, что это манящее къ себѣ, дразнящее васъ явленіе—нѣчто несуществующее. Первое время похода нижніе чины, никогда ничего не слышавшіе о миражахъ, ужасно были удивлены, видя это явленіе природы; они не хотѣли вѣрить, что это не настоящіе виды, но вскорѣ попривыкли. Во время нашего прохода къ Бевенъ-Башу, на полупути, команда нижнихъ чиновъ, подъ руководствомъ инженернаго офицера, занималась буреньемъ артезіянскаго колодца, впрочемъ не добившись толка; въ двухъ выкопанныхъ колодцахъ вода

(1) См. «Воен. Сбор.», 1884 г., №№ 6-й—8-й.

Digitized by Google

оказалась горькосоленою, невозможною для употребленія. Добравшись благополучно до мѣста ночлега, отрядивъ часовыхъ къ колодцамъ, расположились мы бивакомъ. Въ колодцахъ Бевенъ-Башъ оказалось воды очень мало, такъ какъ передъ нашимъ приходомъ здѣсь стоялъ арбяной транспортъ, истреблявшій успѣвшую накопиться въ вырытыхъ колодцахъ воду. Изъ 50-ти вырытыхъ въ этомъ пунктѣ колодцевъ только въ 13-ти накоплялась вода, годная къ употребленію, какъ для питья, такъ и для варки пищи, хотя и имѣла вкусъ и запахъ душистый и была немного горькосоленая; кромѣ того, въ 16-ти она была годна для пойла лошадей, хотя была очень непріятна на вкусъ, въ остальныхъ же ея не хотѣли пить даже верблюды. Во всѣхъ этихъ колодцахъ воды въ каждомъ было не болѣе шести ведеръ, исчерпавъ которыя приходилось ждать около 4-хъ часовъ, пока снова не появится такое-же количество.

Слѣдующій затѣмъ (21 в.) переходъ по мѣстности совершенно однообразной привелъ насъ къ ночлегу на берегу озера Дели-ли. Озеро небольшое; на берегу высокій зеленый камышъ, вода вблизи берега солоноватая, но если брать изъ середины озера, то сносная на вкусъ. Какъ бы въ отместку за воду, на этой стоянкѣ оказываются два новыхъ врага—оводы и комары. Счастливъ тотъ, на чью долю приходится сильный вѣтеръ во время стоянки у Дели-ли,—тогда вышеупомянутые враги не такъ ощутительны; но при затишьѣ комары одолѣваютъ безжалостно. Вмѣстѣ съ оводами, они покидаютъ камыши и съ яростью нападаютъ на людей и лошадей, не давая ни минуты покоя, столь необходимаго послѣ дневнаго утомленія отъ перехода и убійственной жары.

Съ Атрекомъ приходится войскамъ встрѣтить сявпервые около мѣста третьяго ночлега по выходѣ изъ Чекишляра, а именно: въ Гудри, отстоящемъ отъ Дели-ли на 15½ верстъ; но оказалось, что атрекская вода негодна для употребленія, такъ какъ совершенно горькосоленая. Приходилось копать на берегу рѣки ямы, подобно тому, какъ въ Чекишлярѣ, и тогда получалась вода одинаковаго качества съ чекишлярской. Въ Гудри Атрекъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, представлялъ рѣченку сажени въ три шириною, съ водою какого-то шеколаднаго цвѣта, переполненною массою рыбы, между которой преобладали сомы и усачи. Рыба оказалась очень невкусною, съ примѣсью какого-то страшно непріятнаго запаха и, говорятъ, оказывавшая вредное вліяніе на здоровье употреблявшихъ ее въ пищу. Между тѣмъ рыбы было такъ много, что казаки шашками рубили ее и разумѣется, не смотря на совѣты избѣгать употреблять ее въ пищу, преисправно уничтожали во всѣхъ видахъ. Лѣвый берегъ Атрека принадлежитъ

Digitized by Google

Персіи и покрытъ густыми кустарниками, доставляющими отличный матеріалъ для топлива, которымъ, разумѣется, безплатно пользовались какъ проходящія войска, такъ и стоявшіе здѣсь все лѣто дагестанцы конно-иррегулярнаго полка. Не доходя до Гудри, по пути, расположенъ аулъ въ нѣсколько десятковъ кибитокъ. Около аула на далекое разстояніе тянутся бахчи, засѣянныя дынями и арбузами. Жители аула, принадлежащіе къ племени туркменъ-джафарбаевъ, при прохожденіи войскъ выходили на встрѣчу, предлагая за умѣренную плату свои произведенія. Этотъ аулъ — есть послѣднее населенное мѣсто, встрѣтившееся на пути нашего слѣдованія, вплоть до земли Ахала. Въ окрестностяхъ аула прекрасная густая трава и, говорятъ, прежде былъ лѣсокъ, въ настоящее время уцѣлѣвшій только на лѣвомъ, противоположномъ, берегу Атрека. Стоявшіе у Гудри дагестанцы вообще были очень довольны своей стоянкой. Только комары не давали покоя, кусая какъ то особенно больно, несравненно больнѣе нашихъ европейскихъ. Нѣкоторые, менѣе терпѣливые устраивали себѣ вышки, въ родѣ сторожевыхъ вышекъ, бывшихъ на Кавказѣ во время Кавказской войны, и забирались туда на ночь. Благодаря продувающему на верху вѣтерку и тому обстоятельству, что комары не летаютъ высоко надъ поверхностью земли, на вышкахъ возможно было найти спасеніе отъ мучительныхъ комарныхъ уколовъ.

Отъ Гудри вплоть до Чата дорога идетъ по Атреку, причемъ въ 29 верстахъ отъ Гудри ночлегъ у переправы Баятъ-Хаджи. Очевидно, что мѣсто это служило когда-то кладбищемъ, такъ какъ повсюду разбросанъ цѣлый рядъ могилъ съ поставленными памятниками въ видѣ каменьевъ, большинство которыхъ высѣчены въ видѣ крестовъ. Отъ проводника туркмена не могъ я добиться, что это за кладбище,— онъ и самъ не зналъ, говорилъ только, что тутъ есть могила духовнаго лица «Хаджи». Съ этого же пункта начинаютъ по пути попадаться земляные провалы, доходящіе до грандіозныхъ размѣровъ въ окрестностяхъ Чата. Начиная отъ Баятъ-Хаджи, Атрекъ течетъ все въ болѣе и болѣе крутыхъ берегахъ; спуски къ рѣкѣ становятся съ каждымъ шагомъ труднѣе и круче. Ширина рѣки всего нѣсколько саженъ, но глубина очень значительна, качество воды то же, что въ Гудри. У слѣдующаго мѣста остановки, по маршруту, въ разстояніи 20-ти верстъ отъ Баятъ-Хаджи и называемаго Яглыолунъ—новая переправа на персидскій берегъ. Переправы эти имѣютъ большое значеніе, такъ какъ по причинѣ крутизны и даже обрывистости береговъ Атрека возможенъ переходъ черезъ эту рѣку только въ нѣсколькихъ пунктахъ; наблюденіе за нѣкоторыми не представляетъ

Digitized by Google

особенныхъ трудностей. Пройдя еще тридцать восемь съ половиною верстъ по пустынѣ, достигаемъ Чата, находящагося у сліянія Сумбара съ Атрекомъ и считавшагося въ то время крайнимъ пунктомъ нашихъ владѣній по этой линіи. Трудно встрѣтить на земномъ шарѣ мѣстность болѣе безотрадную. Невозможно себѣ представить тѣ трудности и лишенія, которыя выпали на долю войскъ, занимавшихъ этотъ пунктъ. На мѣстности, изрытой оврагами и бездонными пропастями, безъ малѣйшихъ признаковъ растительности, въ трехугольникѣ, образуемомъ Сумбаромъ-Атрекомъ (1), и степью, построено укрѣпленіе, въ которомъ стояла маленькая деревянная церковь и помѣщалась землянка—мѣстожительство начальника чатской колонны, полковника Шкуринскаго (нынѣ генералъ-маіоръ), бывшаго въ то время командиромъ Ширванскаго пѣхотнаго полка; тутъ же помѣщались кибитки и палатки управленій и войскъ. Мѣстность положительно неприступная. На равнинѣ передъ укрѣпленіемъ, отдѣляясь отъ него Атрекомъ, текущимъ въ этомъ мѣстѣ по дну громаднаго оврага, расположенъ былъ госпиталь, во время нашего прихода переполненный больными, изъ котораго главный процентъ выпалъ на долю дисентериковъ, цынготныхъ и съ воспаленіемъ легкихъ. Причиною какъ простыхъ, такъ и кровавыхъ дисентерій можно безошибочно считать воду какъ въ Атрекѣ, такъ и въ Сумбарѣ, безусловно вредно дѣйствовавшую на пищеварительные органы и вообще на человѣческій организмъ. Причина цынги крылась въ истощеніи войскъ, измученныхъ жарою и отсутствіемъ растительной пищи, вотъ вслѣдствіе чего и здѣсь, какъ и въ Чекишлярѣ, болѣе всего заболѣвавшихъ цынгою находилось въ частяхъ, не прибывшихъ въ послѣднее время для принятія участія въ экспедиціи, а въ находившихся въ Закаспійскомъ отдѣлѣ, до начала оной. На истощеніе силъ нижнихъ чиновъ должно было имѣть тоже сильное вліяніе напряженіе на работахъ на пристани чекишлярской по разгрузкѣ пароходовъ и судовъ. Врачи жаловались, что какъ цынга, такъ и воспаленіе легкихъ не поддавались никакому леченію, вслѣдствіе чего процентъ смертности, въ этотъ періодъ времени, былъ очень значителенъ. Чатъ ко всѣмъ своимъ недостаткамъ можетъ причислить еще одно, и притомъ самое крупное, а именно — самое жаркое лѣто, по крайней мѣрѣ отъ берега Каспія до Копепетъ-Дага. Чтобы составить себѣ понятіе о жарахъ, бывшихъ въ Чатѣ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, достаточно знать, что термометръ Реомюра показывалъ иногда 52° на солнцѣ.

(1) Берега которыхъ достигаютъ у Чата высоты 26-ти саженъ.

Digitized by Google

Жить при такой температурѣ, вдыхать въ себя, наполнять свои легкія раскаленнымъ воздухомъ положительное мученіе. Въ августѣ, не смотря на сильное относительное пониженіе температуры, въ моей палаткѣ, хотя бока ея для охлажденія были приподняты, термометръ не спускался ниже 35° по Реомюру въ полдень. На мои жалобы на жару, офицеры, жившіе въ Чатѣ болѣе продолжительное время, увѣряли, что «сегодня прохладно: всего лишь 42° на солнцѣ». Въ такую жару выпить стаканъ какого нибудь холоднаго напитка доставляло великое наслажденіе, вслѣдствіе чего офицеры часто занимались охлажденіемъ воды, какъ простой, такъ и зельтерской, которое совершалось слѣдующимъ образомъ. Наполняется водою бутылка, обшитая войлокомъ, обложеннымъ полотномъ; эта обшивка обливается снаружи водою, и бутылка выставляется въ такое мѣсто, гдѣ есть хоть малѣйшій токъ воздуха; когда войлокъ высыхаетъ, его снова поливаютъ, и вода, находящаяся въ бутылкѣ, послѣ подобной процедуры быстро охлаждается; зельтерская вода охлаждается еще легче, причемъ бутылка обвертывается простой газетной бумагой и затѣмъ подвергается вышеописаннымъ дѣйствіямъ.

Въ окрестностяхъ Чата попадается масса проваловъ, изъ которыхъ многіе идутъ на далекое пространство и имѣютъ исходъ къ Атреку и Сумбару. Въ одну изъ такихъ подземныхъ галерей попалъ казакъ, ѣхавшій верхомъ. Долго блуждалъ онъ подъ землею и только спустя нѣсколько часовъ вышелъ на свѣтъ Божій, далеко отъ того мѣста, гдѣ провалился, причемъ ни онъ, ни лошадь не получили ни малѣйшаго ушиба.

Пока мы томились въ Чатѣ, штабъ отряда рѣшилъ открыть наступательныя дѣйствія, и съ этою цѣлью весь отрядъ былъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ: 1) авангардъ — 4-й баталіонъ Куринскаго, 4-й баталіонъ Кабардинскаго, 1-й баталіонъ Апшеронскаго и 4-й баталіонъ Ширванскаго пѣхотныхъ полковъ; рота саперовъ; 4-я сотня Волгскаго и сотня Таманскаго казачьихъ полковъ; 3-я и 4-я сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка; сотня закавказской и сотня туземной милиціи; горная полубатарея и взводъ полевой Красноводской батареи—всего 4¼ баталіона, 6 сотенъ и 6 орудій, при отдѣленіи подвижнаго артилерійскаго парка (120,000 патроновъ). Бывшіе до того въ составѣ авангарда въ Терсаканѣ два баталіона 41-й пѣхотной дивизіи и сотня Таманскаго казачьяго полка были изъяты изъ состава авангарда, вслѣдствіе развившейся среди нихъ болѣзненности, въ особенности лихорадокъ, причемъ 4-й баталіонъ Ахалцыхскаго полка и Таманскую сотню возвратили въ Дузъ-

Digitized by Google

Олумъ, гдѣ они должны были остаться гарнизономъ, а 4-й баталіонъ Александропольскаго оставили въ Терсаканѣ. Авангарду этому, ввѣренному начальству князя Долгорукаго, предписывалось сосредоточиться въ Терсаканѣ къ 5-му августа и затѣмъ 7-го выступить въ Ходжамъкала и, занявъ этотъ пунктъ, немедленно приступить къ разработкѣ дороги отъ него къ Терсакану, а также къ устройству колодцевъ на половинѣ пути между ними; 2) остальныя части передоваго отряда должны были сосредоточиться въ Дузъ-Олумѣ къ 10-му августа, причемъ выступленіе предписывалось произвести тремя эшелонами: 1-й—подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора графа Борха—долженъ былъ выступить 30-го іюля въ составѣ 3-го баталіона-лейбъ Эриванскаго и 3-го баталіона Грузинскаго гренадерскихъ полковъ, 4-й батареи 20-й артилерійской бригады, которой одинъ взводъ долженъ былъ быть оставленнымъ въ Дузъ-Олумѣ, и управленія начальника пѣхоты; 2-й эшелонъ, подъ общимъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Свѣтлѣйшаго Князя Зейнъ-Витгенштейнъ-Берлебурга,—выступить 31-го іюля, въ составѣ дивизіона Переяславскихъ драгунъ, 5-й сотни Полтавскаго казачьяго полка (съ ракетами), полубатареи 1-й конной терской батареи и управленій начальниковъ кавалеріи и артилеріи; 3-й эшелонъ, подъ командою командира 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка, полковника Чижикова,—1-го августа, въ составѣ: трехъ ротъ 3-го баталіона Ширванскаго полка, кавказскаго сводно-стрѣлковаго баталіона, 2-й сотни Полтавскаго казачьяго полка, 2-й сотни туземной милиціи и отряднаго штаба; 3) третьему баталіону Дагестанскаго полка предписывалось выступить изъ Чекишляра 2-го августа и слѣдовать въ Чатъ; 4) остальныя части оставлены для обезпеченія тыла передоваго отряда въ слѣдующихъ пунктахъ: въ Чекишлярѣ—4-ые баталіоны 81-го Апшеронскаго, 82-го Дагестанскаго, 83-го Самурскаго пѣхотныхъ полковъ, 2-я и 6-я сотни Таманскаго, 1-я и 3-я Полтавскаго казачьихъ полковъ, 1-я сотня туземной милиціи, два полевыхъ незапряженныхъ орудія красноводской артилеріи; въ Гудри—5-я и 6-я сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка; въ Чатѣ—4-й баталіонъ 78-го Навагинскаго и 3-й 82-го Дагестанскаго пѣхотныхъ полковъ; 2-я сотня Волгскаго казачьяго, 1-я и 2-я сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полковъ, 5-я сотня туземной милиціи, четыре незапряженныхъ орудій Красноводской артилеріи; въ Дашъ-Верды—1-й баталіонъ 83-го Самурскаго пѣхотнаго полка съ частью 5-й сотни туземной милиціи; въ Дузъ-Олумѣ—4-й баталіонъ 162-го Ахалцыхскаго пѣхотнаго полка, сотня Таманскаго казачьяго и 6-я сотня туземной милиціи и, наконецъ, въ

Digitized by Google

Терсаканѣ—4-й баталіонъ 161-го Александропольскаго пѣхотнаго полка.

Приказъ по передовому отряду предписывалъ, передъ выступленіемъ частей назначенныхъ въ его составъ, врачамъ сдѣлать самый тщательный осмотръ людей и слабыхъ въ походъ отнюдь не брать, равно какъ и больныхъ лошадей; надзоръ за слабыми, собранными въ особыя команды и прикомандированными на довольствіе къ соотвѣтствующимъ родамъ войскъ, расположеннымъ на постахъ, возложенъ былъ на начальниковъ тѣхъ постовъ; всѣ лишнія вещи оставить подъ надзоромъ слабыхъ; чинамъ передоваго отряда опредѣлялась слѣдующая суточная дача на человѣка: а) для регулярныхъ войскъ и казачьихъ сотенъ—1 1/2 фунт. сухарей, 1/2 фунт. гречневой крупы, морская провизія полностью и 1 1/2 фунт. мяса; б) для Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка—2 фунт. пшеничной муки, фунтъ говядины и морская провизія по положенію; в) для туземной милиціи—2 фунт. пшеничной муки, чай, сахаръ, 3/4 фунт. сарочинской крупы и фунтъ мяса; г) для лошадей по 3 гарнца ячменя или 4 гарнца овса, при отсутствіи сѣна, а при выдачѣ его дача зернового фуража должна была уменьшаться сообразно отпуска сѣна. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось всѣмъ войскамъ, при выступленіи изъ Чекишляра, взять съ собою десятидневный запасъ довольствія, который и пополнить въ Чатѣ; при выступленіи же авангарда изъ Терсакана, а главныхъ силъ изъ Дузъ-Олума взять съ собою мѣсячную пропорцію всего довольствія.

Болѣзнь генерала Лазарева заставила немного измѣнить вышеизложенный составъ эшелоновъ, такъ какъ отрядный штабъ вмѣстѣ со 2-й сотней Полтавскаго казачьяго полка остался на день въ Чекишлярѣ и 2-го августа составилъ 4-й эшелонъ, присоединившійся къ баталіону Дагестанскаго полка подъ общимъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Гродекова. Въ эшелоны было назначено слѣдующее количество верблюдовъ: въ 1-й—598, во 2-й—680, въ 3-й—507 и въ 4-й—516.

Всѣ, кому приходилось покинуть Чатъ, были въ полномъ восторгѣ. Характеръ мѣстности за Чатомъ измѣняется. Хотя грунтъ и тотъ же самый, но уже тутъ начинаютъ попадаться на пути отроги Копетъ-Дагскаго хребта, образующіе ущелья и дефиле. Горы невысокія, безъ всякой растительности. Онѣ представляютъ цѣлый рядъ связанныхъ между собою самой причудливой, въ большинствѣ случаевъ конусообразной, формы холмовъ, иногда идущихъ въ нѣсколько линій съ ровными, гладкими между ними плато. На одной изъ

Digitized by Google

такихъ равнинъ на берегу рѣки Сумбара, въ 21½ верстахъ отъ Чата, находится мѣсто, именуемое Хоръ-Олумъ, — первый ночлегъ для войскъ, идущихъ изъ Чата; въ этомъ пунктѣ въ Сумбарѣ вода хотя и мутнаго цвѣта, но на вкусъ пріятная. Еще 26 верстъ — и мы достигаемъ Дузъ-Олума, находящагося при впаденіи Чандыра въ Сумбаръ. Первыя двѣнадцать верстъ отъ Хоръ-Олума дорога идетъ по равнинѣ, затѣмъ входитъ въ ущелье, образуемое невысокими глиняными холмами, по которому и идетъ на протяженіи пяти верстъ, затѣмъ опять выходитъ на равнину, пересѣченную промоинами, по которой и доходитъ до р. Сумбара у самаго Дузъ-Олума. Въ Дузъ-Олумѣ помѣщался продовольственный складъ значительныхъ размѣровъ, послѣдній складъ по пути слѣдованія ахалъ-текинскаго экспедиціоннаго отряда въ 1879 году. Изъ всѣхъ дотолѣ пройденныхъ войсками отряда пунктовъ, начиная отъ Чекишляра, Дузъ-Олумъ производитъ самое лучшее впечатлѣніе. Онъ находится на равнинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ возвышенностями, на берегу обрыва, на днѣ котораго текутъ: съ одной стороны Чандыра, съ другой—Сумбаръ. Впрочемъ Сумбаръ, по крайней мѣрѣ во время нашего прохожденія черезъ Дузъ-Олумъ, представлялъ собою, еле-еле пробивающійся ручеекъ. Берега этихъ рѣкъ, по дну оврага, покрыты крупными кустарниками гребеньщика. Колосальныхъ чатскихъ жаровъ въ Дузъ-Олумѣ не бываетъ, что́ можно отчасти объяснить бо́льшимъ возвышеніемъ надъ уровнемъ моря, такъ какъ Дузъ-Олумъ находится на 850 футахъ надъ поверхностью моря, тогда какъ Чатъ всего на 135 футахъ. Окрестности Дузъ-Олума, не представляя изъ себя голой пустыни, переполнены дичью, между которой первое мѣсто занимаютъ курочки и фазаны.

Во время нашей стоянки въ Дузъ-Олумѣ, пришла къ намъ печальная вѣсть о смерти генералъ-лейтенанта Лазарева. 12-го августа генералъ Лазаревъ, не смотря на страшный упадокъ силъ и слабость, происходившую отъ мучительнаго карбункула на спинѣ, около лѣвой лопатки, только что надрѣзаннаго, не желая откладывать и безъ того уже запоздавшую экспедицію, прибылъ въ Чатъ, сдѣлавъ 140 верстъ въ коляскѣ. Ѣзда въ жару и боль, причиняемая нарывомъ, до такой степени ослабили его, что, по пріѣздѣ въ Чатъ, онъ уже не могъ самъ выйти изъ экипажа и былъ вынесенъ на рукахъ. Не смотря однако на слабость, генералъ немедленно приказалъ послать казаковъ въ Дузъ-Олумъ, съ извѣстіемъ, что на слѣдующій день прибудетъ туда, т. е. сдѣлаетъ 47½ верстъ. 13-го августа въ Дузъ-Олумѣ, въ центрѣ бивака, разбили палатки для начальника отряда и при-

Digitized by Google

ближенныхъ къ нему лицъ, выставили почетный караулъ отъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, съ единственнымъ въ отрядѣ хоромъ музыкантовъ Ширванскаго полка, по дорогѣ разставили казаковъ для наблюденія и немедленнаго извѣщенія, въ случаѣ если-бы со стороны Чата замѣтили экипажъ начальника отряда. Около часа пополудни прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что ѣдетъ генералъ Лазаревъ. Офицеры засуетились, караулъ сталъ въ ружье, музыканты приготовили свои инструменты, и всѣ взоры обратились по направленію къ Чату. Прошло болѣе часа, но ожидаемый начальникъ все еще не показывался. Еще немного времени—и за оврагомъ, на днѣ котораго едва сочился Сумбаръ, какъ оказалось запруженный упавшимъ, въ верстахъ десяти выше Дузъ-Олума, земляным заваломъ, показался верблюжій транспортъ. Подождавъ еще съ часъ, всѣ рѣшили, что казакъ, принявъ пыль, поднятую двигавшимся транспортомъ за поѣздъ начальника отряда, поспѣшилъ сообщеніемъ и тѣмъ произвелъ фальшивую тревогу. Вслѣдствіе сего мало по малу всѣ собравшіеся для встрѣчи разошлись. Прошелъ день. Удушливая жара, накалившая воздухъ, смѣнилась прохладою наступившихъ сумерекъ; въ частяхъ протрубили вечернюю зарю. Ожидавшій цѣлый день на солнцепекѣ караулъ былъ распущенъ, а о пріѣздѣ генерала не было ни слуха ни духа. Начались предположенія, что́ могло-бы задержать пріѣздъ генерала. Большинство рѣшило, что Лазаревъ, въ виду усталости, остался отдохнуть въ Чатѣ и прибудетъ на слѣдующій день; но всѣ были далеки отъ мысли о смерти того, чью колосальную фигуру, казалось, никакая болѣзнь не въ силахъ сломить. На другой день, т. е. 14-го августа, на разсвѣтѣ привезено въ Дузъ-Олумъ извѣстіе, что генералу хуже; въ десять же часовъ утра по лагерю пронесся слухъ, что начальникъ отряда умеръ. Извѣстіе это вскорѣ подтвердилось, такъ какъ казакъ привезъ начальнику штаба, полковнику Маламѣ, донесеніе доктора Келдыша, находившагося все послѣднее время при генералѣ Лазаревѣ; въ этомъ донесеніи сообщалось, что въ $4^1/_2$ часовъ утра генералъ Лазаревъ умеръ. Начальникъ штаба полковникъ Малама, штабъ-офицеръ, состоящій по особымъ порученіямъ при генералѣ, полковникъ Каргановъ и ординарцы штабсъ-капитанъ Колышкинъ и поручики: Александровскій и Келбалай-ханъ Нахичеванскій немедленно по полученіи этого извѣстія поскакали въ Чатъ. Командованіе отрядомъ принялъ на себя старшій изъ начальствующихъ лицъ, начальникъ Закаспійскаго отдѣла, генералъ-маіоръ Ломакинъ.

Между тѣмъ въ Дузъ-Олумѣ нельзя было оставаться въ пасивномъ положеніи. Каждый лишній день промедленія требовалъ истреб-

Digitized by Google

ленія большаго количества продовольствія, еще не сосредоточеннаго въ должной мѣрѣ на передовыхъ пунктахъ, слѣдовательно приходилось рѣшиться, взявъ имѣвшіеся запасы, быстро двигаться впередъ, въ случаѣ удачи, пополнить ихъ отнятымъ у непріятеля добромъ, при неуспѣхѣ-же довольствоваться тѣмъ, что могло быть подвезено во время нашего движенія. Генералъ Ломакинъ при этомъ руководствовался рѣшеніемъ генерала Лазарева, а потому предписано было всему отряду взять съ собой фуражъ и провіантъ на 15 дней.

Въ лагерѣ поднялась суматоха; всѣ части на перебой спѣшили получить изъ магазиновъ довольствіе, причемъ происходило слѣдующее: въ виду относительной ограниченности запасовъ провизіи, находящейся въ дузъ-олумскомъ магазинѣ, опустошенномъ какъ авангардной колонной, такъ и стоявшимъ тутъ гарнизономъ, смотритель магазина, всячески стараясь удовлетворить требованія войскъ, каждой части что нибудь да не давалъ: такъ, напримѣръ, приходятъ изъ одного баталіона, оказывается, что въ магазинѣ нѣтъ чесноку или-же, если и есть, то только дня на два на три; другому-же баталіону чеснокъ оказывается на все количество дней, но нѣтъ перцу, третьему лавроваго листу и т. д.,—конечно, приходилось довольствоваться хоть тѣмъ, что получили. Роздали верблюдовъ, навьючили ихъ и двинулись въ дальнѣйшій путь. Въ это время авангардъ отряда, подъ командою флигель-адъютанта полковника князя Долгорукаго, уже былъ на самой границѣ Ахалъ-текинскаго оазиса, гдѣ и ждалъ въ Бендесенѣ соединенія съ отрядомъ для дальнѣйшаго движенія. Со времени сосредоточенія авангарда въ Терсаканѣ активныя дѣйствія онаго заключались въ слѣдующемъ: 5-го августа вечеромъ выступили оттуда три сотни казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Васильчикова; пройдя 46 верстъ безводнаго пути, на другой день утромъ вступили въ Ходжамъ-кала, гдѣ были встрѣчены выстрѣлами партіи текинцевъ, пасшихъ въ этомъ мѣстѣ свою баранту, немедленно отбитую отъ нихъ. Эти передовыя части нашего авангарда стали твердой ногой въ Ходжамъ-кала. 1-й эшелонъ авангарда, состоявшій изъ 4-го баталіона Кабардинскаго полка, роты Куринскаго и сотни казаковъ, покинулъ Терсаканъ 7-го августа утромъ и, пройдя 22½ версты, остановился ночевать у Маргиса, а затѣмъ къ полдню слѣдующаго дня вступилъ въ Ходжамъ-калу. По занятіи послѣдняго пункта было приступлено къ разработкѣ дороги къ Терсакану и къ копанію колодцевъ у Маргиса. Для дорожныхъ работъ былъ назначенъ 2-й эшелонъ, а именно—баталіоны Апшеронскаго и Ширванскаго полковъ, при содѣйствіи каракалинскихъ туркменъ. На по-

Digitized by Google

слѣдникъ было тоже возложено устройство колодцевъ у Маргиса, но въ трехъ вырытыхъ ими вода оказалась горькосоленою, вслѣдствіе чего сдѣланы были новыя изысканія и вырыто нѣсколько новыхъ колодцевъ къ востоку отъ Маргиса, верстахъ въ двухъ въ сторону отъ дороги, и въ нихъ вода оказалась лучшаго достоинства; но во всѣхъ этихъ колодцахъ воды было мало и истраченный запасъ пополнялся медленно. Въ шести верстахъ отъ дороги былъ родникъ Кикили съ прѣсной водой, но по его маловодности дѣлать лишнихъ 12 верстъ не стоило Опять пошли отроги Копепетъ-Дага. Мѣстность тутъ уже становится болѣе оживленною, болѣе разнообразною; съ лѣвой стороны нашего движенія тянулась р. Сумбаръ, или, вѣрнѣе, оврагъ, на днѣ котораго текла эта рѣченка Сумбаръ, иногда показывался, затѣмъ вновь скрывался за горными отрогами; берегъ оврага покрытъ во многихъ мѣстахъ кустами гребенщика; нарѣдка попадается саксаулъ. Громадные орлы, попарно сидя по вершинамъ невысокихъ горъ, преспокойно смотрѣли на проходящія мимо нихъ войска, какъ-бы поджидая отъ нихъ добычи. А добыча на всемъ пути нашего движенія для хищныхъ птицъ была обильная, такъ какъ по верблюжьимъ остовамъ можно было легко прослѣдить все пройденное нами разстояніе.

На самомъ берегу Чандыра, въ $18^3/_4$ верстахъ отъ Дузъ-Олума, находится мѣсто Бекъ-тепе, гдѣ мы и расположились для ночлега: большая площадка, съ одной стороны граничащая горными, крутыми отрогами, съ противоположной—Сумбарскимъ русломъ, а съ двухъ остальныхъ—цѣлымъ рядомъ холмовъ и овраговъ и имѣющая только два узкихъ, проходящихъ по ущельямъ входа. Сумбаръ течетъ и тутъ, какъ въ Дузъ-Олумѣ, по дну глубокаго оврага, при весеннемъ разливѣ, по всей вѣроятности, доходя до его краевъ, во время-же нашего прохода извиваясь мелкой рѣченкой, по мѣстности богатой растительностью, между которой попадаются и большія деревья. Къ несчастью этотъ маленькій лѣсокъ отчасти уничтоженъ пожаромъ, который произошелъ во время прохода нашихъ войскъ въ 1878 году, причемъ неизвѣстно, произошло-ли это по нечаянности, или произведено съ умысломъ. Уныло стоятъ обугленныя деревья—и безъ того рѣдкое явленіе въ этой непривѣтливой странѣ. Изъ Бекъ-тепе выходъ по ущелью на столько узокъ, что приходилось колоннѣ идти, вытянувшись въ одинъ верблюдъ что крайне задерживало движеніе отряда. Вскорѣ началась разработанная нашими саперами дорога. Работа досталась имъ не легкая, но, не смотря на это, любо было смотрѣть на трудъ нашихъ солдатиковъ – трудъ, совершенный при

Digitized by Google

страшной жарѣ, при утоленіи жажды согрѣтою солнечными лучами водою, при ежеминутной опасности отъ нападенія текинцевъ. Для проведенія удобной, для движенія орудій и колесныхъ экипажей, дороги приходилось, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, дѣлать глубокія выемки въ твердой, высушенной раскаленнымъ воздухомъ, глинистой почвѣ, что̀ требовало большаго напряженія, большой траты физическихъ силъ. На одной изъ отвѣсныхъ стѣнъ подобныхъ выемокъ какой-то саперъ, желая хоть на время оставить память по своимъ работамъ, выцарапалъ въ глинѣ надпись большими буквами: «20-го іюля 1879 года».

Во время нашего движенія къ Терсакаму, мы встрѣтили двухъ конныхъ туркменъ, везшихъ изъ авангардной колонны кореспонденціи. Временно-командующій отрядомъ генералъ Ломакинъ пріостановилъ движеніе нашей колонны, желая дать маленькій отдыхъ войскамъ и, въ то же время, познакомиться съ извѣстіями, присланными изъ авангардной колонны. Князь Долгорукій сообщалъ, что, узнавъ о томъ, что текинцы содержатъ у колодцевъ Ніаза захваченнаго ими въ окрестностяхъ Терсакана рядоваго Александропольскаго пѣхотнаго полка, и пожелавъ освободить его, онъ рѣшилъ сдѣлать набѣгъ въ Ахалъ. Для приведенія въ исполненіе этого плана предписано было: 4-й сотнѣ Таманскаго казачьяго и 4-й Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полковъ съ сотнею закавказской милиціи выступить изъ Ходжамъ-кала вечеромъ 10-го августа, перевалить черезъ Копепетъ-Дагъ Кадж-скимъ переваломъ, съ разсвѣтомъ прибыть къ колодцамъ Кара-Сенгеръ и оттуда слѣдовать къ колодцамъ Демирдшанъ и Даулетъ. Одновременно съ кавалеріей выступить изъ Ходжамъ-кала двумъ ротамъ 4-го баталіона Кабардинскаго полка, которымъ остановиться въ Кашдже и составить резервъ кавалерійской колоннѣ. Вечеромъ того-же 10-го августа изъ Бендена была двинута 4-я сотня Волгскаго казачьяго полка, причемъ ей предписано переваливать ночью черезъ горы и пройти мило аула Бами прямо къ колодцамъ Ніазъ. 3-я сотня дагестанцевъ должна была выступить вмѣстѣ съ волгцами, но, пройдя горы, направиться на сѣверо-востокъ къ колодцамъ Егенъ-Газахъ, причемъ рота Куринскаго полка должна было служить резервомъ двумъ вышеупомянутымъ частямъ. Сотня Волгскаго казачьяго полка поручена была командованію пѣхотнаго поручика Славочинскаго. Выступивъ съ вечера 10-го августа изъ Бендесена, сотня шла всю ночь и только на разсвѣтѣ подошла къ колодцамъ Ніаза. Невдалекѣ отъ кочевки казаки встрѣтили текинскій наблюдательный постъ, давшій по нимъ выстрѣлъ и быстро ускакавшій къ кибиткамъ. Казаки ускорили ходъ, но уже въ кочевкѣ поднялась

Digitized by Google

тревога, такъ что, подходя къ кибиткамъ, наши застали многихъ текинцевъ съ совершенно навьюченными верблюдами и собирающимися угнать стада барановъ и верблюдовъ подальше отъ кочевья. Началась перестрѣлка; казаки ворвались въ аулъ, не давая текинцамъ угнать ихъ стада; текинцы сперва отчаянно защищались, но берданки сдѣлали свое дѣло, и вскорѣ всѣ, кто только успѣлъ, изъ жителей кочевья спаслись бѣгствомъ, бросивъ свои семьи и имущество.

Результатомъ этого набѣга было нѣсколько брошенныхъ текинцами тѣлъ убитыхъ, по всей вѣроятности не мало и раненыхъ, нѣсколько тысячъ барановъ и верблюдовъ (1) и все навьюченное на послѣднихъ имущество. Стрѣльба прекратилась; женщины и дѣти убѣдились, что ихъ не трогаютъ, стали относиться къ казакамъ съ большимъ спокойствіемъ и довѣріемъ, вполнѣ убѣжденныя въ томъ, что ихъ не убьютъ, и начали выходить изъ кибитокъ, смотря съ удивленіемъ на горсть храбрецовъ, прогнавшихъ въ нѣсколько разъ превышавшихъ ихъ количествомъ, дотолѣ считавшихся въ ихъ глазахъ идеаломъ героевъ, обитателей кочевья. Пора бы было и уходить, а между тѣмъ главная цѣль набѣга еще не была достигнута — плѣнный нашъ солдатъ все еще былъ въ рукахъ текинцевъ. Но тутъ помогла сама судьба. Сотенный командиръ, сотникъ Татоновъ, проѣзжая мимо одной изъ кибитокъ, услыхалъ крики, молящіе о помощи, исходящіе изъ этой кибитки, и притомъ русскими словами. Соскочивъ съ лошади, вбѣжалъ Татоновъ въ кибитку, но въ ней никого не было видно, крики же раздавались изъ за кучи наваленныхъ къ стѣнкѣ мѣшковъ. Разобравъ мѣшки, нашли подъ ними, въ цѣпяхъ, нашего плѣннаго солдата, который немедленно былъ посаженъ на верблюда, и затѣмъ сотня двинулась въ обратный путь, гоня за собой отбитую баранту и верблюдовъ. Трудно описать восторгъ солдата при освобожденіи его изъ плѣна. На распросы онъ отвѣчалъ, что съ нимъ текинцы обращались хорошо, текинка-хозяйка даже поручила ему уходъ за дѣтьми, но кормили мало. Между прочимъ, онъ разсказывалъ нѣкоторыя курьезныя подробности о текинскихъ женщинахъ, изобличавшія въ послѣднихъ высокую степень любопытства, которую они проявляли только въ отсутствіе кого-бы то ни было изъ мужской половины населенія. Обратный переходъ былъ сдѣланъ сотней другимъ, болѣе близкимъ, путемъ. Немедленно по прибытіи 1-го эшелона авангардной колонны въ Ходжамъ-кала, рѣшено было начальникомъ авангарда дальнѣйшее дви-

(1) По оффиціальному сообщенію: 800 верблюдовъ и 6,000 барановъ и козловъ.

Digitized by Google

женіе частью ввѣренныхъ ему войскъ, а потому князь Долгорукій въ тотъ же день выступилъ въ Бендесенъ съ сотнею казаковъ и двумя горными орудіями, приказавъ одновременно съ этимъ тремъ ротамъ Куринскаго баталіона, состоящимъ въ Кара-кала, для воспрепятствованія отвода въ этомъ пунктѣ Сумбара, перейти прямымъ путемъ въ Бендесенъ. Князь Долгорукій не засталъ въ Бендесенѣ текинцевъ, которые, впрочемъ, по собраннымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, незадолго передъ приходомъ нашихъ войскъ были въ этомъ пунктѣ въ значительномъ числѣ, подъ предводительствомъ своихъ ишановъ и сердарей, но разбрелись отчасти по домамъ, а отчасти въ Геокъ-тепе и въ пески, уведя съ собой захваченнаго нѣсколько дней предъ тѣмъ въ Терсаканѣ рядоваго Александропольскаго полка, котораго предполагали отвести къ колодцамъ Ніазъ, кочевки Баминскаго населенія.

Первый эшелонъ главныхъ силъ выступилъ изъ Дузъ-Олума 11-го августа, поднявъ на 800 верблюдахъ войсковыя тяжести и довольствіе; затѣмъ 13-го числа—2-й эшелонъ, съ 1460 верблюдами и наконецъ 16-го—третій и послѣдній, въ составъ котораго вошли 3-й Ширванскій и Сводно-стрѣлковый баталіоны, 9-я и 10-я роты 3-го Дагестанскаго баталіона и отрядный штабъ.

Мнѣ вновь пришлось сопутствовать послѣдній эшелонъ, съ которымъ шелъ и временно-командующій отрядомъ, генералъ-маіоръ Ломакинъ.

Отъ Бекъ-тепе до Терсакана всего 11$^{3}/_{4}$ верстъ. Мѣстность по пути мало чѣмъ отличается отъ пройденной нами наканунѣ; тотъ же гребеньщикъ, разбросанный тамъ и сямъ, маленькими островками, по желтой глинѣ; тѣ же холмы и вправо, и влѣво по пути слѣдованія; та же убитая, утрамбованная глинистая почва, на которой даже не остаются слѣды лошадиныхъ подковъ. Въ одномъ мѣстѣ, на склонѣ довольно высокаго холма, уныло стоятъ нѣсколько одинокихъ, не вполнѣ развившихся, сосенъ. Не соотвѣтствующій ихъ произростанію климатъ не даетъ этому представителю сѣверной растительности возможности достигнуть значительнаго роста. Легкій переходъ—и затѣмъ Терсаканъ, мѣсто, гдѣ задолго до нашего прихода стоялъ авангардъ отряда, по поводу ли воды или вслѣдствіе другихъ причинъ сильно страдавшій отъ всевозможныхъ болѣзней. Большая площадь, на высотѣ 1178 футовъ надъ морскою поверхностью, съ двухъ сторонъ омываемая поворачивающимъ въ этомъ мѣстѣ подъ прямымъ угломъ къ западу Сумбаромъ, съ третьей примыкающая къ довольно-значительному холму и только къ сторонѣ нашего дальнѣйшаго движенія вполнѣ открытая,—вотъ и весь Терсаканъ. На площади рас-

Digitized by Google

положился лагеремъ отрядъ. Гора, находящаяся съ сѣверной стороны площади, оказалась переполненною массой окаменѣлостей самыхъ причудливыхъ формъ. Трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ могли попасть туда окаменѣлости, вполнѣ сохранившія форму фруктовъ, въ настоящее время нигдѣ ненаходимыхъ на далекое пространство отъ Терсакана, какъ напримѣръ: вишень, клубники, миндаля; при разбитіи послѣдняго оказалось, что ядро закаменѣло отдѣльно отъ скорлупы. Въ Терсаканѣ ко дню нашего прибытія стояли: Александропольскій и 1-й Апшеронскій баталіоны; изъ нихъ первый оставленъ былъ въ этомъ пунктѣ гарнизономъ, а второй выступилъ 18-го августа на соединеніе съ авангардомъ.

Переночевавъ въ Терсаканѣ, на другой день, задолго до солнечнаго восхода, выступили мы по направленію къ Ходжамъ-кала. Отъ Терсакана до Ходжамъ-кала, первой текинской крѣпостцы, встрѣчающейся на пути отъ Каспійскаго моря къ Ахалъ-текинскому оазису, 46 верстъ безводнаго пространства. Весь этотъ переходъ, справедливо считающійся самымъ труднымъ до земель Ахала, приходится совершать по безжизненной голой мѣстности, изрѣдка пересѣченной небольшими глиняными холмами. Пройти въ одинъ день 46 верстъ съ вьючнымъ верблюжьимъ обозомъ, не имѣя на пути чѣмъ промочить горло,—дѣло не легкое въ особенности для пѣхоты. Запасы воды, носимые въ бутылкахъ, походныхъ флягахъ и въ другихъ приспособленныхъ для этой цѣли сосудахъ, черезчуръ недостаточны при страшной жаждѣ, возбуждаемой жарой; но бочки, возимыя на верблюдахъ, выручали отрядъ изъ бѣды. Все-таки можно положительно считать этотъ переходъ труднѣйшимъ изъ совершенныхъ войсками во время экспедиціи 1879 года. Кавалерія сдѣлала его въ одинъ день, пѣхота же остановилась на полпути у колодцевъ Маргисъ, гдѣ и ночевала. На мѣсто, обыкновенно выбиравшееся пѣхотой для ночлега, незадолго до нашего прихода, какъ уже сказано выше, были созваны жители аула Кара-кала, туркмены, гокланы, кара-калинцы. Имъ было предложено за извѣстную плату вырыть колодцы, что ими было исполнено, но въ колодцахъ получилась вода самаго дурнаго качества. Объ удовлетвореніи ею людской жажды и думать было нечего, но для животныхъ, сопровождавшихъ отрядъ, колодцы эти были во всякомъ случаѣ большою подмогою. Бывшіе на колодцахъ во время нашего проѣзда каракалинцы привезли съ собою ихъ старому знакомому генералу Ломакину дань—арбузовъ и винограда, произрастающихъ на мѣстности, окружающей ихъ аулъ, находящійся вблизи Чандыря, берега котораго въ этомъ пунктѣ покрыты гранатовыми деревьями,

Digitized by Google

дикимъ виноградомъ инжиремъ, т. е. фиговымъ деревомъ. Путь до Маргиса былъ разработанъ для движенія колесныхъ экипажей и лежалъ по ущельямъ—то расширяющійся, то суживающійся, затѣмъ переваливая черезъ нѣсколько поперечныхъ небольшихъ возвышенностей, и, наконецъ, спускался въ широкую котловину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами; эта котловина и составляла Маргисъ. Еще солнце высоко стояло надъ горизонтомъ, когда, спустившись по вновь разработанной дорогѣ съ перевала, мы увидали передъ собою, покрытую большими кустами и ярко-зеленымъ камышемъ, изрѣзанную канавами съ чистою, прозрачною какъ хрусталь водою, большую площадку, замыкающуюся прямо передъ нами горнымъ кряжемъ. Кряжъ этотъ и составлялъ границу, отдѣлявшую насъ отъ земель Ахала, т. е. Копепетъ-Дагскій хребетъ. На этой площади находится полуразрушенное текинское укрѣпленіе Ходжамъ-кала, давшее названіе всей мѣстности. Крѣпостца эта имѣетъ форму неправильнаго четырехугольника, съ башнями по угламъ и прорѣзанными бойницами. Матеріаломъ при постройкѣ стѣнъ этого укрѣпленія служила смѣсь глины съ саманомъ (мелко порубленой ячменной соломы). Высохшая смѣсь эта, употребляющаяся и въ нашихъ южныхъ губерніяхъ для построекъ, представляетъ довольно крѣпкую, компактную массу, и сдѣланныя изъ нея стѣны разумѣется вполнѣ прикрываютъ защищающихся въ ней противъ нападеній дурно вооруженнаго врага. Ходжамъ-кала сразу завоевала всѣ наши симпатіи. Всѣ ожили, окрѣпли духомъ, почувствовавъ моментально въ организмѣ приливъ новыхъ свѣжихъ силъ. Это перерожденіе совершилось быстро, почти мгновенно, подъ вліяніемъ живительной влаги —чистой, холодной воды, безъ примѣси постороннихъ элементовъ, текущей по канавкамъ и берущей начало изъ горныхъ рудниковъ. Дѣйствительно мы такъ давно уже не пили хорошей воды, такъ давно не упивались холодною жидкостью, что просто накинулись на нее, забывъ усталость, причиненную 46-ти верстнымъ переходомъ. Стаканъ за стаканомъ уничтожалась вода, безъ боязни со стороны употреблявшихъ ее дурныхъ послѣдствій. Я убѣжденъ, что въ первое время по нашемъ появленіи въ Ходжамъ-калѣ предложеніе лучшаго вина всего земнаго шара вмѣсто воды не имѣло-бы успѣха. Выглядывавшій изъ за зелени кустовъ и деревьевъ, правильными бѣлыми линіями лагерь ранѣе насъ пришедшихъ войскъ, оживленіе пріободрившихся подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій солдатъ, перемѣшанныхъ съ верблюдовожатыми, туземной милиціей, каракалпинцами и т. д.—представляло картину достойную кисти художника. Возвышенная мѣстность, на которой находится Ходжамъ-кала—

Digitized by Google

2,100 ф. надъ поверхностью моря—дѣлаетъ пребываніе въ этомъ пунктѣ еще пріятнѣе. Тутъ, по крайней мѣрѣ въ то время года, когда намъ пришлось проходить, не бываетъ днемъ большихъ жаровъ, а ночи, смѣнявшія восхитительные вечера, были даже довольно прохладны. Однообразное меню нашихъ походныхъ обѣдовъ и ужиновъ измѣнилось вслѣдствіе массы дикихъ курочекъ и кабановъ, убивавшихся почти на мѣстѣ расположенія бивака. Должно быть никогда не тревожимые текинцами, которымъ, какъ магометанамъ, коранъ воспрещаетъ употребленіе въ пищу свинаго мяса, дикіе кабаны спокойно разгуливали по камышамъ и дѣлались жертвами своего къ намъ довѣрія. До чего было велико это высказываемое намъ довѣріе, можно судить по тому факту, что многіе изъ нихъ пали подъ ударами нашихъ шашекъ, косъ и штыковъ. Если судить по видѣннымъ мною экземплярамъ, то кабаны достигаютъ здѣсь большихъ размѣровъ, причемъ главное ихъ отличіе отъ закавказскихъ—недостаточное развитіе клыковъ. Кабаньи головы, кабаньи котлеты, кабаньи шашлыки имѣли послѣдствіемъ то, что если-бы мы простояли еще нѣсколько дней въ Ходжамъ-кала, то дикая свинина навѣрное-бы намъ опротивѣла на всю остальную часть нашей жизни. Служащіе въ нашемъ отрядѣ офицеры-магометане преспокойно ѣли воспрещенную Магометомъ живность, храбро обходя запрещеніе корана увѣреніемъ, что въ немъ сказано о возбраненіи ѣсть свинину, т. е. домашнюю свинью; о дикихъ же звѣряхъ ничего не упоминается, слѣдовательно ихъ ѣсть можно. Не смотря на всѣ, выгодныя во всѣхъ отношеніяхъ, условія, въ которыя природою поставлена Ходжамъ-кала, мѣстность эта не заселена, и даже туркменскіе аулы не останавливаются здѣсь во время своихъ перекочевокъ. Причиною непривитія осѣдлости на мѣстности, представляющей столько данныхъ къ развитію культуры, опять-таки являются сосѣди—хищные текинцы и курды. Разсказываютъ, что эта мѣстность была прежде населена ходжами, не имѣвшими, по своему происхожденію, ничего общаго съ сосѣдними туркменами. Туркмены относились къ нимъ съ большимъ уваженіемъ, такъ какъ считали ихъ потомками пророка, выселившимися изъ Аравіи, для распространенія по всему свѣту ислама. Но текинцы и курды, у которыхъ нѣтъ уваженія ни къ чему и не существуетъ признаковъ религіознаго фанатизма, неоднократно нападали на ходжей, разоряли ихъ и тѣмъ принудили переселиться неизвѣстно куда, лѣтъ 20 тому назадъ. Съ тѣхъ поръ никто не рискуетъ колонизовать эту долину, имѣя бокъ-о-бокъ такихъ неугомонныхъ сосѣдей.

Digitized by Google

Сочный камышъ, сплошною массою покрывающій берега канавокъ, насытилъ нашихъ коней и далъ возможность смастерить солдатамъ и казакамъ цѣлый рядъ шалашей, самой разнообразной архитектуры. Въ Ходжамъ-калинскомъ лагерѣ встрѣтилъ генерала Ломакина текинецъ Тыкма-сердарь съ своимъ сыномъ, одинъ изъ главныхъ текинскихъ сердарей, т. е. военныхъ предводителей. Плотная, красивая фигура, съ сѣдою бородою, съ лицомъ, въ каждой чертѣ котораго видны энергія и мужество, составляющія отличительныя черты характера текинцевъ, онъ какъ-бы съ грустью обращалъ свои взоры на иноземныхъ пришельцевъ, появившихся для обузданія своеволія его племени, ставящаго свободу выше всего на свѣтѣ. Призванный (какъ я уже описывалъ раньше) генераломъ Лазаревымъ въ Чекишлярѣ сынъ Тыкма-сердаря, увидавъ массу расположенныхъ на морскомъ берегу войскъ, созналъ невозможность бороться съ Россіей и обѣщалъ употребить всѣ старанія, чтобъ уговорить жителей роднаго оазиса принять насъ съ покорностью, а не враждебно. Отецъ, выслушавъ сына, тоже обѣщалъ содѣйствовать. Теперь онъ явился, окруженный немногочисленной свитой, съ заявленіемъ, что всѣ его увѣщанія оказались тщетными: «жители», сказалъ онъ Ломакину, «покинувъ свои насиженныя мѣста, бѣгутъ массами, для выбора, гдѣ, укрѣпившись, могли бы вамъ дать серьезный отпоръ». Провѣрить, уговаривалъ-ли Тыкма-сердарь покориться, или возбуждалъ народъ къ сопротивленію—невозможно.

Одинъ только горный бряжъ отдѣлялъ уже насъ отъ ахалъ-текинскихъ владѣній, а между тѣмъ мы еще ничего не знали о загадочномъ народѣ, который навелъ страхъ и ужасъ на всѣхъ сосѣдей и изъ среды котораго ни за какія деньги нельзя было вырвать ни одного шпіона. Изъ туркменъ тоже ни одинъ не соглашался пробраться въ оазисъ для развѣдокъ о непріятелѣ. Впрочемъ, если принять во вниманіе жестокости, которымъ подвергались попадавшіе въ руки текинцевъ неединоплеменники ихъ, то становится понятнымъ ужасъ, который наводитъ одно названіе «текинецъ» на всѣ сосѣднія народности, и разумѣется, что даже между ихъ ближайшими сосѣдями находилось мало охотниковъ побывать въ странѣ, населенной людьми, пользующимися подобной репутаціей. До чего преувеличено мнѣніе о нихъ, видно изъ отвѣта одного іомуда на мой вопросъ, о его предположеніи объ исходѣ нашей экспедиціи: «Вы не знаете, съ кѣмъ будете имѣть дѣло! Вѣдь текинцевъ такъ много, какъ песчинокъ на днѣ морскомъ: засыпятъ васъ, погибнете всѣ».

20-го августа выступила изъ Ходжамъ-кала къ Бендесену ко-

Digitized by Google

лонна графа Борха, а на слѣдующій день—и всѣ остальныя войска, за исключеніемъ маленькаго гарнизона, оставленнаго въ Ходжамъ-кала для прикрытія сообщенія. Дорога отъ Ходжамъ-кала къ Бендесену идетъ параллельно горному кряжу и представляетъ, по свойству мѣстности, большое сходство съ предъидущимъ переходомъ: та же глинистая почва, тѣ-же кучки верблюжьей травы, тѣ-же попадающіеся отъ Терсакана кусты саксаула, только фономъ всему этому служитъ горный, довольно высокій, мрачный кряжъ. По пути встрѣтили остатки укрѣпленія Чукурунъ-кала, постройка въ родѣ той, что мы видили въ Ходжамъ-кала и, повидимому, замыкавшая съ востока долину Ходжей. Въ нѣсколькихъ пунктахъ стояли, кромѣ того, одиночныя полуразрушенныя башни, точно часовые, стоявшіе на стражѣ у входа въ невѣдомый край. Въ сосѣдствѣ съ башнями изрѣдка попадались полосы земли, пересѣкаемыя мелкими оросительными канавками, со слѣдами недавно сжатой пшеницы, что̀ дало возможность предполагать, что башенки эти служили пріютомъ, куда укрывались на ночь, на время земледѣльческихъ работъ, хозяева-текинцы. На полдорогѣ бьетъ родникъ прекрасной чистой воды, да и въ Бендесенѣ оказалось, что въ родникахъ тоже нѣтъ недостатка. Бендесенъ есть крайній пунктъ, отстоящій отъ Ходжамъ-кала въ 24-хъ верстахъ, котораго достигали наши войска, во время прежнихъ рекогносцировочныхъ движеній подъ начальствомъ генералъ-маіора Ломакина. Войска нашего авангарда, уже съ 11-го августа, занимали бивакомъ входъ въ ущелье, ведущее въ этомъ пунктѣ къ перевалу черезъ горный хребетъ. Въ началѣ этого ущелья, въ обрывѣ скалистой горы, на высотѣ двухъ или трехъ саженъ, высѣчена въ камнѣ пещера, изъ которой вправо тянется коридоръ, съ пробитыми въ нихъ бойницами, совершенно незамѣтными снаружи. Должно быть это служило мѣстомъ засады, и не разъ проходившій караванъ, или проѣзжавшіе мимо путешественники неожиданно поражались изъза каменнаго прикрытія мѣткими выстрѣлами выжидавшихъ разбойниковъ. Наши офицеры приспособили эту пещеру, въ которую ведетъ узенькая тропинка, пріютомъ для отдохновенія и, на разостланныхъ буркахъ, спокойно взирая на журчащій внизу ручей, проводили въ ней время въ мирныхъ занятіяхъ. Эту пещеру кто-то окрестилъ названіемъ Sans-Souci, а другую не вдалекѣ отъ нея, меньшую по размѣрамъ, назвали Mon-Plaisir. Въ Бендесенѣ мнѣ пришлось впервые полюбоваться текинскими коврами, считающимися лучшими въ Азіи. Дѣйствительно нельзя достаточно налюбоваться, глядя на эти прекрасныя, какъ бархатъ мягкія, съ чуднымъ подборомъ цвѣтовъ, издѣлія

Digitized by Google

рукъ какой нибудь текинки. Говорятъ, что ковры составляютъ гордость женской половины населенія Ахала. Каждая женщина, или дѣвушка, старается передъ своими подругами щегольнуть своею работою, являющейся въ видѣ ковровъ, паласовъ, хурджиновъ и узенькихъ дорожекъ, которыми онѣ украшаютъ внутренность своихъ кибитокъ. Сосѣдніе съ текинцами іомуды и гокланы, тоже славящіеся изяществомъ ковровыхъ издѣлій, не могутъ дойти до такого совершенства. Обиліе бѣлыхъ мѣстъ и яркихъ красокъ отличаетъ текинскія издѣлія отъ персидскихъ, причемъ и рисунокъ гораздо правильнѣе, нѣтъ ни безобразныхъ львовъ, ни другихъ фантастическихъ звѣрей, сплошь и рядомъ составляющихъ фонъ лучшихъ персидскихъ ковровъ. Текинскіе ковры достигаютъ иногда значительныхъ размѣровъ и, повидимому, не служатъ для постояннаго употребленія, а хранятся какъ предметы роскоши. Казаки, находившіеся въ набѣгѣ къ колодцамъ Ніазъ, заставъ тамъ массу верблюдовъ, нагруженныхъ текинскимъ имуществомъ, сперва было гнали этихъ верблюдовъ вмѣстѣ съ ненавьюченными; но поручикъ Словачинскій, ожидая погони со стороны текинцевъ, приказалъ развьючить верблюдовъ и вьюки бросить, такъ какъ нагруженные верблюды, будто-бы, задерживали движеніе окончившихъ успѣшно свой набѣгъ казаковъ. Участники набѣга, не желая ничѣмъ не попользоваться въ свою личную выгоду, маленькіе ковры и паласы прямо брали съ собою на сѣдло, большіе же ковры, представлявшіе значительную тяжесть, безжалостно рѣзали на мелкіе куски, предполагая впослѣдствіи употребить ихъ на походныя сумы. Привезенное въ лагерь текинское имущество охотно раскупалось неходившими въ набѣгъ офицерами и достигло въ скоромъ времени значительной цѣнности. Кромѣ того, въ наши руки попалось нѣсколько лошадей, не представлявшихъ ничего особеннаго. Но жеребята, тоже приведенные казаками, обѣщали, впослѣдствіи, быть хорошими лошадьми. Большой любитель и знатокъ лошадей, флигель-адъютантъ подполковникъ князь Голицынъ, пріобрѣлъ себѣ двухъ лучшихъ жеребенковъ и устроилъ въ Ходжамъ-кала что-то въ родѣ загона, съ твердымъ намѣреніемъ впослѣдствіи переслать ихъ въ Россію, что и привелъ въ исполненіе.

22-го августа въ Бендесенѣ, на площадкѣ передъ входомъ въ ущелье, были собраны всѣ предназначавшіяся для дальнѣйшаго похода части, построены покоемъ, и, по выслушаніи напутственнаго молебна, былъ прочитанъ слѣдующій приказъ, отданный по войскамъ временно-командующимъ отрядомъ.

«Войска ахалъ-текинскаго отряда! Государю Императору благо-

Digitized by Google

угодно было повелѣть вамъ двинуться въ Ахалъ-текинскій оазисъ и занять его съ цѣлью обуздать независимыхъ туркменъ-теке и водворенія въ степи безопасности, столь необходимой для развитія благосостоянія въ краѣ.

«Зная о блестящихъ подвигахъ, оказанныхъ въ минувшую кампанію одними изъ васъ на поляхъ Анатоліи, другими въ горахъ Чечни и Дагестана, я увѣренъ, что, съ Божіею помощью, мы оправдаемъ довѣріе нашего Всемилостивѣйшаго Монарха.

«Предстоящій степной походъ будетъ труденъ; но ваши мужество, выносливость и честное отношеніе къ службѣ, войска ахалъ-текинскаго отряда, служатъ мнѣ порукой за успѣхъ.

«Многіе изъ старшихъ и младшихъ начальниковъ вашихъ знакомы уже, по прежнимъ походамъ, съ туркменами, и знаютъ, что, въ борьбѣ съ ними, на соблюденіе крайней осторожности, при отправленіи сторожевой службы, должно быть обращено наибольшее вниманіе. Врагъ, съ которымъ предстоитъ намъ имѣть дѣло, хотя не организованъ и слабовооруженъ, но многочисленъ, дерзокъ, энергиченъ, и обладая неутомимыми и быстрыми конями, появляясь неожиданно и со всѣхъ сторонъ, можетъ быть опасенъ не только для одиночныхъ людей или командъ, но и для цѣлыхъ частей, пренебрегающихъ соблюденіемъ правилъ осторожности. Въ особенности необходимо усиливать бдительность въ ночное время, при движеніи транспортовъ и при охраненіи на пастьбѣ верблюдовъ.

«Непріятель преимущественно конный, дѣйствующій въ разсыпную, и потому въ случаяхъ столкновеній съ нимъ въ пѣхотѣ держать резервы ближе къ цѣпи, а равно и одну линію отъ другой, а въ кавалеріи—придерживаться исключительно сомкнутаго строя, охраняя внимательно фланги и тылъ. Къ спѣшиванію прибѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ и на пересѣченной мѣстности, не забывая, что огонь для кавалеріи—средство вспомогательное, а не главное. Рекомендуя подобный образъ дѣйствій съ непріятелемъ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставляю начальникамъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію сообразно обстоятельствамъ, такъ какъ невозможно предвидѣть всѣхъ случайностей обстановки, въ какую могутъ быть поставлены войска, при дѣйствіяхъ съ такимъ своеобразнымъ непріятелемъ.

«Начальникамъ частей обратить также особенное вниманіе на сбереженіе здоровья нижнихъ чиновъ, на доброкачественность и достатокъ пищи. Наблюсти за исполненіемъ гигіеническихъ правилъ, рекомендуемыхъ врачами. Остерегаться простуды и избѣгать, по возможности, питья сырой воды, замѣняя ее, при всякомъ удобномъ

Digitized by Google

случаѣ, чаемъ. Беречь лошадей и вообще вьючныхъ животныхъ, помня, что успѣхъ легче достижимъ при хорошемъ состояніи тѣхъ и другихъ».

По прочтеніи этого приказа, авангардъ, подъ командою князя Долгорукаго, направился немедленно къ Бендесенскому перевалу, съ тѣмъ, чтобы, пройдя его, вступить въ невѣдомый въ то время край, именуемый Ахалъ-Текинскимъ оазисомъ. Прежде чѣмъ закончить эту главу, привожу поверстный маршрутъ движенія нашихъ войскъ въ Бендесенъ:

1-й путь (движеніе транспортовъ).

Отъ Чекишляра до колодцевъ Караджа-Батырь . .		45½ в.
» » » Чата		60¾ »

2-й путь (слѣдованіе отряда).

Отъ Чекишляра до колод. Беумъ-Башъ.		30 »
» » » озера Дели-ли		21¼ »
» » » мѣстности Гудри		15½ »
» » » мѣстности Баятъ-Хаджи . . .		29 »
» » » » Ягны-Олумъ . . .		20 »
» » » » Текенджикъ. . . .		20¾ »
» » » » Чатъ.		17¾ »
» » » » Хоръ-Олумъ. . . .		21½ »
» » » » Дузлу-Олумъ . . .		26 »
» » » » Бекъ-тепе		18¾ »
» » » » Терсаканъ		11¾ »
» » » » Ходжамъ-кала . . .		46½ »
» » » » Бендесенъ		24 »
	Итого по 1-му пути. . .	254¾ в.
	по 2-му пути. . .	302¾ »

А. Ржевусскій.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

ОТЪ ТИФЛИСА ДО ДЕНГИЛЬ-ТЕПЕ.

(Изъ записокъ участника).

(*Статья пятая*) (1).

V.

Текинцы (2).

Самымъ многочисленнымъ туркменскимъ племенемъ считается племя текинцевъ, имѣющее подраздѣленіе на текинцевъ Ахала и текинцевъ Мерва. Первые занимаютъ узкую полосу земли, начинающуюся отъ Кизилъ-Арвата, идущую къ сѣверу отъ хребта Копетъ-Дага до самаго окончанія этого хребта, около персидской провинціи Дерегёза. Удобная, при искусственномъ орошеніи, къ культурѣ земля Ахала граничитъ съ сѣвера песками, доходящими до Узбоя. Между крайними пунктами этого оазиса съ запада на востокъ, т. е. отъ Кизилъ-Арвата до Гяуарса, считается до 250 верстъ; ширина же его отъ хребта до песковъ, по окраинамъ, не превышаетъ 30 верстъ, а въ серединѣ доходитъ до 60-ти. Отъ Кизилъ-Арвата къ востоку идутъ текинскія крѣпости, сначала одной линіей, затѣмъ уже развѣтвляясь въ двѣ и болѣе линіи, проходя мимо мѣстности, именуемой Геокъ-Тапа, гдѣ оазисъ достигаетъ наибольшей ширины. Геокъ-Тапа составляетъ центръ Ахала и представляетъ наиболѣе населенную мѣстность, и говорятъ, что около крѣпости, давшей названіе этой мѣстности, группируется, въ обыкновенное мирное время, не менѣе 8,000 семей. Всѣхъ селеній въ Ахалѣ насчитываютъ до 50-ти, а количе-

---

(1) См. «Воен. Сбор.», 1884 г., №№ 6-й—9-й.

(2) Свѣдѣнія относительно текинцевъ, заимствованы частью изъ статьи, убитаго впослѣдствіи подъ стѣнами Денгиль-тепе, генералъ-маіора Петрусевича «Туркмены между старымъ русломъ Аму-Дарьи (Узбоемъ) и сѣверными окраинами Персіи».

Digitized by Google

ство жителей—въ 30,000 семействъ. Селенія текинцевъ расположены по рѣчкамъ и ручьямъ, берущимъ свое начало съ Копетъ-Дага и служащимъ своею водою для орошенія ахалъ-текинскихъ владѣній, гдѣ только посредствомъ оросительныхъ канавъ и можетъ существовать земледѣліе. Рѣчки эти затѣмъ, вслѣдствіе страшной сухости воздуха и являющагося послѣдствіемъ этого быстраго испаренія воды, теряются въ пескахъ пустыни сѣверной границы оазиса. Если вѣрить показаніямъ Кучанскаго и Буджнурдскаго правителей, то текинцы заняли оазисъ всего 164 года тому назадъ, во время царствованія шаха Тахмаспа. Заселеніе сосѣдняго, Мервскаго, оазиса лежитъ по теченію рѣки Мургъ-Аба (куриная вода) и окружено со всѣхъ сторонъ безводными пустынями. Отъ Ахала его отдѣляетъ 200-верстная пустыня, безъ жилья, безъ малѣйшихъ признаковъ культуры, безъ воды, за исключеніемъ рѣки Гери-рудъ, извѣстной у туркменъ подъ названіемъ Тедженъ-дарьи или Сарахсъ-дарьи, воды которой, теряясь въ разливахъ, пропадаютъ совершенно непроизводительно, въ лѣтнее же время почти совершенно высыхаютъ. Впрочемъ, лѣтъ 40 тому назадъ, значительное число текинцевъ Ахала переселилось къ оконечности р. Гери-руда, подъ предводительствомъ Оразъ-хана, и основало поселеніе Оразъ-кала или Тедженъ; но вскорѣ правитель Хорасана Асефудъ-Доуле-Ала-Яръ-ханъ напалъ на нихъ и уничтожилъ все поселеніе, въ наказаніе за совершенные новыми переселенцами набѣги и грабежи въ его провинціи, тогда какъ до того раіонъ текинскихъ аламановъ ограничивался сосѣдними съ Ахаломъ провинціями Буджнурда, Дерегеза и Кучана. Между тѣмъ населеніе Ахала все разросталось. Явилась необходимость увеличивать количество пахатной земли, слѣдовательно и расходъ воды, что́ грозило недостачею этого необходимаго элемента, а потому приходилось части текинцевъ вновь призадуматься о своемъ переселеніи, вслѣдствіе чего тотъ же Оразъ-ханъ, съ выборными отъ земли Ахала, обратился къ Асифудъ-Доуле, вскорѣ послѣ погрома, и просилъ разрѣшенія поселиться въ старомъ Сарахсѣ, на берегу Гери-руда, и занять лишенную всякаго населенія мѣстность вокругъ его, на что правитель Хорасана, взявъ съ текинцевъ заложниковъ, далъ свое согласіе. Хищническія наклонности текинцевъ не допускали теке-тедженамъ жить спокойно, мирно. Но данный персіянами урокъ былъ еще свѣжъ въ ихъ памяти, а потому затрогивать Хорасанъ было опасно, и арена дѣятельности была выбрана на сѣверѣ, въ Бухарѣ, Хивѣ и между кочевьями туркменъ сарыковъ и салыровъ. Хивинскій ханъ Магомедъ-Эминъ, въ наказаніе за набѣги, явившись къ нимъ, разорилъ ихъ и для охраны без-

Digitized by Google

опасности посадилъ въ старомъ Сарахсѣ намѣстника, при 500 человѣкъ войска, въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ его ухода истребленнаго, вмѣстѣ съ намѣстникомъ, неугомонными текинцами. Съ цѣлью наказать текинцевъ за ихъ вновь начавшіеся набѣги на его владѣнія и за убійство посаженнаго имъ намѣстника, Магомедъ-Эминъ, въ 1855 году, собралъ войско и направился къ Сарахсу; но на этотъ разъ потерпѣлъ полную неудачу: войско было разбито наголову, и самъ ханъ, съ своей свитой наблюдавшій за ходомъ боя съ высокаго кургана, былъ окруженъ текинцами, отправившими его голову къ Фетхъ-Али-шаху въ Тегеранъ. Въ то время въ Хорасанѣ господствовала полная анархія. Сдѣлавшійся правителемъ Хорасана, послѣ смерти Асифудъ-Доуле, сынъ его Саларъ вздумалъ отложиться отъ Персіи. Воспользовавшись смутами, вызванными этимъ обстоятельствомъ въ Хорасанѣ, текинцы возобновили свои нападенія на эту провинцію, но на этотъ разъ удалось персіянамъ обуздать ихъ очень быстро. Въ 1856 году, Мешхедъ, главный городъ Хорасана, былъ взятъ персидскими войсками, Саларъ казненъ, и на его мѣсто поставленъ Фермунъ-Ферма-Феридунъ-мирза. Провинція успокоилась, и новый правитель двинулся съ войскомъ, съ цѣлью наказать какъ текинцевъ Сарахса, такъ и сарыковъ Мерва, что ему и удалось вполнѣ, и онъ вернулся побѣдителемъ, дойдя до Мерва и приведя отъ обоихъ племенъ по 150 семействъ заложниковъ. Но, повидимому, уроки, даже самые строгіе, очень скоро забываются такимъ народомъ, какъ текинцы, такъ какъ преемникъ Феридунъ-мирзы, Султанъ-Мурадъ мирза-Хысамусъ-Сальтанэ, уже въ слѣдующемъ за этимъ погромомъ году, въ наказаніе за новые грабежи и разбои, пришелъ къ Сарахсу и уничтожилъ всѣ бывшія тамъ поселенія текинцевъ, принужденныхъ искать спасенія въ Мервѣ. Но въ Мервѣ жили въ то время непримиримые ихъ враги—сарыки, принявшіе ихъ враждебно и, вслѣдствіе своей малочисленности, обратившіеся къ персіянамъ съ просьбой о помощи для изгнанія новыхъ пришельцевъ. Хысамусъ-Сальтанэ, собравъ 18 баталіоновъ пѣхоты, при 8,000 кавалеріи, осенью двинулся на Мервъ, разбилъ текинцевъ; но, подкупленный ихъ подарками, черезъ три мѣсяца вернулся обратно, оставивъ враждующія племена самихъ раздѣлываться между собою. Предоставленные собственнымъ силамъ и средствамъ, сарыки не могли противостоять текинцамъ и вскорѣ очистили всю мѣстность при низовьяхъ р. Мургъ-Аба и направились къ урочищамъ Юлетану и Панджъ-дехъ. Этимъ путемъ утвердились текинцы окончательно въ Мервскомъ оазисѣ, построивъ верстахъ въ 25-ти выше Мерва плотину, выведя множество

Digitized by Google

канавъ и оросивъ, такимъ образомъ, необходимое для земледѣлія количество пахатной земли. Съ тѣхъ поръ набѣги ихъ на сосѣднія провинціи стали принимать все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры, причемъ они уже не ограничивались разореніемъ ближайшихъ къ нимъ мѣстностей, но стали рисковать удаляться даже на 1,000 верстъ отъ своихъ жилищъ, какъ, напримѣръ, въ Каинскій округъ, верстахъ въ 600 южнѣе Мешеда. Выведенное изъ терпѣнія персидское правительство рѣшилось, разъ навсегда, покончить съ Мервомъ, разоривъ его окончательно, и съ этою цѣлью первоначально устроило въ 1860 году на берегу Гери-руда, противъ Стараго-Сарахса, укрѣпленіе, которое получило названіе Новаго-Сарахса, а затѣмъ послало Хамзе-Мирзу-Хышмепіудъ-доуле съ 12,000 пѣхоты, 10,000 кавалеріи при 33-хъ орудіяхъ къ Мерву. Всѣ желавшіе водворенія спокойствія въ этой странѣ и прекращенія разбоевъ, заранѣе ликовали, вполнѣ убѣжденные, что персидская армія во время этого похода одержитъ блистательный успѣхъ. Движеніе такой значительной арміи въ ихъ страну заставило мервцевъ обратиться къ главнокомандующему съ выраженіемъ полной покорности, причемъ они предлагали отдать 1,000 семействъ заложниками, выставить 1,000 человѣкъ конницы на персидскую службу и заплатить по одному золотнику золота съ каждаго двора. Но персіяне не согласились на эти условія, твердо рѣшившись уничтожить текинцевъ. Поэтому въ началѣ 1860 года текинцы стали особенно притѣснять персіянъ, производя набѣги на Хорасанскую провинцію и даже разграбивъ Ходжа-раби, священное для персіянъ мѣсто невдалекѣ отъ Мешеда. Тогда персидское правительство окончательно рѣшило начать противъ нихъ непріязненныя дѣйствія и начало собирать значительную армію. Въ началѣ марта текинцы снова совершили нападеніе на Дамганскую область, гдѣ въ округѣ Хафъ они разграбили множество деревень, изъ которыхъ увели въ плѣнъ 220 человѣкъ, убили болѣе 60-ти жителей и угнали громадныя стада. Шахское правительство, только въ концѣ іюня, объявило въ Тегеранской газетѣ, что оно предприняло экспедицію противъ туркменъ. Какъ любопытный документъ привожу переводъ шахскаго объявленія о походѣ.

«Нерѣдко случается во многихъ странахъ, что кочевые народы, особенно тѣ, которые живутъ въ степяхъ или въ неприступныхъ горахъ, надѣясь на занимаемую ими мѣстность, какъ скоро замѣтятъ, что правительство поступаетъ съ ними слабо,—поднимаютъ знамя возмущенія. Если же ихъ оставятъ при этомъ въ покоѣ, они укрѣпляются въ недоступныхъ мѣстахъ, собираются тамъ толпами, дѣ-

Digitized by Google

лаютъ запасы и становятся иногда чрезвычайно опасными и вредными для государства, такъ что послѣднее непремѣнно видитъ себя вынужденнымъ принимать противъ возмутителей строгія мѣры. Точно такъ туркмены, живущіе въ предѣлахъ Хорасана и на р. Гурганѣ, въ прежнія времена, какъ скоро замѣтили, что мѣстныя власти слабо смотрятъ за ними, укрѣплялись въ разныхъ мѣстахъ и дѣлали набѣги на мирныхъ жителей, которыхъ они грабили безпощадно. Но какъ скоро правительство, обративъ вниманіе на безпорядки, ими производимые, наказывало ихъ за неповиновеніе, они становились покорными подданными шаха. Покойный Наибъ-ус-султанэ (Абасъ-Мирза) предпринималъ походъ для наказанія этихъ племенъ; слѣдуя его примѣру, впослѣдствіи правительство брало отъ нихъ заложниковъ, не говоря уже о томъ, что хорасанскій и астрабадскій губернаторы собирали съ нихъ подать и имѣли у себя на службѣ по нѣскольку человѣкъ изъ нихъ. Такъ шли дѣла до тѣхъ поръ, пока, по смэрти Магомедъ-шаха, когда возникли нѣкоторые безпорядки, бо́льшая часть туркменъ, находившихся на службѣ Ала-Яръ-хана, Асифъ-Доулэ, начали оказывать непослушаніе. Хотя покойный Феридунъ-Мирза (фермань-ферма) и Султанъ-Мурадъ-Мирза (хисамъ-усултанэ) предпринимавшіе экспедиціи противъ Мерва и Сарахса, успѣли взять у туркменъ заложниковъ и т. д., однако же зло не было еще совершенно искоренено, и въ послѣднее время бунтовщики, собравшись въ большомъ количествѣ, укрѣпились въ Мервѣ-Шахъ-Джеханъ; отсюда они разсыпались отрядами и разграбили множество деревень. Изъ одного мѣстечка, котораго народонаселеніе состояло исключительно изъ сеидотъ (потомковъ пророка), разореннаго ими, они увели въ плѣнъ всѣхъ женщинъ и молодыхъ людей, а стариковъ избили. Отъ ихъ набѣговъ большая часть деревень Астрабадской и Хорасанской провинцій опустѣла совершенно, и жители не могутъ заниматься ни хлѣбопашествомъ, ни скотоводствомъ: они должны безпрестанно сидѣть въ крѣпостяхъ.

«Такъ какъ всякая нація имѣетъ право ожидать отъ своего правительства защиты противъ грабителей и нарушителей общественнаго порядка, то его шахское величество, негодуя на безпокойныя туркменскія племена, повелѣлъ отправить, для наказанія ихъ и водворенія на прежнія мѣста ихъ жительства, значительный отрядъ, который долженъ разсѣять непокорныхъ и разрушить возведенныя ими укрѣпленія. Шахзадэ-Хамзэ-Мирза, вмѣстѣ съ кавамъ-удоулэ (визиремъ), выступили изъ Мешеда въ походъ 1-го зикадэ и теперь, какъ пишутъ оттуда, должны быть уже въ Мервѣ».

Digitized by Google

Въ концѣ іюля жители Тегерана были порадованы извѣстіемъ, которое появилось въ офиціальной газетѣ и гласило слѣдующее:

«Со времени отправленія шахзадэ хишметъ-удоулэ и кавамъ-удоулэ съ побѣдоноснымъ войскомъ, для наказанія туркменъ, живущихъ въ Мервѣ, до сихъ поръ не было получено никакого извѣстія оттуда. 7-го сего сафара (14-го августа) пріѣхалъ нарочный отъ шехабъ-уль-мулька и привезъ изъ лагеря письма, отъ 1-го числа, адресованныя Ата-Ула-ханомъ-Теймури на его имя: изъ нихъ видно, что шахзадэ и кавамъ-удоулэ потому не отправляли доселѣ чапаровъ, что хотѣли сразу донести о ходѣ дѣла, когда оно будетъ окончено.

«Какъ скоро войско приблизилось къ крѣпости стараго города, извѣстной подъ именемъ крѣпости Мохамедъ-Ніазъ-хана, туркмены вышли на встрѣчу отряда, но, не будучи въ состояніи сопротивляться ему и будучи поражены, забрали свои семейства и, навьючивъ свое имущество, при мракѣ ночи, оставили крѣпость. На другой день, 24-го зильхаджэ (3-го іюля), шахское войско вступило въ крѣпость и не нашло тамъ ни одного туркмена, но за то ему досталось множество хлѣба и съѣстныхъ припасовъ, оставленныхъ непріятелемъ. Послѣ того посланъ былъ отрядъ, который овладѣлъ урочищемъ Іолъ-Ютанъ, лежащимъ на западѣ, и покорилъ племя салуровъ. Отрядъ этотъ доставилъ въ лагерь столько припасовъ и овецъ, что халваръ пшеницы (17 пудовъ) продавался по 4 тум. (12 руб. сер.), а батманъ (7 фунт.) мяса по 1 сах. (30 коп. сер.). Шахзадэ и кавамъ-удоулэ приступили къ поправкамъ крѣпости. Потомъ они намѣрены заняться истребленіемъ и уничтоженіемъ заблудшагося народа туркменскаго. Между туркменами начался голодъ и дороговизна на припасы».

Тотъ же номеръ газеты извѣщаетъ о подробностяхъ похода противъ туркменъ на другомъ пунктѣ; здѣсь начальникомъ побѣдоноснаго войска былъ губернаторъ Мазандерана и Астрабада, шахзадэ-Мулькъ-âрâ.

«Если туркмены — говоритъ газета—живущіе въ окрестностяхъ Астрабада и въ Гурганской степи, не проучены хоть разъ въ годъ астрабадскимъ губернаторомъ, то дѣлаются дерзкими и пускаются въ грабежи и разбои. Уже два года прошло, что астрабадскіе губернаторы не наносили вреда туркменамъ, и, вслѣдствіе этого, эти послѣдніе, поднявъ голову, начали съ свирѣпостью производить набѣги съ моря и сухимъ путемъ.

«Въ нынѣшнемъ году его шахское величество изволилъ прика-

Digitized by Google

зать мазандеранскому и астрабадскому губернатору, Мулькъ-âрâ, обуздать ихъ неистовства и привести ихъ къ должному послушанію. Губернаторъ пошелъ въ Гурганскую степь съ 5,000—6,000 человѣкъ и нѣсколькими пушками. Теперь пишутъ оттуда, что, какъ скоро персидскій отрядъ пришелъ въ степь, туркмены, собравшись въ огромномъ количествѣ, сдѣлали на него нападеніе, но были отбиты съ большимъ урономъ шахскою конницею, которая, разгромивъ ихъ совершенно, многихъ взяла въ плѣнъ и сняла много головъ, пославъ въ адъ души нечестивыхъ. Потомъ шахскій отрядъ, остановившись въ центрѣ степи, занялся потравою полей, засѣянныхъ рисомъ; поля эти принадлежатъ самому злому племени іомудскому, джафарбаямъ. Припасы, находившіеся въ амбарахъ, захвачены и розданы войску. Туркмены потомъ нѣсколько разъ, днемъ и по ночамъ, покушались сдѣлать нападеніе на лагерь, но попытки эти оканчивались постояннымъ урономъ съ ихъ стороны, такъ что они увидѣли себя вынужденными просить помилованія, обязались дать заложниковъ, возвратить плѣнныхъ, захваченныхъ прежде, также имущество персидскихъ подданныхъ, украденное ими. Мулькъ-âрâ послѣ этого возвратился въ Астрабадъ».

Вскорѣ, наконецъ, Насръ-Эдинъ-шахъ былъ порадованъ извѣстіемъ, что крѣпость Мервъ, оставленная непріятелемъ, занята персидскими войсками; сообщая объ этомъ, хорасанскій визирь извѣщалъ, что въ Мервѣ и окрестностяхъ найдено очень много зарытаго въ землю хлѣба. Извѣстіе о побѣдѣ было отпраздновано въ Тегеранѣ 50-ю пушечными выстрѣлами; но въ скоромъ времени персіянамъ пришлось убѣдиться, что ихъ ликованіе было преждевременнымъ и побѣда оказалась пораженіемъ. Сперва базарные слухи, отличающіеся въ большинствѣ случаевъ, въ Средней Азіи правдивостью, разнесли изъ конца въ конецъ Персіи о разгромѣ, понесенномъ шахскими войсками; наконецъ, и само правительство не сочло возможнымъ долѣе скрывать, и 9-го ребіуль-ахыря (13-го октября) въ офиціальной газетѣ появилось слѣдующее описаніе пораженія и бѣгства экспедиціоннаго отряда:

«Мы упоминали прежде, что послѣ того, какъ шахскія войска заняли крѣпость Мервъ, туркемы Теке, перейдя черезъ рѣку, начали укрѣпляться въ аулѣ Алиша, возводя земляныя укрѣпленія. Шахзадэ хишметъ-удоулэ (Хамзэ-Мирза) и кавамъ-удоулэ (визирь его), занятые наказаніемъ племени Салуръ и заготовленіемъ съѣстныхъ припасовъ, съ 26-го зильхэджэ, т. е. со времени занятія Мерва, до 27-го сафара, не приступали ни къ какимъ военнымъ дѣйствіямъ,

Digitized by Google

между тѣмъ какъ непріятель производилъ крѣпостныя работы; туркмены перешли даже черезъ мостъ, находившійся въ ихъ рукахъ, и, по сю сторону рѣки, устроили сенгеры (насыпи) и бастіонъ, на которомъ поставили пушку. 27-го сафара хишмедъ-удоулэ и кавамъ-удоулэ, оставивъ часть отряда, съ пушками и обозомъ, въ Мервѣ, сами выступили съ прочими полками противъ непріятеля, и, прибывъ въ крѣпость Саиандукъ, отстоящую въ трехъ фарсахахъ (21-й верстѣ) отъ Мерва, пробыли тамъ двое сутокъ. 1-го ребіуль-авеля они пошли далѣе и остановились съ войскомъ въ 2,000 шагахъ отъ туркменскихъ укрѣпленій. 2-го ребіуль-авеля (6-го сентября) персидское регулярное войско занимало очень невыгодную позицію; высокіе камыши и глубокіе ручьи мѣшали употребить въ дѣло пушки и производить правильныя движенія. Впрочемъ, завязалось жаркое сраженіе, продолжавшееся девять часовъ: сартипъ фераханскаго полка, Мохамедъ-Хасанъ-ханъ, былъ убитъ въ этомъ дѣлѣ. Не смотря на неудобное мѣстоположеніе, персидскія войска дрались очень смѣло и исполнили свой долгъ. Съ этого времени, какъ видно по полученнымъ нынѣ извѣстіямъ, не происходило никакихъ военныхъ дѣйствій, и сарбазы занимались возведеніемъ сенгеровъ и проводили шанцы къ рѣкѣ и туркменскимъ укрѣпленіямъ. 16-го того же (20-го сентября) мѣсяца туркмены, какъ мужчины, такъ и женщины, собравшись огромной массой, выступили изъ своихъ укрѣпленій; персидское войско выступило также противъ нихъ. Сраженіе продолжалось съ утра до заката солнца, цѣлые одиннадцать часовъ; неудобная мѣстность опять помѣшала дѣйствовать артилеріи. Хотя персидское войско и не одержало побѣды въ этотъ день, но при закатѣ солнца въ должномъ порядкѣ возвратилось въ свой лагерь. Говорятъ, что въ этотъ день было убито около 4,000 человѣкъ, но потеря съ нашей стороны была гораздо значительнѣе, чѣмъ со стороны туркменъ. Въ ночь на 17-е число, хишметъ-удоулэ и кавамъ-удоулэ, видя неустрашимую смѣлость, многочисленность и готовность туркменъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обсудивъ неудобства позицій, занятыхъ персидскими войсками, которыя не могли дѣйствовать артилеріею, пришли къ тому заключенію, что экспедиція протянется по этимъ причинамъ очень долго. Притомъ же имъ угрожалъ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. Еслибы они вздумали отправить за провизіей часть отряда, все-таки она не могла подоспѣть въ скоромъ времени, а между тѣмъ отрядъ ихъ долженъ былъ значительно уменьшиться: имъ угрожалъ самый сильный непріятель—голодъ. Итакъ, они рѣшились идти съ отрядомъ по направленію Пянджъ-дехъ, въ надеждѣ тамъ найти съѣстные припасы; но

Digitized by Google

они не сообразили того, что двинуться съ войскомъ немедленно послѣ жаркаго одиннадцатичасоваго сраженія значило дать поводъ непріятелю дѣйствовать еще съ большею смѣлостью и ожесточеніемъ. Рѣшившись окончательно исполнить свой планъ, они выступили съ войскомъ. Туркмены, сильно потерпѣвшіе въ сраженіи, узнавъ объ этомъ движеніи, отправили ночью конныхъ и пѣшихъ, которые засѣли по берегамъ ручьевъ и въ камышахъ съ тѣмъ, чтобы преградить путь отряду, и тѣ изъ нихъ, кто въ состояніи былъ носить оружіе, выступили для преслѣдованія. 17-го числа (21-го сентября), нападая издали на авангардъ, аріергардъ и фланги, туркмены захватили все, что могли, изъ обоза, взяли въ плѣнъ или убили на мѣстѣ кого только могли. Прибывъ въ Пянджъ-дехъ, войско не нашло тамъ никакой провизіи. По причинѣ недостатка съѣстныхъ припасовъ и воды рѣшено было, что отрядъ, раздѣлившись на двѣ части, пойдетъ по разнымъ дорогамъ. Паша-ханъ, шуджа-уль-мулькъ (храбрѣйшій въ государствѣ), направился на Турбети-Шейхъ-Джамъ и уже прибылъ туда, но хишметъ-удоулэ и кавамъ-удоулэ еще не пришли на мѣсто (въ Мешедъ).

«Такъ какъ послѣ возвращенія ихъ въ такомъ видѣ, очевидно, перваго нельзя оставить правителемъ, а втораго—визиремъ Хорасана, то его шахское величество изволилъ назначить муидъ-удоулэ Тахмасъ-Мирзу, извѣстнаго своимъ отличнымъ поведеніемъ, человѣколюбіемъ и способностями, губернаторомъ этой провинціи, а Махомедъ-Насиръ-хана, ишикъ-агаси-баши (церемоніймейстера), опытнаго и искуснаго чиновника,—визиремъ и сардаремъ тамошнихъ войскъ. Изъ опасенія безпорядковъ, могущихъ произойти послѣ такихъ смутъ и неудачъ на границахъ Хорасана, ему приказано отправиться по курьерски. Мохамедъ-Насиръ-хану пожалованъ титулъ захиръ-удоулэ (помощникъ государству) и джубэ изъ тирмэ, осыпанная золотыми блестками. Онъ долженъ заботиться о благосостояніи подданныхъ шаха, пока прибудетъ въ Мешедъ шахзадэ Тахмазъ-Мирза, который вскорѣ отправится туда съ войскомъ, артилеріею и боевыми снарядами и, съ помощью Божьею, сдѣлавъ нужныя приготовленія, не такъ какъ это случилось съ прочими въ прежнія времена, исполнитъ прекрасно и легко возложенное на него порученіе и поправитъ это дѣло».

Такимъ образомъ экспедиція, стоившая странѣ громадныхъ денегъ, походъ, въ которомъ участвовала лучшая часть войскъ, окончилась полной неудачей и потерей всей артилеріи, состоявшей изъ 33-хъ орудій. Изъ десяти полковъ регулярной пѣхоты, собранныхъ въ походъ въ полномъ комплектѣ, въ числѣ около 10,000 человѣкъ,

Digitized by Google

едва спаслись отъ смерти или плѣна немного болѣе тысячи. Изъ двухъ полковъ *караи*, которыми командовалъ Мустафа-Кули-ханъ, вернулись на родину всего два человѣка: самъ сартипъ и одинъ сарбазъ. Главнокомандующій экспедиціоннымъ отрядомъ, Хамзэ-Мирза, передъ выступленіемъ изъ Мерва, оставилъ въ самой крѣпости гарнизономъ три полка, которые были осаждены текинцами и принуждены сдаться и передать имъ бывшія при нихъ три пушки. Во время бѣгства персіянъ, текинцы захватывали бѣжавшихъ въ плѣнъ, убивая безпощадно сопротивлявшихся Неудачу похода слѣдуетъ приписать, главнымъ образомъ, тому, что между шахскими военно-начальниками не было согласія и той храбрости и еще болѣе хитрости, какія оказали текинцы. Степныя племена, узнавъ о грозившемъ ихъ спокойствію походѣ тридцатитысячной персидской арміи, изучивъ хорошо характеръ противника, знали отлично, что, чѣмъ болѣе будетъ собрано войскъ, тѣмъ болѣе будетъ начальниковъ, а слѣдовательно и болѣе раздоровъ и неурядицъ. Хамзэ-мирза задержалъ выступленіе отряда изъ Мешеда, выжидая обѣщанные герагскимъ правителемъ Султанъ-Ахмедъ-ханомъ припасы, тѣмъ временемъ давъ текинцамъ возможность убрать хлѣбъ, безъ котораго имъ пришлось бы очень плохо. Кромѣ того, персидскій отрядъ не принялъ въ разсчетъ, что еслибы онъ выступилъ въ концѣ марта или началѣ апрѣля, когда даже въ степи является обиліе ручьевъ, а почва покрыта зеленью, то избѣжалъ бы недостатка въ водѣ и въ подножномъ кормѣ. Нѣкоторыя степныя племена, пообѣщавъ персидскимъ военно-начальникамъ сохранять нейтралитетъ и даже оказывать содѣйствіе, не исполнили своего обѣщанія; такъ, напримѣръ, при приближеніи отряда къ Мерву, племя сарыки, постоянно тѣснимое текинцами, явилось въ персидскій лагерь съ изъявленіемъ покорности, и старшины этого племени начали уговаривать главнокомандующаго немедленно идти на общаго врага. По вступленіи персіянъ въ Мервъ, дѣла приняли другой оборотъ: племя салуры, дружественное съ сарыками, начало ловить и уводить въ плѣнъ персидскихъ солдатъ; сарыки, убѣдившись, что это возможно и проходитъ безнаказанно, послѣдовали ихъ примѣру. Въ это время въ персидскомъ отрядѣ, находившемся въ самомъ Мервѣ, шли раздоры и неурядицы; тогда текинцы, узнавъ о положеніи дѣлъ въ Мервѣ, прислали сарыкамъ и салурамъ заявленіе, что, если они будутъ въ чемъ нибудь помогать персіянамъ, общимъ ихъ врагамъ, шіитамъ, то подвергнутся набѣгамъ и полному разоренію ихъ ауловъ. Вслѣдъ за неудачнымъ движеніемъ на Іолъ-ютанъ, персидскій отрядъ простоялъ въ Мервѣ еще мѣсяцъ безъ малѣйшей не-

Digitized by Google

обходимости, а тѣмъ временемъ текинцы, съ сдѣлавшимися ихъ союзниками сарыками и салурами, укрѣплялись на берегу Педжена, среди болотъ и тростниковъ, гдѣ не могли дѣйствовать ни персидская артилерія, страшная степнымъ народамъ, ни сарбазы, привыкшіе драться въ открытомъ полѣ и изъ-за стѣнъ. Дальнѣйшій ходъ дѣлъ изложенъ выше. Такимъ образомъ персидскій степной походъ 1860 года окончился полнымъ пораженіемъ персіянъ, которые сперва было собрались отомстить имъ новымъ походомъ, но никогда не привели его въ исполненіе.

Съ этого времени началась фактическая независимость текинцевъ, разорявшихъ Хорасанскую провинцію. Персидское правительство, напуганное урокомъ 1860 года, не рѣшалось предпринять новый походъ, а ограничивалось только охраной границы, на столько неудачной, что когда-то цвѣтущій и богатѣйшій Хорасанъ превратился въ бѣднѣйшую провинцію. До чего текинцы вообще стали смѣлы въ своихъ набѣгахъ, можно заключить изъ того, что, въ 1878 году, они громаднымъ скопищемъ подходили къ самому Мешеду, въ которомъ считается до 70,000 жителей, и разорили лежащее отъ него въ семи верстахъ селеніе Турукъ, населенное 500 семействъ.

Такимъ образомъ между текинцами Ахала и текинцами Мерва нѣтъ ни малѣйшей разницы; раздѣленіе ихъ было вынуждено недостаткомъ пахатной земли. Плодородіе земель, лежащихъ по теченію р. Мургъ-аба, сдѣлало то, что народонаселеніе быстро прирастало, причемъ много текинцевъ переселилось туда изъ Ахала. Въ настоящее время въ Мервѣ считается 50,000 кибитокъ, т. е. до 250,000 душъ обоего пола. Текинцы обоихъ оазисовъ совершаютъ свои набѣги иногда сообща, иногда же врозь, причемъ трудно бываетъ опредѣлить, кѣмъ именно изъ нихъ былъ совершенъ аламанъ; но болѣе всего отъ ихъ соединенныхъ усилій достается сѣверной провинціи Персіи, а именно Хорасану. Чтобы судить о матеріальныхъ убыткахъ, причиняемыхъ текинцами своимъ злополучнымъ сосѣдямъ, достаточно привести тотъ фактъ, что въ одномъ только округѣ вышеупомянутой провинціи Пясъ-и-кухъ-и-харабѣ, находящемся на лѣвомъ берегу р. Гери-руда, гдѣ считалось до 460 селеній, въ настоящее время осталось менѣе 20-ти и къ названію округа прибавлено слово «Харабэ» (разоренный), такъ что въ переводѣ на русскій языкъ названіе округа будетъ «округъ загорныхъ развалинъ». Въ сѣверныхъ частяхъ провинцій Келата, Дерегеза, Буджнурда и Кучана тоже истреблены текинцами почти всѣ селенія; остались только тѣ, которыя, по своему положенію между скалъ, защищены неприступностью мѣстности. На

Digitized by Google

Хивѣ меньше отражается текинскій теророъ, такъ какъ пограничные туркмены защищаютъ ханство отъ набѣговъ; но все-таки изрѣдка текинцы и Хиву избираютъ поприщемъ для своихъ хищническихъ замысловъ; такъ, напримѣръ, въ 1876 году ими былъ ограбленъ городъ Питнакъ въ Хивѣ, а въ 1877 году ими же уничтоженъ караванъ на урочищѣ Балыклы, въ 70-ти верстахъ отъ г. Куня-Ургенча; въ томъ же году они нападали на укрѣпленіе Кабаклы. Разумѣется, при подобномъ порядкѣ вещей нечего было и думать о правильномъ караванномъ сообщеніи между Красноводскомъ и Хивою, такъ какъ полные хозяева въ степи, до покоренія оазиса нашими войсками, текинцы, бывало, едва прослышатъ о могущей быть добычѣ, какъ немедленно не преминутъ ею воспользоваться, что и доказали неоднократно; такъ, напримѣръ, въ 1875 году, у колодцевъ Кумъ-Себшенъ, уничтоживъ караванъ, снаряженный г. Глуховскимъ и направлявшійся изъ Красноводска въ Хиву, а въ 1877 году въ урочищѣ Балыклы, разграбивъ другой караванъ, шедшій съ Атрека въ Хиву. Наши мангышлакскіе киргизы и красноводскіе туркмены тоже были не гарантированы отъ текинскихъ грабежей, и, не далѣе какъ въ 1876 году, они уничтожили цѣлое кочевье іомудовъ у колодцевъ Бурнакъ, въ 25-ти верстахъ отъ Красноводска. Каждый разъ, когда русскія войска предпринимали какое нибудь движеніе отъ Красноводска въ глубь страны, текинцы немедленно обращались къ персидскому правительству съ просьбой принять ихъ подъ свое покровительство, обѣщая, разумѣется, прекратить нападенія на персидскія владѣнія; но едва лишь убѣждались, что движеніе русскихъ не касается ихъ,— немедленно прекращали всякіе договоры. Такая политика повторялась нѣсколько разъ, въ періодъ отъ Хивинской экспедиціи до 1878 года, когда одновременное движеніе туркестанскаго и красноводскаго отрядовъ грозило существованію оазисовъ Ахала и Мерва. На этотъ разъ мервцы обѣщали персіянамъ возвратить имъ шесть пушекъ изъ числа отнятыхъ у нихъ въ 1860 году, выставить, за 20 тумановъ въ годъ за каждаго человѣка, 1,000 человѣкъ конницы, прекратить разбои, и, въ видѣ залога, поселить 1,000 семействъ у Стараго-Сарахса; но едва только текинцы узнали о возвращеніи русскихъ отрядовъ, какъ немедленно прекратили всѣ переговоры. Для Россіи протекторатъ Персіи надъ текинцами былъ бы очень невыгоденъ, такъ какъ, не имѣя возможности грабить своихъ протекторовъ, они устремились бы къ сѣверу отъ своихъ владѣній, и, очевидно, болѣе всего досталось бы подвластнымъ намъ киргизамъ и туркменамъ, а уже объ караванномъ пути изъ Хивы въ Оренбургъ и Красноводскъ и говорить не-

Digitized by Google

чего. Персіяне не въ силахъ были бы воспрепятствовать имъ нападать на наши владѣнія; слѣдовательно ежегодно пришлось бы посылать экспедиціи съ цѣлью наказанія текинцевъ. Во избѣжаніе этихъ дорого-стоющихъ экспедицій, гораздо благоразумнѣе было постепенное водвореніе спокойствія силою оружія, путемъ постепеннаго завоеванія края. Усмиреніе края и обузданіе текинцевъ является еще болѣе необходимымъ, въ случаѣ если удастся направить Аму-Дарью по прежнему руслу и устроить по новому водяному пути правильное судоходство. Тогда товары изъ Россіи могли бы черезъ Каспійское море доставляться непрерывнымъ водянымъ путемъ до верховьевъ Аму-Дарьи, т. е. на 4,000 верстъ, и текинскіе разбои явились бы помѣхой какъ развитію мирной торговли, такъ и въ дѣлѣ оплодотворенія нынѣ степныхъ безплодныхъ мѣстъ по берегамъ стараго русла такъ называемаго Узбоя, которымъ вода дала бы жизнь, привила бы культуру, привлекла бы жителей. Въ послѣднее время, до экспедиціи 1879 года, оазисъ Ахала былъ густо населенъ, и важнѣйшими пунктами по числу обитателей, послѣ Геокъ-тапы, можно считать: Асхабадъ—въ 2,000 семействъ, Хари-кала—въ 700 дворовъ, Геши—въ 1,000 семействъ, Бизмеинъ—въ 1,000, Курджа—въ 700, Яги-кала—въ 700 и Изгалъ—въ 600, Беурма и Кизилъ-Арватъ. Плодородіе почвы, воздѣлываемой при помощи орошенія ахалъ-текинцами, даетъ возможность имъ получать съ своей земли все необходимое для ихъ прокормленія количество хлѣба. Кромѣ того, ими воздѣлываются хлопокъ, рисъ, джугура, юнджа, масса дынь и арбузовъ, а также отчасти жители занимаются и шелководствомъ. Достаточное количество фуража давало имъ возможность держать стада овецъ, верблюдовъ и имѣть лошадей, которыя своей красотой и выносливостью пріобрѣли себѣ славу во всей Средней Азіи. Впрочемъ, слава коней въ мѣстности Ахала идетъ съ очень древнихъ временъ, такъ какъ это въ сущности и есть Нисанская равнина древнихъ, славившаяся особою породою лошадей. Англійскому капитану Непиру, во время его путешествія по сѣверному Хорасану, сообщали, что вблизи Геокъ-тепе до сихъ поръ видны развалины города Нисы, бывшей древней столицы парѳянъ, гдѣ находились царскія гробницы.

О внутреннемъ бытѣ текинцевъ, объ ихъ образѣ жизни, намъ очень мало извѣстно, такъ какъ ни одинъ изъ европейцевъ не бывалъ въ ихъ средѣ. Жизнь оазиса до послѣдняго времени была сокрыта непроницаемой завѣсой отъ взглядовъ цивилизованнаго міра. Единственныя, имѣющіяся свѣдѣнія собраны отъ бѣглыхъ персіянъ и туркменъ, пробывшихъ въ неволѣ у текинцевъ болѣе или менѣе продолжительный

Digitized by Google

срокъ. Если судить по ихъ показаніямъ, то, собственно говоря, складъ жизни ничѣмъ не отличается отъ описаннаго мною образа жизни іомудовъ; только что достаточное количество пахатной земли сдѣлало ихъ болѣе осѣдлыми; въ ихъ селеніяхъ уже попадаются глиняныя постройки, помимо кибитокъ, и для самообороны устроены крѣпости изъ глины или глины съ саманомъ. Такимъ образомъ, каждое селеніе есть въ сущности маленькая крѣпость или, по туркменски, кала. Ни костюмомъ, ни языкомъ текинцы нисколько не отличаются отъ іомудовъ и гокланъ, хотя считаютъ себя почему-то выше остальныхъ туркменскихъ племенъ и относятся къ послѣднимъ крайне враждебно.

До прошлогодней экспедиціи у текинцевъ оставались въ плѣну нашихъ два рядовыхъ: Петинъ, взятый въ концѣ октября 1877 года въ окрестностяхъ Чата и находившійся у ахалъ-текинцевъ, и Кидяевъ, попавшійся въ концѣ 1873 года на правомъ берегу Аму-дарьи у Сардабакуль и томящійся въ неволѣ у мервцевъ. Хозяинъ его, мервецъ Дангатаръ, требовалъ за него выкупъ въ 8,000 тумановъ. Крупная цифра выкупа была имъ потребована оттого, что Кидяевъ выдалъ себя за офицера; но такъ какъ выкупа за него никто не давалъ, то Дангатаръ постоянно заставлялъ его писать жалобныя письма, для чего обливалъ его животъ кипяткомъ и клалъ на него горячіе угли. Наконецъ, окончательно потерявъ надежду получить выкупъ, онъ продалъ его текинцу Анна-Гельды. Лѣтомъ 1878 года нашъ астрабадскій консулъ, г. Бакулинъ, находясь въ Мешедѣ, получилъ отъ Кидяева письмо съ мольбами о выкупѣ. Бакулинъ, не желая выкупомъ развить въ текинцахъ страсть къ подобнымъ аферамъ, выбралъ другой путь для его освобожденія, надѣясь на успѣхъ. Онъ попросилъ правителя Хорасана, если попадутся къ нему въ плѣнъ текинцы, то выдать ихъ ему, разсчитывая произвести обмѣнъ. Кромѣ того, нѣкоему Сафаръ-Али-беку, персіянину, попавшему въ плѣнъ къ мервцамъ во время неудавшагося похода 1860 года, вслѣдъ затѣмъ выкупившемуся, женившемуся въ Мервѣ и занимающемуся свободно торговлей, покупая товары въ Мешедѣ, было имъ предложено 250 тумановъ, если онъ доставитъ Кидяева, но съ тѣхъ поръ ни Кидяевъ, ни Сафаръ-Али-бекъ больше къ нему не являлись. Полковникъ Гродековъ разспрашивалъ одного изъ бывшихъ до того въ плѣну у текинцевъ и привезенныхъ сыномъ Тыкма-Сардара, Акберъ-ханомъ, къ генералу Лазареву, а именно Цивашева, о его жизни въ плѣну; показанія эти на столько интересны, что позволяю себѣ привести ихъ цѣликомъ.

Digitized by Google

«7-го октября 1878 года насъ пошло шесть человѣкъ за сборомъ сѣна: я, Цивашевъ и канониры: Мягкій, Пантюшинъ, Зиминъ, Петинъ и Макаровъ. Мы отправились верстъ за 10 отъ лагеря безъ оружія, на трехъ верблюдахъ. Это было рано утромъ. Стали рвать траву. Въ это время изъ-за бугра выскочили пять конныхъ туркменъ, изъ которыхъ у двухъ были ружья, а у остальныхъ шашки и пистолеты. Завидѣвъ ихъ, мы бросились бѣжать врозь. Туркмены, вынувъ ружья и обнаживъ шашки, погнались за нами; скоро догнали насъ, собрали всѣхъ въ кучу и знаками показали, что намъ слѣдуетъ идти въ горы. Мы не шли, а бѣжали; кто изъ насъ замедлялъ шаги, того били нагайками. Канониръ Макаровъ, будучи слабъ здоровьемъ, началъ приставать; тогда одинъ туркменъ съ коня хватилъ его шашкою сзади,—голова Макарова отлетѣла. Этотъ самый туркменъ слѣзъ съ лошади, снялъ съ мертваго сапоги и три раза пырнулъ его ножомъ въ бокъ. Насъ гнали бѣгомъ до самаго вечера (съ 9 часовъ утра), когда остановились у одной рѣчки на четверть часа напоить лошадей. Отсюда насъ опять гнали всю ночь, частью бѣгомъ, частью шагомъ; кто отставалъ, того били плетью. На разсвѣтѣ остановились на два часа у рѣчки. Туркмены испекли лепешки въ золѣ и немного покормили насъ. Послѣ этого опять погнали до 10 часовъ утра, когда мы пришли въ крѣпость Кара-кала, здѣсь большой аулъ. Смотрѣть насъ собралось множество народа: мужчины, женщины и дѣти. Заставляли снимать пальто и мундиры, чтобы посмотрѣть наше нижнее бѣлье. Здѣсь мы простояли пѣлыя сутки; покормили самую малость лепешками. На слѣдующій день мы вышли рано утромъ, въ сопровожденіи тѣхъ людей, которые взяли насъ въ плѣнъ. Когда отошли съ версту отъ Кара-кала, туркмены остановились, сняли съ насъ сапоги и верхнюю одежду, которую подѣлили между собою. Мы остались въ однѣхъ рубахахъ и нижнемъ бѣльѣ. Погода стояла теплая. Отсюда мы раздѣлились: меня и Петина два туркмена погнали влѣво, а Мягкаго, Пантюшина и Зимина три туркмена погнали вправо. Съ тѣхъ поръ мы не видѣлись. Мы шли весь день; вечеромъ остановились на $^1/_4$ часа, потомъ шли весь вечеръ и всю ночь. Шли по горамъ, по каменистому грунту; ноги наши распухли и покрылись ранами. Туркмены, видя такое наше состояніе, позволяли намъ часто останавливаться для отдыха и нагайками не подгоняли. Предъ разсвѣтомъ остановились на отдыхъ у пастуховъ; здѣсь испекли лепешекъ и покормили насъ немного. Когда разсвѣло, мы тронулись далѣе и часовъ въ 9 утра пришли къ крѣпости, названіе которой запамятовалъ, но знаю, что она находится въ одномъ

Digitized by Google

переходѣ отъ Кизилъ-Арвата. У крѣпости большой аулъ. Народа собралось около насъ какъ! хмара,—свѣта не видно. Стали насъ бить, толкать, бросали навозомъ въ глаза, плевали въ лицо. Такое надругательство продолжалось до самой ночи. Вечеромъ наши хозяева развели насъ по своимъ кибиткамъ. Моего хозяина звали Куль-Ильды, а племянника Петина—Дурды-шайхъ. По приводѣ въ кибитку, меня заковали въ желѣзо, надѣли двое конскихъ путъ—вѣсомъ въ 15—20 фунтовъ, потомъ покормили и полежили спать въ кибиткѣ. Хозяинъ мой былъ очень бѣдный человѣкъ; у него одна жена и двое дѣтей, мальчикъ лѣтъ семи и дѣвочка лѣтъ пяти, мать-старуха, одна лошадь, очень хорошая, и ни одного верблюда. Хозяину лѣтъ около 30, а женѣ его лѣтъ 27; она очень некрасивая. Куль-Ильды даже не имѣлъ цѣльной кибитки, а только верхъ отъ нея. Хозяинъ Петина жилъ отъ меня очень близко; онъ тоже заковалъ своего племянника. Работа моя состояла въ томъ, что я долженъ былъ собирать колючку (топливо) и носить воду. Насъ одѣли въ рваные халаты и дали шапки; но ходили мы босые. Жители аула въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ недѣль сходились смотрѣть на насъ, при этомъ толкали, плевались и проч., потомъ привыкли къ намъ, перестали. Я могъ ходить по всему аулу и видѣлся съ Петинымъ каждый день. Намъ обрили головы. Однажды, въ кибитку къ моему хозяину пришло много народа и стали требовать, чтобы я перемѣнилъ свою вѣру на ихнюю; при этомъ мулла принесъ съ собою бритву, чтобы совершить обрѣзаніе. Я сказалъ: зарѣжьте меня, но вѣры не перемѣню. Нужно замѣтить, что еще 7-го октября, когда насъ взяли въ плѣнъ, мы всѣ дали заклятіе—крѣпко держаться своей вѣры. Послѣ моего отказа туркмены сильно меня били и хотѣли рѣзать, но хозяинъ ихъ остановилъ. Петину тоже предлагали бросить христіанскую вѣру, но онъ крѣпко стоялъ за нее. Туркмены не позволяли намъ открыто молиться и творить крестное знаменіе, и мы молились про себя. Недѣли черезъ двѣ по прибытіи въ крѣпость у меня зажили ноги; я ихъ каждый день обмывалъ водою и обвязывалъ тряпками. Кормили лепешками впроголодь; разъ въ недѣлю давали пловъ съ бараньимъ саломъ.

«Командиръ мой, штабсъ-капитанъ Гаитиновъ, прислалъ мнѣ черезъ одного туркмена письмо, листъ чистой бумаги и карандашъ. Въ письмѣ его сказано было, чтобы я не падалъ духомъ, надѣялся на Бога, что насъ выручатъ. Я послалъ ему отвѣтъ, что мы живы и здоровы, ходимъ босые, голодные и холодные и ждемъ-не до-

Digitized by Google

ждемся освобожденія. Письмо командира сильно меня ободрило; Петинъ тоже повеселѣлъ.

«Въ аулѣ у крѣпости мы прожили три мѣсяца. Затѣмъ аулъ началъ переселяться въ пески, гдѣ больше топлива. Хозяинъ Петина вышелъ въ пески днями пятью раньше моего хозяина. Переходъ отъ крѣпости до стоянки въ пескахъ верстъ 40. Во время пути мнѣ скрутили руки назадъ веревкой. Шелъ пѣшкомъ. Такъ какъ у хозяина не было своихъ верблюдовъ, то для перекочевки одинъ сосѣдъ далъ ему три верблюда.

«Въ ту ночь какъ мой хозяинъ пришелъ въ пески, Петинъ разбилъ свои путы и убѣжалъ передъ разсвѣтомъ. Весь аулъ поднялся на ноги; всѣ мужчины поскакали верхомъ искать его. Верстахъ въ 10 отъ аула Петина нашли подъ кустомъ въ ямкѣ; схватили, стали бить, потомъ погнали въ аулъ, тамъ заковали въ трое путъ и замки заклепали наглухо. Хорошо еще, что Петинъ, убѣжавъ, понесъ съ собою въ торбѣ и кандалы, а не бросилъ ихъ въ пескахъ; иначе ему было бы плохо: его били-бы до тѣхъ поръ, пока не нашелъ кандалы. Петинъ потому и взялъ ихъ съ собою: разсказывалъ мнѣ, убѣгу—хорошо; поймаютъ вмѣстѣ съ кандалами—будутъ меньше бить. Петинъ никакъ не могъ украсть лошади у своего хозяина для бѣгства, такъ какъ туркмены на ночь заковываютъ своихъ лошадей.

«Аулъ въ пескахъ расположился очень широко; кибитки стояли группами, по пяти-шести. Мѣста для кибитокъ выбирали въ лощинахъ между песчаными буграми. Кибитка хозяина Петина стояла отъ кибитки моего хозяина въ двухъ верстахъ. Въ пескахъ хозяинъ сталъ обращаться со мною ласково; часто говаривалъ: живи у насъ, прими нашу вѣру, нашъ Богъ на небесахъ, а русскій Богъ яманъ, золотой или деревянный. На другой день послѣ поимки Петина я отпросился у своей хозяйки (хозяина не было дома) навѣстить его. Пробывъ у него часа три, утѣшалъ его въ несчастьи, совѣтовалъ надѣяться на помощь Божію. Во время стоянки въ пескахъ у меня была только одна работа: собирать топливо, такъ какъ вода отъ насъ была въ разстояніи верстъ 10. За водой ѣздили изъ аула черезъ два дня; я ѣздилъ туда раза три. Кормили недостаточно: давали лепешку фунта въ $1^1/_2$ на цѣлый день, изрѣдка пловъ.

«Въ пескахъ мы прожили мѣсяца два, какъ прошелъ слухъ, что насъ хотятъ выкупить; тутъ стали насъ лучше кормить. Слухъ сталъ сбываться. Пріѣхалъ къ намъ въ аулъ Тыкма-сардаръ и, должно быть, выкупилъ меня у хозяина, такъ какъ взялъ съ собою и привезъ въ свой аулъ, гдѣ былъ нашъ плѣнный канониръ Пантюшинъ.

Digitized by Google

Въ аулѣ Тыкма-сардара меня расковали, и здѣсь я пробылъ дней около 20. Тыкма-сардаръ сообщилъ мнѣ, что, какъ только прибудетъ письмо изъ Чата, то меня тотчасъ-же выпустятъ. У сардара меня кормили хорошо: давали баранину, пловъ, верблюжье молоко—всего вволю. Работалъ мало; принесешь, бывало, дровъ—и шабашъ, да раза два гонялъ верблюдовъ на водопой. Наконецъ, должно быть пришла записка, которую ожидалъ Тыкма-сардаръ, потому что сынъ его Акберъ-ханъ повелъ насъ въ землю гокламовъ. Мы шли пѣшкомъ, босые, подъ снѣгомъ и дождемъ, много терпѣли отъ холода. У гокламовъ мы прожили 18 дней, въ ожиданіи того, пока Акберъ-ханъ ѣздилъ въ Чатъ и велъ тамъ переговоры съ нашимъ начальствомъ. На девятнадцатый день нашего пребыванія у гокламовъ отъ Акберъ-хана пріѣхалъ туркменъ изъ Чата, посадилъ насъ на лошадей и повезъ на русскую землю. Съ этимъ туркменомъ штабсъ-капитанъ Гаитиновъ прислалъ намъ: пальто, сапоги, рубашки, штаны, чаю и сахару. Мы ѣхали всю ночь: передъ свѣтомъ остановились на отдыхъ; потомъ поѣхали дальше и въ полдень прибыли въ одинъ туркменскій аулъ; здѣсь опять отдыхали, хорошо пообѣдали; опять тронулись въ путь, ѣхали до самаго вечера, отдохнули, выспались и, на другой день, утромъ, часовъ въ 9, прибыли въ Чатъ. Тутъ вышелъ намъ встрѣчу весь лагерь. Сынъ Тыкма-сардара также встрѣтилъ и повелъ насъ къ приставу Ягубову, которому и сдалъ насъ. Я былъ какъ слѣдуетъ, въ формѣ; на Пантюшинѣ также была форменная одежда, за исключеніемъ шапки; я свою шапку сохранилъ въ теченіе шестимѣсячнаго плѣна. Мы прибыли въ Чатъ 15-го марта. Отсюда меня послали въ Красноводскъ на поправку. Въ Красноводскѣ я пробылъ до 15-го іюня и потомъ прибылъ въ Чекишляръ».

Затѣмъ Цивашевъ добавилъ слѣдующее:

«Посѣвовъ въ Кара-кала очень мало: сѣютъ только около крѣпости пшеницу и джугуру. Своего хлѣба недостаточно, а потому его покупаютъ въ Хивѣ и у гокламовъ. Иные туркмены говорятъ, что, съ приходомъ русскихъ, будутъ драться, а другіе—что изъявятъ покорность. Въ Кара-кала было три плѣнныхъ персіянина, содержавшихся вѣчно въ цѣпяхъ. Въ аулѣ Тыкма-сардара было только двѣ плѣнныхъ женщины; изъ нихъ одна у сардара, горбатая, служила въ качествѣ няньки. Женщины ходятъ безъ оковъ. Горбатая плѣнница постоянно приносила мнѣ пищу. Бывало принесетъ, сядетъ рядомъ и потаенно толкуетъ, чтобы я надѣялся на Бога. Я нѣсколько разъ

Digitized by Google

совѣтовалъ ей убѣжать, но она мнѣ отвѣчала, что не знаетъ, куда бѣжать».

Изъ взятыхъ вмѣстѣ съ Цивашевымъ въ плѣнъ, мастеровому Зимину удалось бѣжать отъ текинцевъ и благополучно добраться до своей батареи. Штабсъ-капитанъ Гантиновъ, отбиравшій отъ Зимина показанія, тотчасъ-же, по возвращеніи его изъ плѣна, обязательно передалъ мнѣ записанный, со словъ вернувшагося, разсказъ о его пребываніи въ оазисѣ и о его бѣгствѣ. Привожу это показаніе: «Отправленные за фуражемъ, мы, шесть человѣкъ при трехъ верблюдахъ, отстали отъ товарищей съ тѣмъ, чтобы нарвать травы поближе, почему и взяли влѣво отъ товарищей и киргизъ. Нарвавши травы, начали вязать вязки съ тѣмъ, чтобы навьючить и возвращаться домой. Въ это самое время наскочили на насъ изъ-за бугра, совершенно неожиданно, пять человѣкъ на отличныхъ коняхъ, вооруженные ружьями, пистолетами и шашками. Направивъ на насъ, почти въ упоръ, ружья, они погнали насъ бѣгомъ, причемъ били нагайками; уставши, я пріостановился духъ перевести; тогда одинъ текинецъ налетѣлъ на меня и хотѣлъ снести мнѣ голову; я увернулся: Богъ спасъ меня, а Макаровъ былъ послабѣе меня и, бѣжавши, совсѣмъ усталъ; тогда текинецъ подскакалъ къ нему и однимъ ударомъ шашки снесъ голову бѣдняги; насъ же пятерыхъ посадили сначала на верблюдовъ, потомъ, сзади себя, на лошадей и такъ везли рысью, до вечера; какъ стемнѣло, мы переправились черезъ Атрекъ, верстахъ въ 40 отъ лагеря, и насъ повезли въ горы. Хотя боязно было, а я запримѣчалъ всю дорогу до малости: думаю—понадобится. Наутро текинцы остановились и начали печь чуреки, курили кальянъ, угощая и насъ. Я началъ уговаривать товарищей, чтобы, выбравши время, броситься разомъ по моей командѣ на злодѣевъ, придушить ихъ, и, воспользовавшись оружіемъ, зарѣзать ихъ. Двое—Петинъ и Пантюшинъ—соглашались, но Мягкій и Цивашевъ отказывались, не надѣясь на свои силы. Долго я уговаривалъ, но напрасно; тогда я сказалъ: значитъ и мнѣ, старику, пропадать за васъ, и отдался на волю Божью!

«Еще разъ проѣзжая скалами, я уговаривалъ броситься въ скалистыя щели, гдѣ конные не могли насъ преслѣдовать; но опять не всѣ соглашались. На другой день, къ вечеру, насъ довезли до большаго аула съ крѣпостью, который недалеко отъ той горы, гдѣ мы, стоя въ Ходжемъ-кала, видѣли горящіе костры (Кара-кала). Здѣсь мы переночевали, и утромъ насъ вывели за аулъ, на курганъ, сняли съ насъ сапоги, мундиры, обрѣзали погоны и пуговицы. Мы думали,

Digitized by Google

что хотятъ насъ казнить, и начали молиться Богу; но, раздѣливъ наши вещи, меня, Пантюшина и Мягкаго повезли въ аулъ, а Цивашева и Петина—въ Кизилъ-Арватъ. Трехъ нашихъ верблюдовъ текинцы продали въ Кара-кала. Когда насъ привезли въ аулъ, гдѣ протекаетъ маленькій ручей и есть крѣпостца (по описанію Зимина, это должно быть Беурма), то раздѣлили по кибиткамъ тѣхъ текинцевъ, къ которымъ мы попали; всѣ на насъ напустились и начали издѣваться: малые и большіе, старики и женщины смѣялись надъ нами, плевали въ лицо, тыкали пальцами въ глаза; затѣмъ начали допытываться: какъ расположенъ отрядъ, много-ли русскихъ? Я разсказывалъ, насколько могъ объясняться; текинцы догадались, что мы артилеристы, спрашивали, какъ заряжаютъ орудія; я балагуръ, ваше благородіе, взялъ палку отъ джугуры, да и ну показывать, какъ банятъ орудія, да, для шутки, чтобы забавнѣе было—по старому: потѣшилъ текинцевъ, и они стали меньше меня обижать, только ужъ больно надоѣли, заставляя показывать пріемы. На другой день, по приходѣ въ аулъ, одинъ молодой текинецъ попросилъ меня у моего хозяина, чтобы молотить джугуру. Онъ началъ меня разспрашивать, какъ насъ взяли, есть-ли у меня дѣти. Онъ говорилъ немного по-русски, а я по ихнему зналъ нѣсколько словъ; когда я сказалъ, что у меня трое дѣтей, текинецъ заплакалъ,—есть, видно, и между ними добрые люди, ваше благородіе. Онъ началъ совѣтовать мнѣ бѣжать, такъ какъ иначе все равно казнятъ; приказалъ своей женѣ, чтобы она меня хорошенько кормила, и мнѣ добрая женщина давала баранину три раза въ день. На-ночь меня отводили къ моему хозяину. Насъ заставляли принять ихъ вѣру; мы отказывались. Тогда насъ хотѣли казнить, причемъ знаками показывали, что хотятъ отрѣзать намъ пальцы, носъ и уши; но на это нѣкоторые не соглашались и насъ уводили обратно. Молодой текинецъ сказалъ, чтобы я бѣжалъ ночью, указавъ скалу, гдѣ я долженъ переждать день, а затѣмъ идти съ Богомъ. Онъ-же говорилъ мнѣ, что всѣ гокланы и текинцы, которые пріѣзжаютъ къ русскимъ въ лагерь, не заслуживаютъ довѣрія, и, возвращаясь, передаютъ обо всемъ текинцамъ. Выбравши одну тайную ночь, я, когда хозяева заснули, помолился Богу и тихонько вышелъ изъ аула, пройдя который, я побѣжалъ и взобрался на указанную скалу, гдѣ и спрятался въ щели. Наутро я слышалъ, какъ въ ауле поднялась тревога, и скоро множество всадниковъ показалось по горамъ, разыскивая меня; я сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ. Къ вечеру текинцы ушли въ аулъ; я вылѣзъ изъ щели и пошелъ далѣе, упалъ со скалы, и, разбившись, лежалъ безъ памяти, а потомъ,

Digitized by Google

оправившись, пошелъ далѣе. Пищи я не принималъ уже третій день. На четвертый день, идя горами, недалеко отъ дороги, по которой меня вели, набрелъ я на сложенную кучу пшеницы, которой немного и поѣлъ. На четвертую ночь я видѣлъ, лежа подъ кустомъ, какъ мимо меня погнали верблюдовъ человѣка четыре; я подумалъ, что это верблюды, отбитые въ отрядѣ, такъ какъ мнѣ было извѣстно, что текинцы, въ числѣ коихъ былъ и мой хозяинъ, пошли къ намъ за добычей. Дойдя, на пятый вечеръ, къ Атреку, я увидѣлъ двухъ текинцевъ, которые, повидимому, искали меня. Я спустился къ Атреку и легъ въ воду, подъ нависшую ветлу; выждавъ, я переправился черезъ Атрекъ и пошелъ по горамъ къ тому мѣсту, откуда меня взяли; силы стали мнѣ отказывать; шелъ я медленно, останавливаясь часто отдохнуть. Завидѣвъ лагерь, я обрадовался и легъ отдохнуть, а къ вечеру доплелся до рѣки и закричалъ о помощи. Въ этотъ день я прошелъ всего верстъ восемь».

Много испыталъ бѣдный Зиминъ въ эти шесть дней: голодъ, жажду, страхъ за свою участь—страшное утомленіе, томительную безъизвѣстность ожидавшей его участи. Его Высочество денежно вознаградилъ Зимина, пожаловавъ ему 25 рублей; офицеры отряда сдѣлали между собою складчину и дали ему еще 50 р.

Вообще-же текинцы, какъ я уже говорилъ выше, нагнали такого страха на своихъ сосѣдей, что тѣ, разумѣется, не смѣютъ и носа сунуть въ ихъ оазисъ, вслѣдствіе чего даже на самой границѣ Ахала, въ Бендесенѣ, все-таки ничего нельзя было узнать о томъ, что творилось въ этой воинственной землѣ, во время нашего къ ней приближенія, и только Тыкма-сардаръ и былъ источникомъ тѣхъ свѣдѣній, что текинцы, оставивъ ближайшіе къ намъ аулы, рѣшились, собравшись въ Геокъ-тепе, защищаться до послѣдней крайности.

По наружному виду и по одеждѣ текинцы ничѣмъ не отличаются отъ іомудовъ и гоклановъ. У нихъ такія-же громадныя, конусообразныя, бараньи папахи, толстые ваточные халаты, широкія, толстаго бѣлаго холста, шаровары и кожаная обувь, въ родѣ нашихъ лаптей. У бока большинства изъ нихъ привѣшена, на кожаной портупеѣ, кривая, однообразнаго образца, узкая, тяжелая, острая, какъ бритва, съ сильнымъ изгибомъ, выкованная изъ дамаскированной стали, сабля, съ роговою ручкою и въ деревянныхъ, покрытыхъ кожею, ножнахъ. За спиною у большинства тяжелыя старинныя ружья, зачастую фитильныя, съ неизбѣжною придѣланною у дула на шарнирѣ подставкою, съ которой они, въ большинствѣ случаевъ, и стрѣляютъ, хотя и съ близкой дистанціи, за то съ бо́льшею мѣткостью. За поясомъ

Digitized by Google

у каждаго короткій узкій ножъ—необходимая принадлежность каждаго туркмена,—принадлежность, употребляемая и для защиты, и для мирныхъ хозяйственныхъ потребностей. Сверхъ того, у нѣкоторыхъ къ стремени сѣдла придѣланъ кожаный бушматъ, изъ котораго торчитъ бамбуковая пика съ желѣзнымъ наконечникомъ, подъ которымъ развѣвается что-то въ родѣ шерстяныхъ кистей; пики эти иногда доходятъ до безобразной длины, чѣмъ и отличаются отъ куртинскихъ. Привычка стрѣлять не съ плеча, а съ сошекъ, такъ вкоренилась у текинцевъ, что даже къ попавшимъ въ ихъ руки, во время экспедиціи 1879 года, нашимъ берданкамъ, въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ дула, придѣлана ими подставка, какъ можно судить по присланному, въ 1880 году, образцу берданки, отнятой во время одного изъ набѣговъ у одного изъ текинцевъ. Въ этомъ ружьѣ оказались слѣдующія передѣлки: въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ дула придѣлана изящной работы серебряная скоба, подъ которой, на шарнирѣ, двигается деревянная, двухзубая вилка. Прежняя ложа снята, а вмѣсто него придѣлано узкое азіятское съ перехватомъ и выгибомъ и серебряными украшеніями; замокъ съ затворомъ и спусковой скобой остался нетронутымъ.

А. Ржевусскій.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

† Военный Сборник. 1885. № 2.

ОТЪ ТИФЛИСА ДО ДЕНГИЛЬ-ТЕПЕ.

(Изъ записокъ участника).

(Статья шестая) (1).

VI.

Ахалъ.

22-го августа 1879 года, вступилъ въ Ахалъ-текинскій оазисъ авангардъ экспедиціоннаго отряда, переваливъ черезъ Бендесенскій перевалъ. Въ виду недостатка верблюдовъ не представлялось возможности двинуться въ оазисъ со всѣми силами, предназначенными въ передовой отрядъ, вслѣдствіе чего и были оставлены въ Ходжамъ-кала 1-й апшеронскій баталіонъ, 9-я и 10-я роты 3-го дагестанскаго баталіона, взводъ полевой красноводской артилеріи и 24 милиціонера; въ Бендесенѣ же — взводъ саперовъ, 3-й ширванскій баталіонъ, взводъ 4-й батареи 20-й артилерійской бригады и 24 милиціонера. Въ послѣднемъ же пунктѣ оставлены были, вслѣдствіе неоконченности разработки пути, всѣ повозки, которыя первоначально предполагали взять съ собой (по два фургона и четыре ротныхъ повозки на баталіонъ), всѣ лишнія вещи и часть продовольствія. 22-го августа, въ 8 часовъ утра, двинулся въ путь авангардъ подъ командою князя Долгорукаго, въ слѣдующемъ составѣ: куринскій и кабардинскій баталіоны, волгская и дагестанская сотни и восемь орудій, а въ 2 часа пополудни—стрѣлковый баталіонъ, дивизіонъ драгунъ и отрядный штабъ. Это раздѣленіе авангарда на два эшелона было сдѣлано съ цѣлью не затруднять движенія войскъ по трудному пути.

На утро слѣдующаго дня выступили *главныя силы, подъ начальствомъ графа Борха*, состоявшія изъ баталіоновъ: эриванскаго, гру-

---

(1) См. «Воен. Сбор.», 1884 г., №№ 6-й—10-й.

зинскаго и ширванскаго, одной таманской сотни, двухъ сотенъ туземной милиціи, четырехъ цѣшихъ и четырехъ конныхъ орудій, артилерійскаго парка и отдѣленія «Краснаго креста». Войскамъ этимъ было приказано взять съ собою продовольствіе, сухари и крупу, а также зерновой фуражъ для лошадей, всего на 15 дней; морскую же провизію на мѣсяцъ; патроновъ по 120 на человѣка и полный комплектъ снарядовъ на орудіе. Для поднятія тяжестей розданы верблюды, считая по 150 на баталіонъ, по 100 на полубатарею и сотню казаковъ, по 110 на эскадронъ, по 50 на сотню туземной милиціи, 240 подъ отрядный штабъ и управленія начальниковъ пѣхоты, артилеріи и кавалеріи, 45 подъ артилерійскій паркъ, 10 подъ отдѣленія «Краснаго креста» и 30 подъ довольствіе верблюдовожатыхъ. Всего 2,350 верблюдовъ. Начальникомъ войскъ, оставленныхъ въ тылу и расположенныхъ отъ Дузъ-Олума до Бендесена включительно, назначенъ былъ полковникъ Чижиковъ, командиръ Апшеронскаго полка, причемъ на него возложены были: разработка пути отъ Бендесена до Бами, образованіе въ Бендесенѣ складовъ изъ подвозимыхъ съ базы продовольственныхъ запасовъ и обмундированія, установленіе правильныхъ рейсовъ верблюжьяго транспорта изъ Дузъ-Олума въ Бендесенъ и обратно, съ цѣлью подвоза довольствія, присмотръ и попеченіе за больными и освобожденными отъ перевозки грузовъ верблюдами, оставшимися на пастьбѣ въ Ходжамъ-кала и Бендесенѣ и образованіе изъ нихъ, по выздоровленіи, новыхъ транспортовъ.

Черезъ Копетъ-дагскій хребетъ изъ Бендесена въ Текинскій оазисъ вели три пути: одинъ на Беурму и два на Бами; для движенія войскъ избранъ былъ средній, ведшій на Бами, какъ наиболѣе доступный. Предполагалось, что Бендесенскій перевалъ Копетъ-дагскаго хребта и дальнѣйшее движеніе по оазису представятъ большія затрудненія для движенія войскъ и, въ особенности, колеснаго обоза, вслѣдствіе чего весь колесный обозъ, имѣвшійся при войскахъ, приказано было оставить въ Бендесенѣ; съ отрядомъ-же изъ колесныхъ экипажей двигались лишь орудія, орудійные ящики и четыре санитарныя повозки Краснаго креста. Какъ оказалось впослѣдствіи, мѣра эта была совершенно излишняя: дорога, за исключеніемъ идущей черезъ Бендесенскій перевалъ, была очень удобная для движенія какихъ-бы то ни было экипажей, да и черезъ самый перевалъ, съ нѣкоторымъ усиліемъ, были перевезены нѣкоторыми частями (къ несчастью, кажется, только двумя) четырехколесные лазаретные фургоны, взятые начальниками этихъ частей на свой страхъ и сослужившіе имъ очень полезную службу послѣ Денгиль-тепинскаго боя и при отступленіи изъ оазиса. Представитель Краснаго креста, г. Сараджіевъ, хлопоталъ, передъ отправленіемъ изъ Бендесена, о разрѣшеніи

ему взять всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи одноколки, для могущихъ быть больныхъ и раненыхъ; но ему разрѣшили взять изъ нихъ только четыре. Каменныя и глиняныя глыбы, причудливой формы обрывы придаютъ своеобразный, дикій характеръ всей мѣстности отъ Бендесена до первой текинской крѣпостцы Бами, отстоящей отъ Бендесена въ 23-хъ верстахъ. Впрочемъ, для открытія особыхъ красотъ въ самомъ перевалѣ надо быть очень неприхотливымъ, такъ какъ тутъ видимъ отсутствіе зелени и бѣдность растительности, представителями которой являются нѣсколько одиночныхъ, неразвившихся деревьевъ. Бендесенскій перевалъ есть безусловно одинъ изъ наименѣе живописныхъ переваловъ, видѣнныхъ мною. Первыя двѣ-три версты отъ Бендесена дорога идетъ ущельемъ, по глинистому грунту, пересѣкаемая небольшими оврагами, съ постепеннымъ подъемомъ; затѣмъ грунтъ измѣняется и становится каменистымъ, причемъ подъемъ дѣлается все круче и круче. На седьмой верстѣ кончается подъемъ, и, съ этого высшаго пункта, открывается эффектный видъ сперва на широкое ущелье, а потомъ на далекое пространство оазиса. Въ туманѣ раскаленнаго воздуха, залитый солнечнымъ свѣтомъ оазисъ представляется взорамъ сплошною гладкою равниною, сливающеюся съ небеснымъ сводомъ на горизонтѣ. Только и оттѣняются зеленѣющія баминскія бахчи, засѣянныя поля, групирующіяся зданія Бами и отстоящаго на нѣсколько верстъ отъ Бами аула. Еще нѣсколько верстъ—и мы достигли цѣлой группы родниковъ, съ струящеюся чистою и вкусною водою, стекающеюся въ одно общее русло, по берегу котораго, неоднократно, переходя съ одной стороны на другую, идетъ прежняя тропинка, теперь же протоптанная нами дорога. Слѣдуя по руслу этой канавки, мы достигли выхода изъ ущелья и вступили въ оазисъ. Вправо и влѣво отъ ущелья тянется Копетъ-дагъ, у подошвы котораго разстилается край, невѣдомый европейцамъ и являющійся какимъ то пугаломъ въ глазахъ ближайшихъ его сосѣдей, отдѣленныхъ отъ него только горнымъ хребтомъ. Какъ я уже говорилъ, до сихъ поръ еще ни одинъ европеецъ не рѣшался посѣтить этотъ край, съ цѣлью его изученія. Имѣвшаяся у насъ карта, начиная отъ Беурмы къ востоку, представляла чистый пробѣлъ, по которому проведена только обозначенная, по разспросамъ плѣнныхъ, дорога, идущая по линіи крѣпостей, причемъ вплоть до Гяуарса, ни вправо, ни влѣво отъ этой дороги, никакихъ населенныхъ мѣстъ составителемъ карты не указывалось. Разстоянія между пунктами этой дороги не могли быть опредѣлены вполнѣ точно, такъ какъ мѣстные жители не умѣютъ опредѣлять время по часамъ, а, въ большинствѣ случаевъ, обозначаютъ разстояніе между двумя пунктами указаніемъ пальца на мѣсто нахожденія солнца при отправле-

ніи верхомъ съ одного пункта и при пріѣздѣ въ другой; если-же и скажутъ, сколько азаковъ или агачей, то и при этомъ можетъ произойти неточность, такъ какъ у текинцевъ эта мѣра иная, чѣмъ у курдовъ, у курдовъ-же разнится отъ персидской. Кромѣ того, очень сбиваетъ принятая персіанами система опредѣлять фарзаками не только абсолютную длину разстояній, но и затруднительность пути. При такихъ условіяхъ, двигаясь по оазису на основаніи маршрута, указываемаго разспросной картой, понятно, что намъ приходилось совершать переходы очень гадательные относительно разстояній. По линіи крѣпостей на выданной во всѣ части картѣ обозначены слѣдующія, начиная отъ Бами, «калы»: Беурма, Арчманъ, Караганъ, Яраджи, Каризъ, Янгикала, Бабарабъ, Акба, Актазепакъ, Кипчакъ, Мирава, Аскабадъ и Гяуаръ, крайній пунктъ оазиса. Удушливый, горячій воздухъ, съ сильнымъ порывомъ вѣтра, скрывшимъ насъ подъ цѣлымъ облакомъ пыли, привѣтствовалъ наше появленіе на равнинѣ. Нѣсколько полуразрушенныхъ четырехъ-угольныхъ глиняныхъ башенъ, съ прорѣзанными въ стѣнахъ бойницами, должно быть нѣкогда были поставлены для охраны входа во владѣнія ахалъ-текинцевъ и расположены по водяной канавкѣ, идущей по очевидно искусственно насыпанной дамбѣ, служа для орошенія полей и бахчъ, окружающихъ Бами. Насыпь эта, на каждыхъ 50-ти саженяхъ, прерывается уступами, у которыхъ расположены водяныя мельницы, въ одинъ поставъ каждая и притомъ охраняемыя башнями; затѣмъ, приведя въ движеніе нѣсколько мельницъ, ручей, посредствомъ второстепенныхъ канавъ, которыми окружены обработанные квадратные участки земли, разливается по полямъ, орошая ихъ. Приблизительно въ трехъ верстахъ отъ горъ, расположенъ первый Ахалъ-текинскій аулъ Бами, съ возвышающеюся посреди его цитаделью. Аулъ оказался покинутымъ жителями, не внявшими увѣщаніямъ, высказаннымъ въ письменномъ обращеніи къ жителямъ оазиса генерала Лазарева, бросившими свои жилища и поля и убѣжавшими, при первомъ извѣстіи о нашемъ приближеніи, по мнѣніямъ однихъ—къ колодцамъ, въ пески, по слухамъ-же—къ крѣпости Геокъ-тепе, на нашей картѣ не обозначенной, но, по увѣреніямъ Тыкма-сардара, отстоящей отъ Бами приблизительно въ 150 верстахъ.

Жителямъ текинскихъ крѣпостей легко было совершить переселеніе, такъ какъ текинцы народъ полукочевой, полуосѣдлый; въ ихъ аулахъ, по числу жителей, черезчуръ мало постоянныхъ зданій, большинство-же живетъ въ кибиткахъ, легко перевозимыхъ со всѣмъ скарбомъ, на имѣющихся у нихъ верблюдахъ. Снять и уложить кибитку, навьючить верблюдовъ, собрать стадо и уйти, покинувъ свои насиженныя мѣста, текинцамъ дѣло привычное. Они эти переѣзды и безъ того совершаютъ

ежегодно, для откармливанія громадной баранты, на имѣющихся у нихъ пастбищныхъ лугахъ, куда они перекочевываютъ цѣлыми аулами. Окружающая аулъ ближайшая мѣстность представляетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ участковъ, искусственно орошенныхъ водою, превратившей безплодную почву въ плодоносныя поля, засѣянныя джугурою, юнджею, арбузами, дынями и тыквами. Густо ростетъ джугура, т. е. сорго, высоко поднявъ надъ земною поверхностью свои переполненныя зерномъ кисти, доставляя своими стеблями и листьями прекрасный кормъ лошадямъ, домашнему скоту и верблюдамъ; зерно-же, обращенное въ крупу и муку, составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ продовольствія жителей. Въ среднеазіятскихъ степяхъ, приближеніе къ полю, засѣянному джугурою, не всегда безопасно, такъ какъ, прикрываясь густотою и ростомъ этого растенія, разбойники обыкновенно дѣлаютъ въ ней засады, изъ которыхъ сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, имъ очень удобно скрыться, оставшись не найденными, тѣмъ болѣе, что иногда вышина стебля бываетъ столь велика, что скрываетъ всадника съ конемъ. Юнджа—родъ клевера; посѣянная весною, она даетъ вскорѣ первый сборъ прекрасной сочной травы, часть которой идетъ для текущаго прокормленія лошадей, другая-же часть заготовляется на зиму, для чего ее скручиваютъ въ длинные толстые жгуты и затѣмъ сушатъ. Послѣ перваго сбора юнджи, поле очень быстро, безъ всякаго засѣванія, вновь покрывается свѣжею зеленью и, такимъ образомъ, бываетъ до четырехъ сборовъ юнджи съ поля въ продолженіе года. Да и бахчи даютъ по три урожая въ годъ прекрасныхъ, сочныхъ, громадныхъ дынь и арбузовъ и, фантастическихъ формъ, тыквъ. При сильной жарѣ, вслѣдствіе прожигающихъ лучей солнца, сочные, вѣчно холодные арбузы служили намъ, во время нашего пребыванія въ оазисѣ, большимъ наслажденіемъ. Но, впрочемъ, и вообще въ Ахалѣ жара переносилась легче, чѣмъ на пространствѣ отъ Чекишляра вплоть до Ходжамъ-кала, такъ какъ, во-первыхъ, вслѣдствіе уменьшившихся значительно дней, она стала не столь продолжительною, а, во-вторыхъ, каждый изъ насъ охлаждалъ себя, текущей въ изобиліи, холодной родниковой водою. Солдаты, немедленно по приходѣ въ Бами, бросились на бахчи и обчистили ихъ очень таки изрядно. Запретить имъ подобное лакомство было-бы варварствомъ, въ виду перенесенныхъ ими трудовъ и великости соблазна, а потому начальство махнуло рукою, приказавъ только отнюдь не ходить въ одиночку, а цѣлыми командами, и непремѣнно при ружьяхъ. Солдаты повеселѣли; смѣшно было смотрѣть на приспособленія, изобрѣтаемыя нѣкоторыми изъ нихъ для того, чтобъ принести къ мѣсту бивака возможно большее количество сорванныхъ дынь и арбузовъ. Лошадямъ

заложили нарубленной джугуры, что, впрочемъ, было вскорѣ воспрещено въ виду того, что въ крѣпости найденъ былъ громадный запасъ самана, который текинцы не успѣли предать сожженію передъ уходомъ и тѣмъ доставили намъ большую подмогу въ продовольственномъ отношеніи. Самана оказалось въ аулѣ масса, не говоря уже о крѣпости, гдѣ всѣ закоулки были имъ переполнены, но и по всему аулу самому неопытному глазу легко было замѣтить свѣжезасыпанныя ямы, раскопавъ которыя, открывали большіе склады прекраснаго самана. Такъ какъ, въ случаѣ обратнаго прохожденія войскъ по этому-же пути, текинцамъ гораздо легче сжечь саманъ, чѣмъ уничтожить джугуру на корнѣ, то и приказано было не трогать джугуры, а давать конямъ вволю саманъ съ ячменемъ. Въ цитадели-же оказались цѣлыми большія кучи прекрасной бѣлой соли, наполнявшей комнаты и закромы. Зданіе цитадели въ Бами состоитъ изъ неправильной формы четырехъ-угольной площади, обнесенной толстой саманной стѣною, сажени двѣ вышины и даже въ самыхъ тонкихъ мѣстахъ аршина въ два толщины; въ стѣнахъ прорѣзаны бойницы. Снаружи стѣны выкопанъ ровъ, во многихъ мѣстахъ, обвалившійся и вообще легко проходимый, да и вся цитадель, повидимому, старая, на которую текинцами, очевидно, обращалось очень мало вниманія. Внутри двора, помѣщаются, саманной-же постройки, сакли самой разнообразной формы, то отдѣльно стоящія, то прилѣпившіяся къ стѣнѣ цитадели. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ форму кибитки, другія четырехъ-угольныя, есть и въ видѣ четырехъ-угольной усѣченной пирамиды; попадаются и такія, которыхъ и форму-то трудно опредѣлить. У всѣхъ зданій очень узенькія двери и окошки, имѣющія форму бойницъ. Вообще сомнительно, чтобъ большинство этихъ зданій служило для жилья; скорѣе можно предположить, что эти постройки служатъ для склада имущества. Всѣ вообще деревянныя части построекъ, какъ-то: двери, столбы и подпорки, поддерживающія своды крыши, сдѣланы изъ какого-то твердаго и очень тяжелаго дерева; но, къ несчастью, не будучи знатокомъ древесныхъ породъ, я не могу опредѣлить—изъ какого. При обдѣлкѣ всѣхъ деревянныхъ издѣлій, едва-ли употребляютъ жители оазиса другой какой-либо инструментъ столярнаго мастерства, кромѣ топора. Въ саклѣ, выбранной мною для ночлега, свободно разгуливали маленькія мыши, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мое присутствіе; сѣрыя быстрыя ящерицы то показывались на полу, то моментально скрывались въ трещинахъ стѣнокъ; изъ правильныхъ круглыхъ дырочекъ, какъ будто умышленно пробуравленныхъ въ твердой глинѣ пола, то и дѣло выползали вялыя въ своихъ движеніяхъ мокрицы, обходя попадающихся на ихъ пути большихъ, на высокихъ ногахъ, черныхъ

жуковъ. Впрочемъ мѣстная природа не даетъ большаго простора для развитія разныхъ видовъ представителей животнаго царства, и пустыня, окружающая аулъ, вполнѣ безжизненна. Здѣсь не попадаются даже обыкновенныя степныя животныя: суслики, земляные зайцы, или тушканчики и друг. Изъ птицъ только орлы гигантскихъ размѣровъ, плавно разсѣкая своими крыльями воздухъ въ синевѣ неба, высматривая себѣ добычу — павшаго верблюда, или околѣвшую лошадь, да сѣрые жаворонки, подпрыгивая съ мѣста на мѣсто, беззаботно чирикаютъ, довѣрчиво приближаясь къ нашимъ солдатамъ, должно быть чуя, что на пути нашего слѣдованія имъ предстоитъ обильная пища, въ видѣ просыпаннаго ячменя. Дѣйствительно, тамъ, гдѣ прошелъ нашъ транспортъ или вьючный обозъ, сплошь и рядомъ, на землѣ остается слѣдомъ тропинка ячменя или овса, просыпаннаго изъ разорвавшихся холщевыхъ мѣшковъ, въ которыхъ совершается перевозка. Да и разорваться имъ не трудно: холстъ послужилъ свое время; веревка, привязывающая мѣшки къ верблюжьему сѣдлу, перетираетъ ихъ; ставшее остріемъ къ холсту зерно дѣлаетъ проколъ, постепенно расширяющійся и вскорѣ превращающійся, въ большое отверстіе,—хорошо, если своевременно затянутое войлокомъ или зашитое. Около каждой сакли обыкновенно устроено круглое, или четырехъ-угольное возвышеніе, съ углубленіемъ внутри и съ выдающимися краями,—словомъ, что-то въ родѣ корыта, служащее для накладыванія самана при кормленіи лошадей. Кругомъ цитадели, вплоть до бахчей, широко разбросано еще большее количество саклей, и наибольшая изъ нихъ, служившая мѣстомъ молитвы, — мечеть безъ минарета. По разбросанности сакель и по оставшимся на землѣ слѣдамъ видно, что въ промежуткахъ между ними стояли, въ большомъ количествѣ, кибитки. Между прочимъ много старыхъ кибитокъ, разбросанныхъ и сложенныхъ кучею, найдено нами внутри нѣкоторыхъ сакель. Сухія палки складной рѣшетки, служащей главнымъ основаніемъ кибитки, представляютъ превосходный матеріалъ для топлива, чѣмъ наши войска и не преминули воспользоваться для варки пищи и для согрѣванія чайниковъ. По найденнымъ въ сакляхъ предметамъ трудно себѣ составить понятіе объ образѣ жизни ихъ обитателей. Очевидно, что все мало-мальски годное увезено ими; остались только обломки лопатъ, гребней для расчесыванія шерсти, равно какъ и тряпокъ, да нѣсколько разбитыхъ, покрытыхъ сине-зеленоватою глазурью, кувшиновъ, большихъ размѣровъ, служившихъ, по всей вѣроятности, для храненія масла. Отсутствіе сакель, отличающихся богатствомъ отдѣлки отъ остальныхъ, подтверждаетъ собранныя свѣдѣнія о томъ, что у текинцевъ нѣтъ владѣтельныхъ особъ, и если нѣкоторымъ изъ вліятельныхъ лицъ и дается

наименованіе «ханъ», то только въ видѣ уваженія за храбрость, опытность въ руководствѣ набѣгами и знаніе пограничной мѣстности. Такихъ хановъ есть нѣсколько въ Ахалѣ; имена ихъ пользуются большимъ уваженіемъ, и далеко по степи разносится о нихъ слава. Предпринимаемые ими набѣги привлекаютъ многихъ участниковъ, и если вѣрить служившему очень долго въ Персіи французу Ферье, то созываются слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ. Задумывая идти на «аламанъ», ханъ вбиваетъ около своей кибитки пику, съ зажженнымъ, на ея оконечности, пучкомъ пакли. Замѣтивъ этотъ вызовъ охотниковъ, желающіе участвовать въ набѣгѣ втыкаютъ свои пики рядомъ съ вызывающимъ копьемъ, и ханъ ежедневно провѣряетъ ихъ число. Вѣсть о набѣгѣ быстро распространяется по оазису; глашатаи, разъѣзжая по аулу, громко выкрикиваютъ имя руководителя аламана, приглашая желающихъ попытать счастье. Когда число пикъ окажется достаточнымъ, то вождь обыкновенно объявляетъ мѣсячный срокъ, во время котораго всѣ соучастники должны приготовиться и, къ назначенному дню, собраться у его ставки. Но, руководя набѣгомъ, ханъ не имѣетъ никакой власти надъ остальными; всѣ текинцы, участвующіе въ набѣгѣ, пользуются одинаковыми правами, всѣ они соучастники въ дѣлежѣ добычи, свободны вернуться обратно, когда пожелаютъ, и если выбираютъ себѣ руководителя, то не какъ власть имущаго, а какъ человѣка бывалаго, участвовавшаго уже не разъ въ подобныхъ набѣгахъ, знающаго характеръ непріятеля, изучившаго мѣстность, выбираемую для нападенія,—человѣка, могущаго, въ случаѣ надобности, указать пункты, въ которыхъ можно хорошо укрыться при отступленіи и припрятать награбленное. Такою славою въ послѣднее время пользовались въ Ахалѣ: Софи-ханъ, Худа Вердь-ханъ, Нуръ-Верды-ханъ и другіе.

Въ виду того, что милиціонеры-туркмены ничѣмъ не отличаются въ одѣяніи отъ текинцевъ, и въ виду могущихъ произойти, вслѣдствіе этого, недоразумѣній, приказано было милиціонерамъ нашить на видное мѣсто одѣянія куски замѣтной издали красной матеріи, которую они немедленно и пришили, кто—устроивъ изъ кумача себѣ нѣчто въ родѣ погоновъ, другіе же—прикрѣпивъ лоскутъ къ рукаву. Къ вечеру 23-го подтянулась къ Бами и колонна графа Борха; такимъ образомъ сгруппировались въ томъ пунктѣ оазиса всѣ силы, всѣ части войскъ, на долю которыхъ выпало идти и попытаться подчинить, силою оружія, нежелающихъ намъ подчиниться и исполнить требованія русскаго правительства, текинцевъ. Въ Бами произошло маленькое измѣненіе въ первоначальномъ составѣ колоннъ, выразившееся въ томъ, что 23-го августа изъ Бами въ Беурму двинулась авангардная колонна, подъ командою коман-

дира Кабардинскаго пѣхотнаго полка, флигель-адъютанта полковника князя Долгорукаго, причемъ въ составъ колонны вошли слѣдующія части: баталіоны Куринскій, Кабардинскій и стрѣлковый дивизіонъ Переяславскихъ драгунъ, три взвода ракетной сотни Полтавскаго казачьяго полка кубанскаго войска, дивизіонъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, дивизіонъ 1-й конной батареи (4 орудія) Терскаго войска и четыре горныхъ орудій сводной Красноводской батареи. При этой же колоннѣ шелъ штабъ отряда, съ временнокомандующимъ экспедиціею генералъ-маіоромъ Ломакинымъ. На другой же день, т. е. 24-го числа, должна была покинуть Бами и колонна главныхъ силъ, состоявшая подъ командою начальника пѣхоты отряда, свиты Его Величества генералъ-маіора графа Борха. Мнѣ пришлось сопутствовать второй колоннѣ. Такимъ образомъ весь отрядъ, бывшій въ оазисѣ подъ общимъ начальствомъ генерала Ломакина, состоялъ изъ шести баталіоновъ пѣхоты, четырехъ сотенъ иррегулярныхъ частей, двухъ эскадроновъ драгунъ, шести ракетныхъ станковъ, 12-ти полевыхъ и четырехъ горныхъ орудій; слѣдовательно всего около 2,500 человѣкъ. Остальныя части отряда остались по пути, начиная отъ Чекишляра и кончая Бендесеномъ, прикрывая опорные пункты. Разумѣется, что какъ офицеры, такъ и солдаты оставшихся по пути частей съ завистью смотрѣли на тѣхъ, кому пришлось попасть въ части, на долю которыхъ должно было выпасть участіе въ дѣлахъ съ непріятелемъ. Первый переходъ нашей колонны въ предѣлахъ Ахалъ-текинскаго оазиса оказался очень незначительнымъ, такъ какъ состоялъ всего изъ $11^1/_2$ верстъ, притомъ верстъ настоящихъ, вымѣренныхъ цѣпью, шедшимъ все время при колоннѣ капитаномъ корпуса топографовъ, измѣрявшимъ пройденный путь при помощи возившихъ цѣпь казаковъ и, кромѣ того, по указаніямъ педометра. Двигались мы все время по дорогѣ паралельно Копетъ-дагскому хребту и въ очень близкомъ разстояніи отъ его подошвы. Собственно говоря, дороги тутъ не было; по степи же ровной и гладкой, на глинистомъ грунтѣ которой только и произрастаютъ пучки какой-то колючей травы, которую лошади не только не употребляютъ въ пищу, но старательно обходятъ, избѣгая уколовъ ея шиповъ,—вездѣ дорога для движенія. Иногда въ перемежку съ колючкой попадаются кусты растенія въ родѣ нашей полыни, сухіе стебли которой съ наслажденіемъ уничтожались нашими конями, верблюдами и баранами. Деревьевъ, кромѣ нѣсколькихъ окружающихъ водяную мельницу около Бами, вплоть до Беурмы, по пути намъ не попадалось, да и по обѣимъ сторонамъ дороги пространство, входящее въ сферу человѣческаго зрѣнія, лишено деревьевъ или кустарниковъ. На шестой верстѣ отъ Бами находится правильной формы

холмъ, повидимому, насыпной, въ родѣ нашихъ кургановъ, въ изобиліи попадающихся въ Малороссіи и Новороссійскихъ степяхъ. Съ этого холма видѣнъ Бами и отчетливо обрисовывается Беурма. Потомъ начинаются поля, на которыхъ густые остатки соломы отъ сжатой пшеницы и ячменя свидѣтельствуютъ о плодородіи страны. Вообще солома срѣзана высоко отъ корня, что заставляетъ предполагать, что текинцы жнутъ пшеницу и ячмень, а не косятъ. Раздѣленная на мелкіе участки, небольшими насыпями, пахатная земля, во время нашего пребыванія въ оазисѣ бывшая сухою и изборожденною трещинами, состоитъ изъ той же свѣтложелтой глины, только благодаря искусственному орошенію водою дающей богатые сборы плодовъ земныхъ. Поля смѣняются обширными бахчами, въ которыхъ орошеніе, повидимому, поддерживалось до послѣдняго времени, такъ что, въ нѣкоторыхъ участкахъ, ноги лошадей положительно увязали въ мокрой, липкой глинѣ. Вообще почва Ахалъ-текинскаго оазиса, какъ и всей Закаспійской пустыни, представляется проходимой только до наступленія дождей. Самый незначительный дождь, по разсказамъ уже бывавшихъ и прежде въ этомъ краѣ, превращаетъ глину въ родъ какой-то замазки, имѣющей свойство втягивать въ себя попадающійся въ нее предметъ. Лошади выбиваются изъ силъ, стараясь вырвать ноги изъ этой клейкой массы; про верблюдовъ и говорить нечего; движеніе ихъ въ это время положительно немыслимо. Сезонъ дождей, по свидѣтельству туркменъ, обыкновенно начинается съ половины сентября; дожди идутъ безпрерывно; рѣчки выступаютъ изъ береговъ, заливая окрестности; образуется сплошная жидкая масса, прекращающая сообщеніе между населенными пунктами. Масса проваловъ по всему краю объясняется этимъ свойствомъ грунта. Чѣмъ болѣе приближаемся мы къ Беурмѣ, тѣмъ яснѣе обрисовывается крѣпость, составляющая ея центръ, высоко господствующая надъ остальными строеніями. Способъ постройки, матеріалъ, употребленный для крѣпостной стѣны, ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ же въ Бами; только тутъ зданія еще болѣе разбросаны, да и вообще Беурма занимаетъ большее пространство. Паралельно линіи горъ, по окраинамъ аула, течетъ ручей, берущій свое начало изъ родниковъ, находящихся въ горахъ. Ручей, протекая по дну небольшаго оврага, огибаетъ фасъ, ближайшій къ Бами, и идетъ дальше, мимо крѣпости, такъ что два фаса Беурмы омываются этимъ ручьемъ. Нѣтъ ничего легче, какъ оставить ауль безъ воды: стоитъ только въ горахъ отвести ее по другому направленію; но текинцы или не догадались этого сдѣлать, или же родники, дающіе начало ручью, черезчуръ близки къ Беурмѣ, а потому и исправить отводъ не представило бы намъ затрудненій, вслѣдствіе чего

текинцы и рѣшили, что не стоило и предпринимать его, или же они просто напросто не обратили вниманія, равно какъ и не уничтожили запасовъ самана, пшеницы и ячменя, найденныхъ и разбросанныхъ нами въ изобиліи, подобно тому, какъ и въ Бами, не смотря на то, что авангардная колонна уже тутъ похозяйничала наканунѣ нашего прихода. Въ Беурмѣ мы не застали жителей и нашли только одного старика, сторожа бахчей, который, за старостью, предпочелъ остаться въ родномъ аулѣ и безропотно ждать своей участи, чѣмъ слѣдовать за населеніемъ. Между показаніями Тыкма-сардара и этого старика возникло разногласіе: первый увѣрялъ, что беурминцы скрылись въ Геокъ-тепе, тогда какъ старикъ говорилъ, что они, со стадами и имуществомъ, ушли въ горы, гдѣ и рѣшились выжидать результатовъ экспедиціи. На мой вопросъ, отчего жители бѣгутъ при нашемъ приближеніи, а не встрѣчаютъ насъ съ покорностью, старикъ, шамкая своимъ беззубымъ ртомъ, отвѣтилъ:

«Мы знаемъ, зачѣмъ вы пришли къ намъ. Вы услыхали, что мы добываемъ много золота и серебра, такъ и хотите насъ уничтожить и забрать наши богатства».

— «Гдѣ же вы добываете золото и серебро?»

«Изъ земли вотъ тамъ въ пескахъ», отвѣтилъ онъ мнѣ, указывая рукою на сѣверъ.

Не имѣя хорошаго переводчика, я не могъ разспросить его болѣе подробно, тѣмъ болѣе, что онъ торопился уйти къ своему шалашу на опустошаемой Бахчѣ. Плодъ ли это старческой фантазіи, или дѣйствительно оазисъ обладаетъ рудниками—такъ и осталось для меня загадкой, разгадать которую явится возможность только по окончательномъ занятіи нами этого края. Что вообще у текинцевъ много предметовъ изъ серебра—можно судить по вещамъ, добытымъ участниками набѣга на кочевья въ пескахъ у колодцевъ Ніазъ; но есть-ли это произведенія мѣстнаго искусства и матеріала, или просто награбленное у сосѣдей во время набѣговъ—вопросъ остается открытымъ. Вмѣсто того, чтобъ разбивать палатку, что представляло большое затрудненіе, такъ какъ вбить колья въ затвердѣлую глину дѣло нелегкое, я приказалъ очистить одну изъ сакель и расположился въ ней. Мое помѣщеніе заключалось въ одной высокой четырехъ-угольной комнатѣ, трехъ саженъ длины и двухъ ширины, посрединѣ которой стояли два толстыхъ столба кедроваго дерева, доходящіе до потолка, сдѣланнаго изъ досокъ, тоже кедроваго орѣха. Сажени полторы надъ поломъ, сдѣланнымъ изъ квадратныхъ кирпичей, очень твердыхъ и прочныхъ, эти два столба связывались перекладиной, назначеніе которой опредѣлить съ точностью довольно

трудно. Въ переднемъ углу комнаты сдѣланъ большой каминъ, весь закоптѣвшій; для исхода дыма въ потолкѣ оставлено отверстіе. Низенькая узкая дверь, съ главнаго фаса, и по одной двери въ двухъ боковыхъ стѣнахъ сакли составляли три входа въ эту комнату, причемъ матеріаломъ для дверей служили толстыя, тяжелыя дереревянныя доски. Всѣ двери изнутри имѣли желѣзныя цѣпи для затвора, изъ которыхъ одна очень вычурнаго рисунка и замѣчательно хорошей отдѣлки. Три узкихъ, въ видѣ бойницъ, окна едва вносятъ внутрь комнаты слабые лучи солнца, скудно ее освѣщающіе. О другихъ сакляхъ нельзя судить по этой, такъ какъ она была изъ лучшихъ въ аулѣ. Беурминская кала очень оригинальна въ фортификаціонномъ отношеніи, представляя изъ себя кругъ, обнесенный толстою, двухсаженной высоты, стѣною, съ небольшимъ впереди ея рвомъ, воротами съ одной стороны и маленькой калиткой съ другой, ей противоположной. Внутри этого круга, въ саженяхъ двадцати отъ стѣны и параллельно ей, на постепенно-возвышающейся мѣстности, возведена другая стѣна, обнимающая, такимъ образомъ, тоже круглую площадь и значительно возвышающаяся надъ первой оградой. Внутри крѣпости цѣлая масса вырытыхъ пещеръ и подземныхъ ходовъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ поставлены деревянные столбы: должно быть во избѣжаніе обваловъ. Раскапывая валявшійся въ одной изъ подобныхъ пещеръ хламъ, одинъ изъ нашихъ солдатъ нашелъ зарытую въ землѣ стальную кольчугу, состоявшую изъ мелкихъ колецъ; въ Беурмѣ найдены металическіе штампы, употреблявшіеся, по всей вѣроятности, для чеканки серебряныхъ монетъ, а однимъ армяниномъ, изъ слѣдовавшихъ за отрядомъ въ погонѣ за наживою, откопанъ былъ большой глиняный кувшинъ, наполненный отличнымъ масломъ, немедленно, по частямъ, распроданнымъ офицерамъ. Этими пріобрѣтеніями и ограничились усиленныя раскопки беурминскихъ богатствъ,—правда, произведенныя не спеціалистами и на скорую руку.

Вслѣдствіе-ли того, что отрядъ находился въ движеніи, или просто по причинѣ климатическихъ условій, но санитарное состояніе отряда настолько улучшилось съ первыхъ же дней вступленія нашего на Ахалъ-текинскую почву, что безошибочно могло назваться превосходнымъ: ни о цынгѣ, ни о кровавыхъ поносахъ ничего не было слышно, и даже лихорадки составляли рѣдкое исключеніе. 25-го августа покинули мы Беурму.

Передъ выступленіемъ колонны съ пикетовъ, стоявшихъ со стороны Бами, было сообщено, что, по направленію къ Беурмѣ двигается небольшая партія текинцевъ. Спокойное движеніе этой кучки всадниковъ въ нашу сторону, даже послѣ того, что войска уже были въ

виду, ясно показывало, что направлявшіеся къ намъ руководимы мирными намѣреніями, а не непріязненными; и, дѣйствительно, оказалось, что партія эта была депутація изъ Кизилъ-Арвата, ѣхавшая съ цѣлью изъявленія покорности къ начальнику нашего отряда. Депутація состояла изъ хана Худа-Верды и его свиты, въ количествѣ двадцати шести человѣкъ. Свита оборванная, съ ружьями всевозможныхъ, чуть не допотопныхъ, системъ, верхомъ на коняхъ, привлекла всеобщее вниманіе, въ особенности потому, что всѣмъ хотѣлось составить себѣ понятіе о текинскихъ лошадяхъ; но если-бы кто вздумалъ судить по конямъ свиты, то пришлось-бы въ нихъ разочароваться. За то вороной жеребецъ хана, дѣйствительно, поражалъ всѣхъ своею красотою, элегантностью движеній и какимъ-то необыкновенно гордымъ видомъ. Самъ ханъ, въ бараньей высокой папахѣ, въ халатѣ черной матеріи, съ красной отдѣлкой, безъ ружья, но съ кривою саблею сбоку, сгорбясь сидѣлъ на высокомъ сѣдлѣ, подергивая, обдѣланною серебромъ, уздечкой своего жеребца, то и дѣло кидавшагося на подходившихъ близко къ нему другихъ лошадей. Кизиль-арватскій ханъ, отправляясь къ генералу Ломакину съ изъявленіемъ покорности, въ то же время нисколько не скрывалъ передъ разспрашивавшими его, что вся способная носить оружіе молодежь изъ этой крѣпости ушла тоже въ Геокъ-тепе, для противодѣйствія нашему отряду. Мѣстность за Беурмой, по направленію къ слѣдующему мѣсту нашего ночлега, а именно селенію Арчманъ, ничѣмъ не отличается отъ вышеописанной, т. е. отъ Бами къ Беурмѣ, и дорога не особенно удаляется отъ горъ. Переходъ былъ изъ тяжелыхъ, такъ какъ измѣреніе показало, что нами было пройдено въ этотъ день 24½ версты, — разстояніе, пройти которое, имѣя при себѣ верблюжій обозъ, слѣдовательно двигаясь шагъ за шагомъ, крайне утомительно. Не вдалекѣ отъ Арчмана встрѣтилъ колонну конный текинецъ, сидѣвшій на прекрасной рыжей кобылѣ, съ пакетомъ въ рукахъ. Оказалось, что это было предписаніе временно-командующаго отрядомъ къ начальнику нашей колонны, по прибытіи въ Арчманъ, озаботиться охраною имущества арчманцевъ, якобы изъявившихъ покорность. Въ сущности заявленіе покорности, сдѣланное арчманцами, ни болѣе ни менѣе какъ удавшаяся уловка оставить стариковъ, дѣтей и часть женщинъ—словомъ, элементы неспособные носить оружіе—въ своемъ родномъ аулѣ въ полной безопасности, а всей могущей воевать части народонаселенія вступить въ ряды нашихъ противниковъ. Кромѣ того, къ этому же могъ принудить и недостатокъ перевозочныхъ средствъ, такъ какъ большинство жителей Арчмана принадлежатъ къ чопурамъ, т. е. къ земледѣльцамъ, вслѣдствіе чего и не имѣютъ большаго коли-

чества верблюдовъ. Сдѣлавъ распоряженіе о назначеніи часовыхъ отъ всѣхъ частей, съ цѣлью охраны имущества арчманцевъ, графъ Борхъ, съ окружавшей его свитой, направился въ Арчманъ, приказавъ войскамъ расположиться бивакомъ, не доходя до селенія на ровномъ мѣстѣ вдоль водяной канавки. Вся свита послѣдовала за начальникомъ колонны; тутъ были и офицеры разныхъ чиновъ и родовъ оружія, и милиціонеры, и переводчики, и собственная прислуга графа, среди которой рѣзко выдѣлялся вывезенный имъ изъ Туркестана сартъ, въ своемъ живописномъ костюмѣ. Тутъ же ѣхалъ казакъ-кубанецъ, въ правой рукѣ своей державшій собственный значокъ графа, назначеніе котораго—указывать, во время дѣла и на походѣ, всѣмъ, кому необходимо, гдѣ находится владѣлецъ значка. По наружному виду Арчманъ отличается отъ Беурмы тѣмъ, что весь находится въ зелени джугуры и юнджы. Тутъ же впервые встрѣчаются участки, покрытые хлопкомъ и кунжутомъ, изъ зерна котораго приготовляется кунжутное масло. Въ обыкновенное, мирное, время число жителей въ Арчманѣ доходило до 2,000; во время же нашего прихода едва-ли набралось бы кибитокъ 50. На площадкѣ противъ одного изъ трехъ, имѣющихся въ аулѣ, укрѣпленій собрался народъ, вышедшій къ намъ на встрѣчу. Ни одного молодаго, здороваго лица не оказалось въ этой толпѣ,—только едва двигавшіеся отъ старости дряхлые дѣды, разслабленные болѣзнями люди средняго возраста, да одинъ, хотя молодой, но за то страшно исхудалый и съ сильно воспаленными глазами текинецъ—стояли, молча смотря на насъ. Да и сами арчманцы не пытались насъ вводить въ заблужденіе и на разспросы отвѣчали, что вся молодежь, также какъ и изъ Кизиль-Арвата, ушла въ Геокъ-тепе, причемъ одинъ изъ нихъ увѣрялъ меня, что каждая кибитка дала по одному пѣшему или конному воину во всей землѣ Ахала, для защиты Геокъ-тепе, и что сынъ мервскаго хана, Нуръ-Верды, привелъ изъ Мерва нѣсколько тысячъ всадниковъ. Разумѣется, что при этомъ восточная натура разсказчика, вообще склонная къ преувеличенію фактовъ и желанію настращать насъ, доводила цифру нашихъ противниковъ до колосальныхъ размѣровъ.

Въ Арчманѣ три калы. Древнѣйшая изъ нихъ, пришедшая уже почти въ разрушеніе, есть, по всей вѣроятности, остатокъ крѣпостцы курдовъ, возведенной еще во время владычества здѣсь персовъ; другая состоитъ изъ стѣны, уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ давшей большія трещины и матеріаломъ для которой служили глина и булыжникъ; третья же—совершенно новая, постройка саманной работы; стѣны послѣдней ограживаютъ большую квадратную площадь, по четыремъ угламъ которой поставлены крутыя башни. Какъ въ стѣнахъ, такъ и въ башняхъ про-

дѣланы бойницы. Калы отстоятъ одна отъ другой на нѣсколько сотъ саженей. Внутри новой калы находилось нѣсколько кибитокъ, а на площадкѣ валялись большіе запасы сухой юнджи. Женское населеніе этихъ кибитокъ, при нашемъ появленіи, не обратило на насъ ни малѣйшаго вниманія: одна изъ представительницъ, какъ стояла наклоненною къ вымываемому ею кагану и къ намъ спиною, такъ и не обернулась ни разу, продолжая свое занятіе, причемъ даже женское любопытство не заставило ее поинтересоваться никогда невидѣннымъ ею зрѣлищемъ. Внутренность кибитокъ была пуста и въ нихъ не находилось почти никакого имущества. Очень можетъ быть, и даже по всей вѣроятности, что, не довѣряя нашей честности, текинцы, рискнувшіе остаться на своихъ мѣстахъ, при нашемъ приближеніи все-таки рѣшили припрятать подальше все могущее соблазнить охотниковъ до чужой собственности и замѣнили чудные ковры поистертыми войлоками. Нѣсколько саманныхъ построекъ, впрочемъ, въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ въ пройденныхъ уже нами селеніяхъ, тоже служатъ помѣщеніями какъ для жилья, такъ и для складовъ, и расположены не на площади, а однѣ внутри участковъ пахатной земли (причемъ нѣкоторые изъ этихъ участковъ огорожены саманными, аршина въ полтора вышиною, стѣнками); другія же поставлены вдоль дороги, одна около другой. Водопроводныя, ирригаціонныя канавы пересѣкаютъ весь аулъ по разнымъ направленіямъ, оплодотворяя поля. Вода на вкусъ такая же, какъ и въ Беурмѣ и въ Бами, т. е. чистая, вкусная и холодная. Офицеры отряда разсчитывали купить у жителей что нибудь съѣстное, чтобы хоть немного поваріировать меню нашихъ обѣдовъ, которыхъ постояннымъ мяснымъ кушаньемъ была баранина во всѣхъ видахъ; но надежды оказались несбыточными: текинцы, повидимому, тщательно припрятали даже своихъ куръ и вообще всякую живность, такъ что, кромѣ ограниченнаго числа, доставшагося на долю нѣкоторыхъ баловней судьбы, въ аулѣ не было возможности ничего достать ни за какую плату. Такъ что всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя у арчманскихъ жителей, ограничились нѣсколькими курицами, десяткомъ или двумя яицъ, да небольшимъ количествомъ чурековъ, причемъ, при незнаніи цѣны нашимъ деньгамъ, выходило очень оригинально при торгѣ съ ними. Узнавъ о существованіи у русскихъ двугривенныхъ, по татарски «абазъ», текинцы, ухватившись за это слово, начали требовать за все «абазъ»; принесетъ три яйца или курицу, либо арбузъ—на все одна цѣна. Спрашиваете вы текинца, что ему слѣдуетъ за курицу, получаете въ отвѣтъ: «биръ (1) абазъ»; бе-

(1) Биръ—одинъ.

рете десятокъ яицъ—биръ абазъ, кувшинъ молока—биръ абазъ, двѣ курицы—биръ абазъ; словомъ, другой цѣны, какъ «биръ абазъ», отъ насъ не требовали. Къ вечеру горные жители Нухура, здѣшніе евреи, доступъ къ аулу которыхъ со стороны Ахала очень затруднителенъ, пришли въ Арчманъ, привезя на спинахъ маленькихъ ешаковъ большія плетеныя корзины, наполненныя виноградомъ, крупнымъ, бѣлымъ, замѣчательно вкуснымъ и сладкимъ. Виноградъ былъ немедленно разобранъ, и нухурцы только сожалѣли, что привезли его въ черезчуръ незначительномъ количествѣ. Нухурцы, вообще, не помогая текинцамъ, держали себя относительно насъ совершенно нейтрально, такъ что, не нарушая своихъ къ нимъ дружественныхъ отношеній, и насъ встрѣтили какъ друзей. «Кто возьметъ верхъ, тотъ и правъ», думали они. Лагерь нашей колонны расположился въ верстѣ отъ аула, и для начальства установлены были жителями въ этомъ мѣстѣ три кибитки, съ настланными внутри ихъ на землѣ отличными войлоками.

Солдаты и казаки сперва было бросились къ джугурѣ, чтобы накормить «скотинку», но пикеты пріостановили ихъ рвеніе, а вскорѣ и жители пришли и сами указали на ямы, съ поверхности которыхъ слѣдовало только снять верхній слой земли,—и открывалось количество самана, вполнѣ достаточное для насыщенія коней всего отряда. Кромѣ того, окружавшія насъ сжатыя поля и пустыня съ травою давали верблюдамъ отличное пропитаніе. Съ приходомъ въ оазисъ наши верблюдоводжатые уже перестали бѣгать изъ отряда и не бросали своихъ верблюдовъ, да оно и понятно: бѣжать некуда, да и пробовать опасно: того и смотри, что попадешь къ текинцамъ въ вѣчное рабство, а потому они и начали, мало-по-малу, привязываться къ части, за которою слѣдовали, и наблюдать за своими верблюдами. У тѣхъ изъ начальниковъ частей, которые обходились съ ними ласково, относились къ нимъ внимательно, опрашивали ихъ нужды и входили въ ихъ положеніе, положительно они даже соблюдали интересъ части, подмѣнивая своихъ ослабѣвшихъ верблюдовъ на здоровыхъ, сильныхъ,—что ими дѣлалось по обоюдному соглашенію съ недовольными, почему-либо, своимъ начальствомъ—соотечественниками. Интересно наблюдать за этими неприхотливыми въ своихъ нуждахъ людьми, одѣтыми во всевозможное отрепье (съ головнымъ уборомъ изъ войлока, такой формы, какую не въ силахъ создать самая богатая фантазія), въ сильную жару зачастую ходящими по поясъ обнаженными, питающимися жареною бараниною, какою-то похлебкой и мучными, на бараньемъ жирѣ, лепешками.

Въ Арчманѣ мнѣ пришлось впервые увидать соху, употребляемую текинцами. Соха небольшая, съ желѣзнымъ рѣзцомъ, запрягаемая обык-

новенно двумя верблюдами, очень рѣдко быками; другихъ-же земледѣльческихъ орудій, во всю мою бытность въ оазисѣ, мнѣ не пришлось встрѣчать. Рогатый скотъ у ахалъ-текинцевъ вообще мелкій, съ горбомъ на спинѣ и большими рогами; бараны обыкновенно курдючные, съ большимъ наплывомъ жира, причемъ въ стадахъ очень много козловъ. По улицамъ Арчмана встрѣчается много большихъ сторожевыхъ собакъ, попадаются и борзыя, тонкія, рослыя, съ длинною шерстью на ушахъ, придающей имъ какой-то старушечій видъ. Про рѣзвость послѣднихъ говорятъ много; но что приходится имъ преслѣдовать—понять не могу; развѣ, что гдѣ нибудь дальше попадается какая-либо быстроногая живность и, можетъ быть, въ пескахъ есть какая нибудь пожива; но тутъ положительно никакой. Насколько текинцы цѣнятъ борзыхъ собакъ и дорожатъ хорошей породой, можно заключить изъ того, что у нѣкоторыхъ сукъ надѣты деревянныя ceinture de chasteté, очень оригинальнаго устройства.

Едва утренняя заря зарумянила горизонтъ, какъ уже мы были на ногахъ и двигались, углубляясь, все болѣе и болѣе, въ таинственный край, причемъ дорога перемѣнила, паралельное горному кряжу, направленіе и отклонилась болѣе къ сѣверу. Уклоненіе было самое незначительное и совершалось по мѣстности, совершенно однообразной съ пройденными наканунѣ и вообще со дня нашего вступленія въ оазисъ.

Все та же безжизненная пустыня безъ растительности, та же пыль, подымаемая малѣйшимъ порывомъ вѣтра, разгуливающимъ свободно по мѣстности, гдѣ ему нѣтъ на пути никакихъ препятствій, гдѣ онъ не встрѣчаетъ никакой задержки; пыль, засыпающая глаза, набивающаяся въ ноздри, какъ будто покрывающая преждевременною сѣдиною, а у нѣкоторыхъ дополняющая уже существующую просѣдь усовъ и бороды и придававшая сѣроватый оттѣнокъ нашимъ загорѣвшимъ лицамъ, спаленнымъ жгучими лучами лѣтняго солнца. Однообразіе пути нарушается хотя немного находящимся на 13-й верстѣ отъ Арчмана селеніемъ Сунча, имѣющимъ неизбѣжную калу, общепринятаго квадратнаго образца, большую канаву, наполненную водой, и попадающіяся впервые на нашемъ пути по оазису раскидистыя съ густою листвою тутовыя деревья. Возвышающіяся посреди глиняныхъ желтыхъ строеній большія деревья придаютъ селенію живописный видъ, но я сомнѣваюсь, чтобы, собственно въ этомъ пунктѣ, были посажены тутовыя деревья съ цѣлью разведенія шелковичныхъ червей, такъ какъ въ аулѣ нигдѣ не замѣтно приспособленій къ шелководству. Вообще кажется, что шелководствомъ занимаются только жители болѣе восточныхъ поселеній Ахала, поселеній, расположенныхъ вблизи границы, отдѣляющей земли Ахала отъ безвод-

ной пустыни, за предѣлами которой начинается Мервъ. Невдалекѣ отъ аула, вправо отъ дороги, по теченію канавки, стоитъ водяная мельница, съ большимъ деревомъ впереди, въ тѣни котораго, созерцая падающій съ высоты водопадъ, мы присѣли сдѣлать привалъ, закусить, отдохнуть и напиться хорошей холодной воды. Еще 6½ верстъ пути—и новый аулъ Мурча, и только въ десяти верстахъ отсюда мѣсто остановки для ночлега—Дурунъ. Здѣсь произошло соединеніе обѣихъ колоннъ, т. е. авангардной съ главными силами, отдѣленіе которыхъ одна отъ другой было вызвано удобствомъ движенія, которое, въ виду близости противника, не должно было быть принимаемо въ разсчетъ. Посреди аула возвышается стѣна укрѣпленія съ большими воротами. Кала эта, какой-то неправильной формы съ большимъ рвомъ не снаружи стѣны, а внутри калы, и съ новою, другою, стѣною, подобно беурминской, составляющей, такъ сказать, калу въ калѣ.

Авангардная колонна, имѣвшая въ Дурунѣ наканунѣ дневку, расположилась такимъ образомъ, что верблюдовъ загнали во внутренную калу, кавалерію помѣстили между первой и второю стѣною, во рву, а штабъ и вся пѣхота расположились въ селеніи. Весь аулъ не обширенъ; саманныя постройки самыхъ разнообразныхъ формъ, въ которыхъ сохранилась еще кое-какая не вывезенная домашняя рухлядь; большіе запасы самана, внутри строеній и въ ямахъ, кое-гдѣ зарытые ячмень и пшеница, масса «тандыровъ» (ямъ, вырытыхъ для разведенія въ нихъ огня и для печенія чурековъ), еще какихъ-то ямъ, правильно выкопанныхъ (безъ слѣдовъ костровъ), назначеніе которыхъ я не могу себѣ уяснить;—кругомъ селенія засѣянныя поля, разграниченныя саманными стѣнками на участки. Остатки кибитокъ, въ видѣ верхняго круга или боковой рѣшетки, немедленно расхватывались войсками и шли для разведенія огней, для варки пищи, для согрѣванія чайниковъ съ драгоцѣннымъ, во всякомъ походѣ и въ особенности въ степномъ, напиткомъ. До Дуруна наша авангардная колонна, также какъ и мы, не встрѣчала ни одной непріятельской партіи и прошла безъ выстрѣла; только подъ Дуруномъ показалась конная партія текинцевъ, прогнанная немедленно нашими милиціонерами. Но въ Дурунѣ, въ ночь съ 25-го на 26-е, была перестрѣлка, происшедшая при слѣдующихъ обстоятельствахъ: нужно замѣтить, что впереди водяной канавки, къ которой водили нашихъ лошадей на водопой, находилась другая небольшая кала, кругомъ которой на далекое пространство тянутся поля, засѣянныя саженною джугурою. На это обстоятельство не было обращено вниманія, и передняя кала не была занята никакою частью, а текинцы не замедлили воспользоваться этимъ промахомъ, засѣвъ въ джугурѣ. Первый текинскій

выстрѣлъ раздался, когда драгуны повели лошадей на водопой, и результатомъ его былъ сильно раненый драгунъ съ перебитой ногой повыше колѣна. Затѣмъ убили казачью лошадь. Очевидно было, что виновникъ выстрѣла невдалекѣ; но засѣянныя поля тянутся на такое пространство, что всѣ поиски не имѣли результатовъ и оказались тщетными. Наступила темнота; на бивакѣ все утихло; послѣ дневныхъ трудовъ, утомленные люди искали отдохновенія во снѣ; только часовые, да аванпосты бдительно наблюдали, охраняя отрядъ, какъ вдругъ, въ темнотѣ, заблистали изъ джугуры огоньки; громкіе выстрѣлы текинскихъ ружей огласили безмолвную дотолѣ мѣстность, и пули стали проноситься все чаще и чаще надъ головами дотолѣ мирно спавшихъ. Цѣпь завязала перестрѣлку; пошли впередъ охотники, но вернулись ни съ чѣмъ; пользуясь знаніемъ мѣстности и темнотой ночи, текинцы, во время ночной перестрѣлки, не нанеся нашимъ войскамъ ни малѣйшаго матеріальнаго ущерба, но, во всякомъ случаѣ, причинивъ много безпокойства, скрылись и больше въ эту ночь не появлялись.

Въ день нашего прихода въ Дурунъ войска авангарда занимались усиленною рубкою джугуры въ окрестностяхъ своего расположенія. Мѣра эта была положительно необходимою и вполнѣ цѣлесообразною. Вскорѣ послѣ нашего прихода произошла новая тревога: прискакали нѣсколько дагестанцевъ, ѣздившихъ къ сосѣднему, расположенному поближе къ горамъ аулу, на рекогносцировку и заявили, что были встрѣчены, при приближеніи къ аулу, сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Немедленно была туда отправлена рота пѣхоты, одно горное орудіе и сотня дагестанцевъ. Начальникъ отряднаго штаба, полковникъ Малама, полковникъ князь Долгорукій и много другихъ офицеровъ, изъ любопытства, поѣхали свободными зрителями при этой маленькой колоннѣ. При приближеніи къ аулу, впереди его, въ полѣ оказалось нѣсколько одинокихъ саманныхъ башенъ, вообще встрѣчающихся зачастую по оазису. Нѣкоторыя изъ этихъ башенъ съ дверцами и бойницами; другія-же—со ступеньками снаружи и съ углубленіемъ наверху; цѣль ихъ—защита, отдѣльными лицами, полей отъ нападенія. Съ одной изъ подобныхъ башенъ, при приближеніи вызванныхъ по тревогѣ войскъ, стало послѣдовательно раздаваться нѣсколько безрезультатныхъ выстрѣловъ. Началась перестрѣлка съ нашей стороны, но ни откуда, кромѣ башенки, не получалось отвѣта наверху башни то и дѣло показывалась чья-то фигура, потомъ быстро раздавался выстрѣлъ, и фигура немедленно исчезала. По непріятельскому стрѣлку обыкновенно раздавалось очень много нашихъ выстрѣловъ, и войска все болѣе и болѣе приближались къ башнѣ, изъ которой огонь вскорѣ окончательно прекратился. Нѣсколько человѣкъ бросилось къ

башнѣ и взошли въ нее; и что же въ ней оказалось? Старуха-текинка, отпущенная немедленно на всѣ четыре стороны, и убитый старикъ, не устрашившійся роты пѣхоты, орудія и сотни кавалеріи и защищавшій до смерти свой родной кусокъ земли. На полу валялись три ружья. Больше нигдѣ ничего не было найдено, и войска вернулись обратно въ Дурунъ.

Не смотря на то, что, повидимому, Геокъ-тепе не должно было быть далеко отъ Дуруна, все-таки не было никакой возможности узнать, сколько приблизительно до него верстъ. Вообще, экспедиція 1879 года составляла рѣдкій примѣръ въ исторіи походовъ, такъ какъ при отрядѣ не было ни одного лазутчика и ни за какія деньги нельзя было раздобыть таковаго среди текинцевъ, ни за какую цѣну не желавшихъ продавать интересы своего роднаго края.

На другой день, т. е. 27-го августа, выступилъ весь отрядъ, въ полномъ составѣ, изъ Дуруна, и, пройдя мимо селеній *Караганъ*, *Агтепа* и *Мехинъ*, не встрѣтилъ на пути ни одного текинца; сдѣлавъ въ этотъ день $22^1/_2$ версты, вступили мы въ Яраджу,—селеніе, въ которомъ находились тоже двѣ старыя калы. Въ Яраджѣ отрядъ расположился бивакомъ, среди полей, засѣянныхъ джугурою и юнджею по обѣимъ сторонамъ протекавшаго ручья, имѣя калу въ центрѣ расположенія. Отрядъ образовалъ общее каре, и такъ какъ поля были обнесены невысокими, глиняными стѣнками, то, чтобы не разъединять частей отряда, пришлось прорубать затвердѣвшую глину. Верблюды на ночь были положены въ серединѣ отряда; несчастнымъ животнымъ былъ данъ обильный кормъ, сочной джугуры, вкусной юнджи.

Такъ какъ Тыкма-сардаръ заявилъ, что отъ Яраджи Геокъ-тепе отстоитъ всего на одинъ переходъ, то штабъ приступилъ къ составленію плана предстоящаго движенія въ виду непріятеля. Войска были утомлены, въ особенности-же пѣхота въ колоннѣ графа Борха, въ которой войскамъ пришлось сдѣлать 103 версты въ пять дней, да притомъ еще безъ единой дневки и двигаясь шагъ за шагомъ съ верблюжьимъ обозомъ. Между тѣмъ, медлить было невозможно, такъ какъ отрядъ рисковалъ остаться безъ необходимаго провіанта и фуража, разсчитаннаго всего лишь на 15 дней, а потому и было рѣшено немедленно идти на Геокъ-тепе и постараться рѣшительнымъ ударомъ взять этотъ пунктъ съ боя. Войска подготовлялись къ предстоявшему дѣлу; оружіе чистилось, оттачивались шашки, доктора приводили въ порядокъ свои перевязочныя принадлежности, отнюдь не ожидая, чтобъ въ нихъ явилась большая надобность; всѣ ждали слѣдующаго утра съ нетерпѣніемъ. Вечеромъ было отдано приказаніе усилить бдительность сторожевыхъ частей, въ виду

могущаго быть ночнаго нападенія со стороны текинцевъ, подъ покровомъ ночной темноты. Нужно замѣтить, что въ то время были до того темныя ночи, что ни зги не было видно. Части получили приказъ относительно выступленія и движенія на слѣдующій день, т. е. 28-го августа. На основаніи этого приказа авангардъ долженъ былъ выступить въ три часа утра, въ томъ-же составѣ, въ какомъ былъ все время на походѣ по оазису, имѣя при себѣ лишь по 25 верблюдовъ на баталіонъ, т. е. minimum того, что было нужно для поднятія патроновъ и самыхъ необходимыхъ предметовъ. Въ четыре часа должны были выступить главныя силы, а черезъ часъ послѣ нихъ всѣ остальные верблюды, составлявшіе отдѣльный вагенбургъ, подъ прикрытіемъ шести сборныхъ ротъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ и сотни Таманскаго казачьяго полка. Вагенбургъ этотъ былъ поставленъ подъ команду Кабардинскаго полка капитана Кегамова.

Съ перваго взгляда можно было опредѣлить, что отрядъ черезчуръ незначителенъ, въ виду того, что роты баталіоновъ, идущихъ въ дѣло, сильно поубавились въ составѣ, такъ какъ болѣзни и смерть, со времени перехода этихъ войскъ на восточный берегъ Каспійскаго моря, вырвали не мало жертвъ изъ ихъ рядовъ, да притомъ еще надо было удѣлить часть для составленія сборныхъ ротъ при верблюжьемъ транспортѣ. Число штыковъ въ каждомъ баталіонѣ едва доходило до 250-ти, а были роты и въ 50 человѣкъ.

Но, не смотря на это, всѣ были убѣждены въ полномъ разгромѣ текинцевъ и боялись только, чтобы они не убѣжали при нашемъ приближеніи. До чего была велика эта увѣренность, можно судить по тому, что, при выступленіи изъ Яраджи, вдругъ разнесся слухъ, что текинцы ночью бѣжали изъ Геокъ-тепе, что мы снова застанемъ пустой аулъ, и это извѣстіе повергло многихъ въ уныніе. Кто бывалъ въ дѣлахъ съ нашими войсками, тотъ знаетъ, что вообще до вступленія въ сферу непріятельскихъ выстрѣловъ у нашего солдата нельзя замѣтить, по крайней мѣрѣ наружно, ни малѣйшаго волненія; утро передъ боемъ, хотя и объявленнымъ по войскамъ, ничѣмъ не отличается отъ самаго спокойнаго мирнаго утра; въ день же Геокъ-тепинскаго дѣла можно было вообразить себѣ, что войска идутъ на какой нибудь маневръ.

Едва забрезжилъ свѣтъ, какъ по биваку поднялся шумъ отъ собравшагося въ путь авангарда; заревѣли верблюды, навьючиваемые солдатскимъ и казеннымъ скарбомъ; то и дѣло стали разноситься громко передаваемыя приказанія. Всѣ войска, какъ авангарда, такъ и главныхъ силъ, уже съ двухъ часовъ, или съ половины третьяго, не могли спать, и только нѣкоторыя исключительныя натуры не просыпались, не смотря

на шумъ и гамъ, обыкновенно происходящіе при поднятіи войскъ съ мѣста ночлега.

Авангардъ долженъ былъ выступить по направленію къ Геокъ-тепе, остановиться въ четырехъ верстахъ отъ мѣста ночлега для того, чтобы, подъ его прикрытіемъ, могъ подняться остальной отрядъ, а, главное, чтобъ дать возможность установиться вагенбургу. На мѣстѣ остановки князь Долгорукій долженъ былъ ждать приказанія, когда двинуться дальше.

Къ пяти часамъ утра главныя силы уже были собраны и вполнѣ готовы къ выступленію; но ихъ задержали, чтобы дать возможность устроиться верблюжьей колоннѣ, что оказалось дѣломъ очень и очень не легкимъ. Временно-командующій отрядомъ, генералъ-маіоръ Ломакинъ, объѣхавъ и поздоровавшись съ войсками, сопутствуемый громадной свитой, перешедшей къ нему, какъ наслѣдство, послѣ генерала Лазарева, вслѣдъ затѣмъ отправился къ авангарду. Въ шесть часовъ тронулись главныя силы въ походномъ порядкѣ и вскорѣ вошли въ небольшое ущелье, образовавшееся песчаными насыпными холмами. Любо было смотрѣть на молодцоватыхъ рослыхъ гренадеръ, героевъ послѣдней войны, представителей полковъ, прошлое которыхъ — цѣлый рядъ геройскихъ подвиговъ,—на «приземистыхъ» ширванцевъ, уже третій годъ оберегавшихъ наши окраины, мужественно перенося массу лишеній и каждый годъ совершая сотни верстъ, при рекогносцировкахъ пустынь Закаспійскаго отдѣла, на низенькихъ стрѣлковъ, къ которымъ такъ примѣнима пословица «малъ—да удалъ», да и вообще на всѣ части кавказской арміи.

Раннее утро было жаркое и предвѣщало очень знойный день. Мокрыя отъ пота артилерійскія лошади, дружно налегая на лямки, выносили орудія и зарядные ящики, глубоко врѣзывавшіеся колесами въ сыпучій песокъ, къ счастью тянущійся не на далекое пространство и вскорѣ замѣняемый прежнею утрамбованною глиною. Надъ сѣрыми парусинными верхами санитарныхъ одноколокъ общества «Краснаго креста» высоко развѣвался большой бѣлый флагъ, съ нашитымъ на немъ краснымъ крестомъ—эмблемою общества. За каждою частью шло по нѣсколько штукъ верблюдовъ съ боченками, наполненными водою, съ запасными патронами и необходимыми вещами. Люди имѣли при себѣ двухдневную порцію сухарей и вареной баранины, а для лошадей кавалеріи—по три гарнца овса. Начиналась и замыкалась колонна полусотнями волгскихъ казаковъ.

Графъ Борхъ, находя черезчуръ рискованнымъ оставленіе всего вагенбурга подъ охраною лишь шести неполныхъ ротъ, приказалъ вагенбургу двигаться немедленно за его колонною, что и было приведено въ

исполненіе. Вскорѣ мы вышли на ровное мѣсто, и тотчасъ же было приступлено къ построенію боеваго порядка. Боевой порядокъ, самый удобный для движенія въ степи, есть каре, въ которомъ фасы составляетъ пѣхота; артилерія же, запасные верблюды и все остальное помѣщаются въ серединѣ, причемъ орудіямъ очень легко выѣхать на поддержку какого угодно фаса. Перестроивъ войска въ эту сомкнутую, готовую со всѣхъ сторонъ къ отраженію атаки, колонну, двинулись главныя силы впередъ, направляясь, по указанію Тыкма-сардара, къ Геокъ-тепе. Движеніе было очень медленное: то и дѣло приходилось останавливаться и выжидать приближенія шагъ за шагомъ идущаго обоза. Солнце пекло немилосердно и, какъ на зло, по дорогѣ не попадалось ни капли воды; воду же изъ боченковъ приказано было расходовать осторожно, такъ какъ нельзя было быть увѣреннымъ, что впереди найдемъ ее.

Уже мы прошли болѣе 12-ти верстъ, т. е. разстояніе, указываемое проводниками отъ Яраджи до Геокъ-тепе, а впереди разстилалась все та же пустыня; справа отъ насъ тянулись тѣ же горы—и нигдѣ ни малѣйшихъ признаковъ пресловутой Геокъ-тепе. Слѣва тянулись наносные песчаные бугры, скрывавшіе отъ взглядовъ дальнѣйшую мѣстность. Наконецъ, вправо отъ насъ, показалась отдѣльная маленькая кала, а немного дальше—покрытый зеленью небольшой аулъ. Желая узнать, нѣтъ-ли около этихъ строеній непріятеля, начальникъ колонны приказалъ пойти полусотнѣ Волгскаго коннаго полка Терскаго казачьяго войска, шедшей въ авангардѣ, по тому направленію, разсмотрѣть, открыть непріятеля и, не затѣвая дѣла, въ случаѣ наступленія противника—отстрѣливаясь, отступить къ колоннѣ. Тридцать терцевъ, составлявшихъ полусотню, не успѣли отойти на полверсты отъ колонны, какъ въ подкрѣпленіе къ нимъ было присоединено 15 милиціонеровъ Самада, и они, вмѣстѣ соединившись, направились къ аулу, вскорѣ приславъ донесеніе, что большое количество непріятельской конницы направляется къ аулу, у котораго и собирается. Другая полусотня волгцевъ была взята изъ аріергарда и послана влѣво отъ колонны, чтобы цѣпью освѣщать впереди лежащую мѣстность, и двигалась впередъ, но ничего передъ нею не показывалось.

Подойдя на разстояніе ружейнаго выстрѣла, авангардная полусотня, разсыпавшись, начала перестрѣлку съ собравшимися текинцами, безплодно отстрѣливавшимися изъ своихъ старинныхъ ружей. Между тѣмъ, число непріятельскихъ всадниковъ все увеличивалось и увеличивалось; глазъ опытнаго кавалериста опредѣлилъ бы эту массу не менѣе 800 человѣкъ; стрѣльба казаковъ по этой массѣ стала все болѣе и болѣе

учащенною; отдѣльные джигиты-текинцы, выдѣлившись отъ остальныхъ, выскакивали впередъ, подлетали къ нашей цѣпи, и, грохнувъ изъ своихъ большекалиберныхъ ружей, ускакивали обратно. Вдругъ вся масса заколыхалась и, поднявъ густое облако пыли, помчалась съ гиканьемъ и крикомъ на нашихъ. Казаки стали отступать, постоянно отстрѣливаясь, сперва на шагу, потомъ рысью.

Встрѣтить атакою, кучкѣ въ 50 человѣкъ, восьмисотенную массу было бы дѣломъ, очевидно, безразсуднымъ, а потому сотенный командиръ, хорунжій Татоновъ, приказалъ, отступая, усилить огонь, надѣясь этимъ удержать ихъ напоръ и разсчитывая, въ случаѣ надобности, успѣть уйти отъ ихъ преслѣдованія; но казаки увлеклись своею беззавѣтною удалью, не приняли во вниманіе быстроты текинскихъ коней, благодаря которымъ вскорѣ, въ виду всей колонны, смѣшались казаки съ текинцами, и началась отчаянная рубка. Пошли въ ходъ шашки; нѣкоторые оборонялись берданками и, въ виду несоразмѣрности силъ, отъ казаковъ немного осталось бы, еслибы не пущенная орудіемъ, выѣхавшимъ на позицію, граната, удачно разорвавшаяся въ самой массѣ непріятеля. Незнакомый убійственный снарядъ сразу пріостановилъ ихъ натискъ, освободивъ полусотню, присоединившуюся къ отряду.

Очнувшись отъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго гранатой, текинцы снова стали собираться, массируясь впереди хвоста нашей колонны и угрожая нашему вагенбургу. Еще нѣсколько вполнѣ удачныхъ выстрѣловъ нашей 4-й батареи 20-й артилерійской бригады заставили текинцевъ быстро убраться восвояси, причемъ они, на рысяхъ, проѣхали впереди головы нашей колонны, впрочемъ внѣ ружейнаго выстрѣла.

Результатомъ этой кавалерійской схватки были четыре убитыхъ казака, три милиціонера и нѣсколько лошадей. Раненыхъ не оказалось. Изъ волгцевъ трое были убиты холоднымъ оружіемъ, одинъ же выстрѣломъ въ упоръ, такъ что отъ пыжа даже загорѣлось платье.

Во время этой рукопашной схватки сотенный командиръ, хорунжій Татоновъ, совершилъ подвигъ, не такъ-то часто попадающійся въ хроникѣ боевыхъ дѣлъ. Случаи спасенія въ минуту опасности нижнимъ чиномъ своего офицера бывали; но, обратно, вывозъ солдата офицеромъ изъ боя и спасеніе его жизни — крайне рѣдкій случай. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ у казака Терехова была убита лошадь; едва онъ успѣлъ вскочить на ноги, какъ на него налетѣлъ текинецъ и уже готовъ былъ, шашечнымъ ударомъ, сразить спѣшеннаго казака, какъ самъ свалился съ лошади, ссаженный пулею нерастерявшагося Терехова; другой текинецъ приложился изъ ружья и собирался выстрѣломъ убить его, но Тереховъ, моментально зарядивъ берданку, убилъ и этого. Въ

это время возлѣ него очутился Татоновъ, видѣвшій все это. Надо было непремѣнно вывезти героя и спасти его, а потому Татоновъ крикнулъ молодцу-казаку вскочить къ нему на сѣдло. Тереховъ вспрыгнулъ, лошадь выдержала, и сотенный командиръ вывезъ изъ боя своего подчиненнаго.

Пріостановившаяся въ виду этого боеваго эпизода колонна, послѣ погребенія тѣлъ, двинулась дальше. Вскорѣ отъ авангарда показался скачущій по нашему направленію всадникъ, вдругъ исчезнувшій за однимъ изъ холмиковъ. Колонна продолжала свое движеніе, и впереди идущіе наткнулись на лежащее на землѣ тѣло. Трупъ оказался голымъ, съ отрѣзанною головою, раздвинутыми руками и разрубленными грудью и животомъ, въ который былъ всунутъ красный погонъ съ буквою П., ясно опредѣлявшей принадлежность убитаго къ Полтавскому казачьему полку. Какъ впослѣдствіи оказалось, онъ былъ посланъ съ запиской изъ авангарда къ графу Борху и пойманъ воспользовавшимися неровностью мѣстности и отдаленностью разстоянія текинцами.

Похоронивъ новую жертву, стали мы приближаться къ возвышающейся постепенно, хотя очень незначительно, мѣстности, откуда открылся намъ видъ на мѣсто дѣйствія авангарда, стрѣльбу котораго уже намъ было слышно довольно продолжительное время. Вотъ что открылось передъ нашими глазами: прямо впереди насъ возвышалась глиняная кала, окруженная валикомъ, около котораго по фасу, обращенному къ намъ, текъ по канавкѣ ручей. У воды толпились люди и лошади; на площадкѣ передъ калой, въ тѣни одиночныхъ деревьевъ, расположился отрядный штабъ. Влѣво отъ калы, верстахъ въ двухъ, находился аулъ, должно быть брошенный жителями, по крайней мѣрѣ безмолвствовавшій. Между калою и ауломъ была мельница, построенная по теченію канавки. Впереди калы и правѣе ея, ближе къ горамъ, громадный аулъ, какъ впослѣдствіи оказалось, именуемый Денгиль-тепе.

При приближеніи къ калѣ я слѣзъ съ лошади и вошелъ по мостику на площадку, гдѣ господствовало сильное оживленіе. На травѣ, по гребню валика, сидѣлъ начальникъ отряда съ своимъ штабомъ и свитою. Всѣ были подъ впечатлѣніемъ геройской смерти четырехъ текинцевъ, запершихся въ мельницѣ и не сдававшихся. Вотъ что я узналъ о дѣйствіи авангарда при приходѣ къ аулу.

Когда авангардъ, въ боевомъ порядкѣ, имѣя въ головѣ сотню Дагестанскаго коннаго полка, позади нея четыре конныхъ орудія съ сводно-стрѣлковымъ баталіономъ и полуротой саперовъ, по правому фасу—куринцевъ, по лѣвому—кабардинцевъ, въ срединѣ—вагенбургъ и въ аріергардѣ—остальную кавалерію со взводомъ горныхъ орудій, сталъ подхо-

дить къ водяной канавкѣ, текущей мимо калы, то, не доходя до нея слишкомъ на 1000 шаговъ, наши войска увидѣли сперва старуху, шедшую прямо имъ на встрѣчу, какъ говорятъ, по существующему у текинцевъ обычаю, для успѣха всегда это дѣлающими, а затѣмъ массу текинцевъ, высыпавшихъ изъ калы и сзади нея быстро направлявшихся на авангардъ. Толпа въ нѣсколько тысячъ вся была пѣшая и сперва шла медленно, но вдругъ гикнула и, подкидывая къ верху папахи, бросилась по направленію къ нашимъ. До того это смѣлое движеніе толпы казалось невѣроятнымъ, что многіе предполагали въ подбрасываніи къ верху папахъ знакъ выражаемой покорности и сдачи, и только блескъ потрясаемыхъ сабель, выстрѣлы и стремительность атаки свидѣтельствовали о вовсе немирномъ настроеніи наступавшихъ. Послѣдовало нѣсколько залповъ съ нашей стороны, и наступавшіе обратились въ бѣгство. На ихъ плечахъ ворвались стрѣлки въ калу и продолжали преслѣдовать почти до аула, но данъ былъ отбой; пѣхота остановилась и, разсыпавъ цѣпь, начала перестрѣлку. При преслѣдованіи на долю стрѣлковъ выпало много ручной штыковой работы. Кала осталась въ нашихъ рукахъ; въ ней немедленно былъ устроенъ перевязочный пунктъ, а около нея расположился отрядный штабъ, какъ въ пунктѣ, съ котораго легко было наблюдать за цѣлью дальнѣйшаго дѣйствія, т. е. за аломъ Денгиль-тепе.

Уже эта вылазка, атака нестройной, неорганизованной толпы на правильно идущую колонну показала, что мы будемъ имѣть дѣло не съ простыми «халатниками», а съ врагомъ рѣшительнымъ, отважнымъ. О храбрости же отдѣльныхъ личностей можно судить по слѣдующему эпизоду.

На углу канавы, окопанной кругомъ калы, находилась маленькая мельница, изъ которой то и дѣло стали раздаваться выстрѣлы. Вызвали охотниковъ взять эту мельницу и ея защитниковъ; но по приближеніи къ ней раздавались немедленно изъ бойницы выстрѣлы, къ несчастью въ большинствѣ случаевъ мѣткіе, и вскорѣ четыре убитыхъ солдата и одинъ урядникъ Волгскаго дивизіона пали жертвами своей удали. Все кругомъ обороняемаго ими пункта уже было въ нашихъ рукахъ; рядомъ съ мельницею, разумѣется тщательно стараясь избѣгать мѣсть противъ отверстія бойницъ, преспокойно расположились на отдыхъ офицеры; солдаты подходили къ канавѣ и набирали воду, а изъ мельницы, все еще не переставая, раздавались выстрѣлы. Наконецъ, дорого стоившая намъ мельница была взята—и что же оказалось? Ее защищали всего четыре человѣка, твердо рѣшившіеся лучше погибнуть, чѣмъ сдаться.

Вытащивъ ихъ изъ мельницы послѣдовательно одного за другимъ, покончить съ ними было дѣломъ одной минуты.

Геокъ-тепе называется вообще вся эта мѣстность и небольшой аулъ влѣво отъ нашего движенія, оставленный жителями. Пунктъ главной обороны, сильно укрѣпленный аулъ, тянущійся на нѣсколько верстъ, называется Денгиль-тепе. Рѣшено было попробовать взять аулъ штурмомъ, какъ только произойдетъ присоединеніе главныхъ силъ къ авангарду.

При приходѣ главныхъ силъ (въ три часа пополудни) положеніе авангарда было слѣдующее: между калой и аломъ, впереди калы, противъ большой бреши, пробитой въ стѣнѣ укрѣпленія аула и заваленной войлоками, были разсыпаны части стрѣлковаго баталіона, поддерживая рѣдкій огонь; правѣе калы, такимъ же образомъ, были расположены кабардинцы, потомъ куринцы и, наконецъ, саперная полурота, храбраго командира которой, поручика Липинскаго, ранили вскорѣ по входѣ въ сферу огня, причемъ пуля попала въ лѣвую щеку, раздробила челюсть, потомъ, направившись къ плечу, перебила ключицу и вышла вонаружу. Лѣвый флангъ позиціи былъ занятъ конною батареей, тремя взводами ракетной сотни и остальною кавалеріей, причемъ одна сотня Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка была направлена, подъ командою флигель-адъютанта подполковника свѣтлѣйшаго князя Голицына, для занятія въ тылу аула выходной изъ него дороги.

На видъ Денгиль-тепе представлялъ изъ себя аулъ очень большихъ размѣровъ. На углу, выходящемъ къ занятой уже нами калѣ, стояло большое укрѣпленіе съ высокими глиняными стѣнами и глубокимъ рвомъ; въ самомъ углу брешь, заваленная массою войлоковъ. Немного дальше, по окраинѣ, стѣна, замаскированная цѣлыми рядами кибитокъ, тѣсно поставленныхъ одна около другой. Въ центрѣ аула возвышалась большая, овальная, правильной формы горка, отъ которой и произошло названіе аула: «Денгиль»—по туркменски «замѣчательный», «тепе»—«гора», т. е. «замѣчательная гора». Чѣмъ она замѣчательна—своею-ли формою, или, по увѣренію одного туркмена, побѣдою около этой горы, одержанною текинцами надъ персами, въ царствованіе Надиръ-шаха—не знаю. Кругомъ повсюду масса кибитокъ; потомъ засѣянныя поля джугуры, другія меньшія калы, земляныя укрѣпленія, рвы—словомъ, всевозможныя приспособленія для обороны. Денгиль-тепе есть наибольшій аулъ мѣстности, именуемой Геокъ-тепе; сѣвернѣе, верстахъ въ двухъ отъ него, находится аулъ Геокъ-тепе, а южнѣе, ближе къ горамъ, селеніе Янги-кала. Эти три аула расположены по теченію ручья Секазъ-Явъ.

Немедленно по приходѣ главныхъ силъ, 4-я батарея была послана на позицію и открыла огонь гранатами по аулу. Баталіоны грузинцевъ, эри-

ванцевъ и ширванцевъ были поведены, немедленно по приходѣ, для указанія мѣста и установки ихъ на позицію, съ которой и должны были впослѣдствіи начать наступленіе. Подъ звуки марша, единственной бывшей при отрядѣ музыки Ширванскаго полка, весело шли на боевую позицію, хотя и утомленныя, войска. Желая осмотрѣть подробно занятую уже нами калу, я, перейдя узенькій мостикъ, переброшенный черезъ довольно глубокую канавку, на днѣ которой струилась чистая вода, вошелъ на площадку, окружавшую мѣсто нашего перевязочнаго пункта. На насыпномъ валикѣ, идущемъ по краю канавы, подъ нѣсколькими густыми тутовыми деревьями, расположились начальникъ отряда и его штабъ, разсматривая въ бинокли, а кто и невооруженнымъ глазомъ, разстилавшійся передъ глазами аулъ Денгиль-тепе. Подъ однимъ изъ деревьевъ была разостлана маленькая салфеточка, и на ней лежали закуски и бутылка вина начальника отряда. Общее настроеніе было очень оживленное. Тотъ фактъ, что текинцы не бѣжали при нашемъ приближеніи, а рѣшились дать бой, пришелся всѣмъ по вкусу. Всѣ радовались, что не придется «искать вѣтра въ полѣ а въ открытомъ бою рѣшить „чья возьметъ„. О возможности неудачи никто не допускалъ даже и мысли. Возлѣ занятой нами калы на землѣ лежали наши убитые, еще пока не въ большомъ количествѣ; мимо нихъ проносили въ калу раненыхъ, причемъ приходилось нашимъ съ большою осторожностью входить въ узкія двери крѣпостцы. Внутри калы, на разсыпанной по землѣ сухой юнджѣ, доктора перевязывали трехъ раненыхъ; тутъ же хлопоталъ и устраивался представитель «Краснаго Креста» Сараджевъ и его команда санитаровъ. По двору сновали милиціонеры, драгуны, казаки, набирая большія вязки сѣна, съ цѣлью покормить своихъ лошадей, причемъ, выходя изъ калы, въ узкихъ дверцахъ ея стѣсняли проносъ раненыхъ. Во избѣжаніе послѣдняго, приказано было перебрасывать сѣно, найденное тутъ въ большомъ количествѣ, черезъ стѣнки калы и, уже снаружи, поднимать его. Стоны раненыхъ перемѣшивались съ крикомъ и гамомъ, наполнявшими дворъ, и съ перестрѣлкой за стѣнами, подъ акомпаниментъ орудійной пальбы. Выйдя изъ калы, началъ я разсматривать самый аулъ Денгиль-тепе, изъ котораго въ то время шла усиленная стрѣльба. Совершенно оригинально и своеобразно расположеніе этого укрѣпленнаго пункта, гдѣ текинцы собрались въ такой массѣ. Отъ калы, занятой нами подъ перевязочный пунктъ, до передовыхъ кибитокъ было не |болѣе трехсотъ саженъ; слѣдовательно, совершенно ясно можно было разглядѣть аулъ. Отсюда было видно цѣлое море кибитокъ, тѣсно стоящихъ одна около другой, и то, что мною уже описано выше. Въ офиціальномъ донесеніи

временно-командующаго отрядомъ Денгиль-тепе описывается слѣдующимъ образомъ: «Аулъ Денгиль-тепе расположенъ четырехъ-угольникомъ, съ «сѣверной и западной стороны обнесеннымъ глубокимъ двухсаженнымъ, «съ крутыми покатостями, наружнымъ рвомъ, съ глинистымъ брустверомъ за нимъ, вторымъ рвомъ за брустверомъ, частями наполненнымъ «водою изъ оросительныхъ канавъ. Сверхъ того, мѣстами, для усиленія «обороны, позади брустверa, въ нѣсколько рядовъ установлены сплошь «кибитки, изъ которыхъ часть наполнена до верху землею, а часть «имѣетъ глубокія, вырытыя внутри ихъ, ямы; позади же этихъ рядовъ «кибитокъ вновь ровъ и брустверъ, за которыми уже въ безпорядкѣ «скучены кибитки всего, собравшагося здѣсь, населенія оставленныхъ «жителями сѣверныхъ ауловъ оазиса, со всѣмъ ихъ скарбомъ, ско«томъ и семействами. Какъ внутренность самаго аула, такъ и значи«тельное пространство впереди укрѣпленія, были изрѣзаны множествомъ «оросительныхъ, большихъ и малыхъ, канавъ и цѣлою сѣтью невы«сокихъ (до двухъ футовъ) глиняныхъ стѣнъ, ограждающихъ каждый «мелкій участокъ поливаемой земли». Къ несчастію, всѣ эти свѣдѣнія были добыты не предварительной рекогносцировкой, а во время самаго штурма, а мекду тѣмъ текинцы укрѣпили очень серьезно только тотъ фасъ, который противостоялъ намъ при нашемъ движеніи къ аулу, т. е. западный и отчасти сѣверо-западный; одолѣть эти препятствія безъ всякихъ приспособленій, даже не имѣя штурмовыхъ лѣстницъ, было не такъ-то легко и почти невозможно; между тѣмъ, какъ съ восточной стороны, и даже съ сѣверо-восточной, входъ въ аулъ былъ вполнѣ возможенъ и несравненно доступнѣе. Разсыпанная цѣпь нашихъ пѣхотныхъ частей все время поддерживала перестрѣлку, цѣлясь какъ въ группы выходившихъ людей, такъ и въ отдѣльныхъ личностей, перебѣгавшихъ изъ одной кибитки въ другую. Артилерія наша изрѣдка пускала гранаты по аулу, въ особенности же по горкѣ, возвышавшейся около середины западной стороны, на которой то и дѣло показывалась масса народа. Лично мнѣ дѣйствіе артилеріи казалось черезчуръ вялымъ: это не была подготовка къ штурму, а мѣрная, съ большими интервалами во времени, стрѣльба. Говорятъ, что это происходило вслѣдствіе того, что отданъ былъ приказъ беречь снаряды.

Между тѣмъ, усиленная бомбардировка могла вполнѣ обезопасить успѣхъ штурма и нагнать паническій страхъ на защитниковъ аула; при этомъ надо имѣть въ виду, что, при близости разстоянія, при скученности зданій и при массѣ народа въ аулѣ,—артилерійскіе снаряды должны были производить страшное разрушительное дѣйствіе.

Осмотрѣвъ аулъ, постоявъ около лежавшаго за валикомъ милиціонера-туркмена, то и дѣло пускавшаго въ пространство, безъ всякой опредѣленной цѣли, выстрѣлъ изъ своей винтовки Крнка,—вернулся я къ калѣ, и, встрѣтивъ около западной ея стѣны знакомыхъ стрѣлковыхъ офицеровъ, подсѣлъ къ нимъ. Въ это время мимо насъ прошелъ командиръ сводно-стрѣлковаго баталіона маіоръ Сафоновъ, суетившійся возлѣ своихъ раненыхъ, прося носильщиковъ нести ихъ осторожнѣе, а докторовъ—поскорѣе перевязывать и т. д. Не зная еще подробностей первой встрѣчи текинцевъ съ нашимъ авангардомъ, обратился я къ Сафонову съ вопросомъ: гдѣ пришлось дѣйствовать его баталіону? «Просто прелесть, какими молодцами на штыкахъ взяли мои герои вотъ эту калу, да и въ аулъ-бы на плечахъ текинцевъ забрались, если-бы не приказано было остановиться»,—отвѣтилъ онъ мнѣ довольный, веселый; лицо такъ и сіяло радостью; видно, у него не было ни малѣйшаго предчувствія, что къ вечеру прекратится его жизнь, порвется связь съ этимъ свѣтомъ. Нѣтъ, связь не порвалась, да и не можетъ порваться: она осталась и заключается въ той доброй памяти, которую онъ по себѣ оставилъ, въ той грусти, которая невольно, мимолетно, омрачаетъ каждаго, когда воспоминаніе о немъ вызоветъ въ памяти образъ Сафонова. Едва я успѣлъ присѣсть къ стѣнѣ, какъ мимо насъ, между мною и поручикомъ Билеромъ, пролетѣла пуля, причемъ лошадь Билера, поводъ которой держалъ самъ владѣлецъ въ рукахъ, подняла заднюю правую ногу, изъ которой, по каплѣ, стала сочиться кровь. Лошадь, очевидно, была ранена; впрочемъ по осмотрѣ оказалось, что очень легко, но откуда могъ произойти выстрѣлъ и какимъ образомъ пуля пролетѣла между нами въ то время, какъ насъ отдѣляла отъ непріятеля цѣлая кала,—сперва показалось намъ необъяснимымъ, но вскорѣ недоразумѣніе выяснилось: въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы сидѣли, оказалось въ стѣнѣ маленькое отверстіе. Очевидно было, что выстрѣлъ произведенъ изъ калы, причемъ ружье было вложено въ это отверстіе. Видѣвшій это начальникъ кавалеріи отряда приказалъ мнѣ, съ десятью казаками, осмотрѣть всю середину калы, и если найдутся подземелья, то тоже тщательно обревизовать ихъ. То мѣсто, откуда, по соображеніямъ, произведенъ былъ выстрѣлъ, оказалось заваленнымъ цѣлою массою сухой юнджи. Юнджи этой было такъ много, что, не смотря на разборъ ея всѣми, кто только могъ, все-таки оставалась еще масса. Оцѣпивъ этотъ уголъ казаками, имѣвшими на всякій случай берданки наготовѣ, приказалъ я разбрасывать сѣно. Усердно принялись казаки за дѣло, то перекидывая сѣно черезъ стѣнки калы, то разбрасывая по сторонамъ, но нигдѣ ничего не оказы-

валось. Казаки уже отчаявались найти что-либо, но я заставилъ ихъ продолжать поиски, твердо убѣжденный, что тутъ долженъ былъ быть текинецъ, очевидно пользовавшійся массой сѣна и переползавшій подъ нимъ съ мѣстъ, расчищаемыхъ казаками, на мѣста, куда набрасывалось сѣно вновь. Вдругъ въ самомъ углу что-то зашевелилось, и, вслѣдъ затѣмъ, выпрыгнула изъ сѣна человѣческая фигура, громаднаго роста, безъ папахи и съ выхваченной шашкой, бросившаяся на казаковъ. Раздался залпъ—и текинецъ повалился; затѣмъ вновь попытался подняться на ноги, но эта попытка вызвала еще выстрѣлы, уложившіе его окончательно. Убитый оказался дѣйствительно громаднаго роста, съ красивымъ смуглымъ лицомъ, съ сильно развитой мускулатурой, одѣтымъ въ свѣтлый халатъ съ кривою шашкою въ судорожно-сжатыхъ рукахъ. Изъ шейной жилы фонтаномъ била темная кровь; по всему тѣлу видны были пулевыя раны. Шашка оказалась узкою, дамаскированной стали и острою какъ бритва, притомъ крайне тяжелою. Но что страннѣе всего, такъ это то обстоятельство, что, не смотря на самые тщательные розыски, такъ-таки и не удалось намъ найти ружье текинца.

Начальникъ кавалеріи князь Витгенштейнъ поѣхалъ для осмотра позицій, занятыхъ кавалеріей, взявъ съ собою волжскую и таманскую сотни. Переѣхавъ маленькій мостикъ, служащій для переѣзда черезъ глубокую водяную канаву, поѣхали мы параллельно сѣверной оградѣ аула. Вскорѣ встрѣтили мы полуэскадронъ драгунъ и три взвода ракетной сотни, при двухъ конныхъ орудіяхъ; потомъ, верстахъ въ двухъ съ половиною отъ нихъ, стояли, впереди небольшой калы, остальныя два орудія дивизіона терской казачьей батареи, съ полуэскадрономъ драгунъ въ прикрытіи. Совершенно раціонально найдя, что къ двумъ орудіямъ этого прикрытія черезчуръ мало, въ особенности въ виду отдаленія отъ остальныхъ частей, князь приказалъ сопровождавшимъ его сотнямъ, волжской и таманской, остановиться и расположиться тутъ-же. Отсюда былъ видѣнъ крайній пунктъ лѣваго фланга нашей позиціи, занятый совсѣмъ съ восточной стороны аула, близко къ горному кряжу, сотней дагестанцевъ подъ командою князя Голицына. Съ правой-же стороны, нами была только слышна перестрѣлка, грохотъ орудійныхъ выстрѣловъ, но войскъ не было видно, такъ какъ аулъ закрывалъ ихъ отъ насъ. Въ аулѣ было сильное движеніе: нагруженные имуществомъ верблюды, громадная баранта, испуганныя лошади, женщины, дѣти и многіе изъ мужчинъ собирались покинуть аулъ, но, видя выходы изъ него запертыми, возвратились обратно. Князь Голицынъ получилъ самый строгій приказъ не выпускать никого изъ аула и принужденъ былъ исполнить категориче-

ское повелѣніе. Къ нему выходили жители аула цѣлыми толпами, разговаривая съ его дагестанцами, умоляя попросить о прекращеніи стрѣльбы по аулу, обѣщаясь покориться. Князь Голицынъ посылалъ неоднократно съ извѣщеніемъ объ этомъ, въ отвѣтъ на что получалъ приказъ никого не выпускать. При мнѣ, къ командовавшему авангардомъ полковнику князю Долгорукову подъѣхалъ поручикъ Теръ-Асатуровъ, адъютантъ Переяславскаго дивизіона, посланный командующимъ дивизіономъ съ заявленіемъ, что текинцы выслали стариковъ, просящихъ прекратить пальбу и желающихъ вступить въ переговоры.

«Скажите имъ, что до тѣхъ поръ, пока изъ аула будетъ хоть одинъ отвѣтный выстрѣлъ, до тѣхъ поръ я не пріостановлю стрѣльбы, а черезъ часъ поведу войска на штурмъ».

Разумѣется, что это требованіе не могло быть приведено текинцами въ исполненіе, такъ какъ заставить вполнѣ замолчать народъ дикій, не имѣющій начальства въ аулѣ, окружность котораго mіnіmum десять верстъ,—немыслимо. Со стороны, гдѣ находился князь Голицынъ, и вообще со стороны, занятой кавалеріей, наши кавалеристы распоряжались въ аулѣ, какъ у себя дома. Между прочимъ разсказывали лица, заслуживающія довѣріе, слѣдующіе факты изумительнаго хладнокровія и мужества со стороны текинскихъ женщинъ. Такъ, напримѣръ, поручикъ Ханъ-Нахичеванскій, увидавъ, что одну женщину, ведшую верблюда съ нагруженнымъ имуществомъ, окружило нѣсколько человѣкъ нашихъ конно-иррегулярцевъ,—обратился къ ней со словами: «Не бойся, тебѣ ничего не сдѣлаютъ, тебя не тронутъ!» На эти слова, сказанныя по татарски, женщина, гордо поднявъ голову, отрѣзала: «Я не боюсь; вотъ ты то, смотри, не трусь нашихъ, а мнѣ чего бояться?» и невозмутимо продолжала путь. Другая текинка, сидя на краю канавы, съ оторваннымъ нашей гранатой кускомъ ноги, стрѣляла изъ револьвера по проходившимъ мимо драгунамъ. Вообще, женщины безбоязненно группировались около нашихъ кавалеристовъ, бывшихъ въ тылу. Нѣсколько-же женщинъ принесли на своихъ рукахъ къ дагестанской сотнѣ одного изъ отдѣлившихся отъ нея, попавшаго въ аулъ и тамъ убитаго текинцами, всадника. Болѣе эфектной сцены, какъ выносъ тѣла убитаго врага группою женщинъ,—трудно себѣ представить. Текинская кавалерія только и показалась въ началѣ дѣла, при описанной уже мною встрѣчѣ съ главными силами, затѣмъ исчезла и больше не показывалась въ продолженіе остальнаго дня, но отдѣльныхъ всадниковъ и группъ въ нѣсколько человѣкъ было много на протяженіи всего аула. Почти всѣ видѣнные нами наѣздники сидѣли на рослыхъ, красивыхъ лошадяхъ, хотя Тыкма-

сардаръ и увѣрялъ, что будто лучшихъ лошадей своихъ текинцы отправили въ Мервъ. Насколько вообще у текинцевъ развита любовь къ лошадямъ, наглядно можетъ служить слѣдующій примѣръ: командиръ милиціонной сотни прапорщикъ Сосламбекъ Кубатіевъ увидалъ скачущую около окраины аула прекрасную вороную лошадь, весь уборъ которой былъ сплошь покрытъ серебромъ. Не долго думая, Кубатіевъ бросился къ аулу, и повидимому ошалѣвшая отъ выстрѣловъ лошадь легко отдалась ему въ руки. Поймавъ ее за поводъ, ускакалъ Кубатіевъ обратно къ нашимъ войскамъ. Всѣ, видѣвшіе эту лошадь, единогласно утверждаютъ, что по красотѣ никогда въ жизни не видали ничего подобнаго. Пересѣвъ на свое новое пріобрѣтеніе, Кубатіевъ, не смотря на уговариваніе товарищей не ѣхать на ней, а взять лучше свою лошадь, не послушался добраго совѣта и поѣхалъ обратно въ аулъ, намѣреваясь еще пріобрѣсти себѣ коня. Но едва лишь подъѣхалъ Кубатіевъ къ изгороди селенія, какъ оттуда выскочилъ конный текинецъ и яростно бросился на него. Наскочивъ на Кубатіева, текинецъ рубнулъ со всего размаха по шеѣ лошади, немедленно повалившейся на землю. Къ счастію Кубатіева, мимо его проѣзжали конно-иррегулярные всадники, которымъ, не смотря на то, что ихъ было болѣе 10-ти человѣкъ, только послѣ долгой схватки и большихъ усилій удалось убить этого текинца, успѣвшаго разрубить руку поручику Кутаисской милиціи Гастову. Кубатіевъ увѣряетъ, что текинецъ даже и не смотрѣлъ на него, а ѣхалъ съ очевидною цѣлью убить коня, принадлежавшаго, по всѣмъ вѣроятностямъ, кому-нибудь изъ очень вліятельныхъ текинцевъ, а можетъ быть даже и Кара-Батырю, убитому въ этотъ день осколкомъ гранаты.

Наши два орудія то и дѣло посылали гранаты въ аулъ; мимо насъ проходили цѣлыя массы барановъ, козъ, нагруженныхъ имуществомъ верблюдовъ, — все испуганное, встревоженное пальбой. Начальникъ штаба, осматривая наши позиціи, совѣтовалъ въ особенности обратить вниманіе, въ случаѣ намѣренія текинцевъ прорваться къ Асхабаду, стараться не пропускать ихъ и положить по пути какъ можно больше труповъ. Въ 5 часовъ пополудни, къ юго-западу отъ насъ, со стороны штурмующихъ войскъ поднялась учащенная стрѣльба, поддержанная частой орудійной пальбой; вслѣдъ затѣмъ, черезъ нѣкоторое время, все смолкло, затѣмъ опять усилилось и опять прекратилось окончательно; только изрѣдка одиночные выстрѣлы нарушали тишину. Солнце скрылось за горизонтомъ; сумракъ окуталъ земную поверхность; въ аулѣ съ нашей стороны стало замѣтно покойнѣе; мало-по-малу выстрѣлы совершенно смолкли; мы же не полу-

чали никакого приказанія и все стояли на мѣстѣ, выжидая дальнѣйшій ходъ дѣла.

— Должно быть наши теперь ворвались въ аулъ и идетъ рѣзня, — сказалъ, обращаясь ко мнѣ, князь Витгенштейнъ.

— Не думаю, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ я ему:—еслибъ наши были въ аулѣ, то во-первыхъ, изъ аула бы бѣжали текинцы, тогда какъ теперь, посмотрите, все тянется обратно въ аулъ; кромѣ того, изъ аула не слышно выстрѣловъ и въ немъ не видно огней, а нашъ солдатъ, если-бы ворвался въ аулъ, навѣрное ужь что-нибудь да поджогъ-бы.

— Такъ неужели же штурмъ отбитъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ; впрочемъ, чтобъ убѣдиться, надо поѣхать,—окончилъ князь.

Взявъ свою конвойную команду, онъ отправился къ сторонѣ, гдѣ нами былъ оставленъ отрядный штабъ; но не успѣлъ онъ отъѣхать отъ насъ и полуверсты, какъ наперерѣзъ дороги выѣхавшая партія текинцевъ дала по насъ залпъ. Я, остававшійся за старшаго при двухъ орудіяхъ, двухъ сотняхъ и полуэскадронѣ драгунъ, бросился съ ними на рысяхъ къ князю на выручку, но уже состоявшій при князѣ конвой открылъ перестрѣлку и прогналъ партію. Наступила темнота. По тишинѣ, господствовавшей въ аулѣ, стало очевидно, что аулъ не въ нашихъ рукахъ: ни одного огонька не освѣщало, не блистало въ ночной темнотѣ. Только мулла, выкрикивая, должно быть, призывъ правовѣрныхъ къ молитвѣ, громко кричалъ. Къ князю Голицыну немедленно были посланы два казака передать приказаніе командовавшаго кавалеріей немедленно отступать. Каждый, бывшій ночью въ степи, знаетъ, какъ трудно въ ней оріентироваться, тѣмъ болѣе, когда приходится идти безъ дороги; но есть люди, обладающіе этой способностью, въ особенности развитою у казаковъ. Въ данномъ случаѣ меня поражалъ казачій фейерверкеръ, указывавшій намъ путь и, наконецъ, дошедшій до того, что нашелъ колею, продѣланную орудійными колесами, при утреннемъ переходѣ. Теперь оставалось только слѣдить за колеей и не выпускать ее изъ вида, что и было поручено спѣшившемуся казаку. Неизвѣстность происшедшаго съ отрядомъ, отвѣтственность за сопровождаемыя орудія, ежеминутное ожиданіе нападенія, наконецъ и самая темнота ночи — все вмѣстѣ взятое какъ-то наэлектризовало насъ: всѣ были въ готовности встрѣтить нападеніе и отразить врага. Но вотъ и мостикъ черезъ ручей; очевидно, что мы уже близко къ калѣ перевязочнаго пункта, а все-таки никого не встрѣчаемъ и шума никакого не слышимъ; однимъ словомъ, незамѣтно никакихъ признаковъ присутствія отряда. Начали по-

давать сигналы трубою;—отвѣта не воспослѣдовало; но вотъ въ темнотѣ показалась *тщая* фигура. «Кто это?» окликнули ее. „Солдатъ“—послѣдовалъ отвѣтъ «Что случилось», спросилъ его князь Витгенштейнъ. „Вздули насъ“, лаконически отвѣчалъ солдатикъ. «Да гдѣ наши?»—„Да вотъ тутъ, около“.

И, дѣйствительно, вскорѣ мы настигли нашъ отрядъ, благодаря судьбу, что наконецъ-то удалось намъ присоединиться къ нему. Какъ на зло, ночь была темная, что называется хоть глаза выколи; люди наталкивались другъ на друга; верблюды натыкались на лошадей; повсюду раздавались негромкіе вопросы: «гдѣ 10-я рота?» «гдѣ ширванцы?», «это кто?» и т. под.; однимъ словомъ, замѣтны были слѣды уныніе, упадка духа. Описавъ подробно то, что я самъ видѣлъ лично, чему былъ свидѣтелемъ, постараюсь описать ходъ боя со словъ участниковъ, причемъ буду придерживаться пословицы, которой, къ несчастью, такъ рѣдко слѣдуютъ: «la critique est aisée, mais l'art est difficile».

Описывая дѣло 28-го августа, я буду вполнѣ безпристрастнымъ, причемъ все основываю на показаніяхъ, собранныхъ немедленно послѣ боя, что называется со свѣжей памяти, отъ людей, дѣйствительно бывшихъ подъ стѣнами Денгиль-тепе и правдивость которыхъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Начну съ момента прихода колонны графа Борха. Присланный на встрѣчу колонны для указанія мѣста пѣхотѣ и артилеріи, подполковникъ Сѣверскаго драгунскаго полка Каргановъ повелъ пѣхоту главныхъ силъ и указалъ имъ мѣста противъ сѣвернаго фаса аула, фаса, который и предназначался для штурма этими войсками. Такимъ образомъ, на лѣвомъ флангѣ штурмующихъ войскъ стояли три взвода ракетной сотни, два горныхъ орудія, подъ командою штабсъ-капитана Галтинова, полуэскадронъ драгунъ; потомъ грузинцы, имѣя на своемъ правомъ флангѣ два конныхъ орудія Терской батареи и взводъ 4-й батареи 20-й артилерійской бригады; затѣмъ эриванцы и 2-я рота Сводно-стрѣлковаго баталіона. Противъ же западнаго фаса были: саперная рота, затѣмъ куринцы, кабардинцы, три роты Сводно-стрѣлковаго баталіона, при двухъ орудіяхъ 20-й артилерійской бригады и двухъ горныхъ орудіяхъ. Всѣ пѣхотныя части, прибывъ на боевую позицію, перестроились по-ротно въ двѣ линіи, имѣя въ первой и второй линіи по двѣ роты; затѣмъ была отъ нихъ разсыпана цѣпь. Баталіонъ ширванцевъ былъ оставленъ въ резервѣ и стоялъ за арыкомъ противъ угловой, заваленной войлоками, бреши. Между высшимъ начальствомъ произошелъ военный совѣтъ, на которомъ, говорятъ, генералъ Ломакинъ

стоялъ за то, чтобы отложить штурмъ до слѣдующаго утра, а князь Долгорукій настаивалъ на томъ, чтобы штурмъ непремѣнно состоялся въ пять часовъ пополудни, приводя главнымъ основаніемъ то обстоятельство, что текинцы ночью могутъ покинуть аулъ, и еще то, что ограниченный запасъ имѣвшагося при отрядѣ продовольствія заставляетъ торопиться въ дѣйствіяхъ. Генералъ Ломакинъ согласился на эти доводы и отдалъ приказаніе, чтобы ровно въ пять часовъ, по сигнальному залпу со всѣхъ орудій, двинуться на штурмъ аула. Графъ Борхъ, по прибытіи къ Денгиль-тепе съ главными силами отряда, просилъ, чтобы прежде, чѣмъ штурмовать, дать войскамъ часа два отдыха; но ему въ этомъ отказано, причемъ было объявлено, что штурмъ назначенъ ровно въ пять часовъ. Пишу это со словъ графа Борха, сказанныхъ мнѣ лично. Нельзя не признать, что, въ виду несоразмѣрности силъ и долженствующихъ попасться на пути атакующихъ войскъ фортификаціонныхъ затрудненій, полтора часа подготовительной стрѣльбы былъ срокъ черезчуръ незначительный. Этимъ уничтожалось важное преимущество нашихъ войскъ надъ противникомъ, а именно сила огня, уравновѣшивающая разность въ численности, и ставились лицомъ къ лицу для боя холоднымъ оружіемъ, въ рукопашную, 2,000 борцовъ противъ по крайней мѣрѣ 15,000 здоровыхъ, сильныхъ, физически несравненно болѣе развитыхъ, чѣмъ нашъ солдатъ, текинцевъ.

Ровно въ пять часовъ пополудни, по сигнальному залпу, тронулись наши войска въ ротныхъ колоннахъ на штурмъ. Бодро, смѣло, какъ будто бы на ученьи, не обращая вниманія на сыпавшіяся градомъ пули, шли представители лучшихъ кавказскихъ полковъ, вѣрные своимъ полковымъ боевымъ традиціямъ, каждая часть стараясь не отстать отъ сосѣдней съ нею. Такимъ образомъ удалось добраться до стѣнъ аула, гдѣ съ перваго же шага встрѣтились непреодолимыя препятствія: глубокіе рвы, высокія отвѣсныя стѣны, сплошные ряды кибитокъ, загораживавшіе дальнѣйшій путь. Къ этому надо прибавить массу защитниковъ, не уступавшихъ безъ самаго ожесточеннаго боя ни пяди земли. Но и эти затрудненія не останавливали нашихъ героевъ, хотя и не ожидавшихъ такого отпора отъ «орды». Подсаживая другъ друга, взбирались храбрецы на стѣну, куда имъ иногда даже помогали влѣзать сами текинцы, зацѣпляя за нихъ большими желѣзными крюками для того, чтобы, быстро вташивъ наверхъ, немедленно убивать смѣльчаковъ. Разрозненные солдаты, потерявъ многихъ убитыми и раненными и не видя возможности двигаться дальше, рѣшили пріостановиться, дабы, прежде чѣмъ продол-

жать движеніе, болѣе сгруппироваться. Офицерамъ, потерявшимъ возможность управлять разъединенными, закоулками и кибитками, нижними чинами, ничего не оставалось дѣлать, какъ только послѣдовать ихъ примѣру. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ началось отступленіе. Разумѣется, отступленіе совершилось не всею линіей одновременно, а гдѣ раньше, гдѣ позже; этимъ-то и воспользовались текинцы, бросившись цѣлою массою въ нѣсколько тысячъ вслѣдъ за отступающими; преслѣдованіе было такъ стремительно, численная несоразмѣрность такъ велика, что отступавшіе не имѣли возможности группироваться и, устраиваясь, давать отпоры, такъ что текинцы на ихъ плечахъ чуть-чуть было не наскочили на орудія. Разумѣется, всѣ замѣшкавшіеся на валу были окружены и уничтожены. Положеніе нашей артилеріи было крайне затруднительно: видя отступленіе штурмовавшихъ и преслѣдованіе ихъ массою текинцевъ, артилеристы хотѣли задержать ихъ стремительное наступленіе, но долгое время не могли стрѣлять, такъ какъ отступавшіе, подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго неожиданностью неудавшагося штурма, шли впереди текинцевъ прямо на орудія, заслоняя ихъ собою. Наконецъ, уже подъ самыми орудіями, солдаты, бросившись къ группировавшимся для отраженія текинцевъ оправившимся частямъ, открыли орудіямъ поле для дѣйствій; раздались послѣдовательно выстрѣлы картечью,—текинцы дрогнули, и въ это время уже немного оправившаяся пѣхота грянула «ура» и бросилась на нихъ въ штыки, опрокинула ихъ и затѣмъ погнала всю эту 6,000—8,000-ную толпу почти вплоть до стѣнъ аула, уложивъ на пути массу непріятельскихъ тѣлъ. Въ то время, когда текинцы, въ упоеніи преслѣдованія опрокинутой ими штурмовавшей пѣхоты, яростно, безъ удержу стремились впередъ, два взвода эскадрона Переяславскихъ драгунъ, подъ командою капитана Шалаева, и три взвода ракетной сотни Полтавскаго казачьяго полка, съ командиромъ сотни есауломъ Граматинымъ во главѣ, ударили имъ во флангъ, причемъ казакамъ пришлось идти въ атаку съ имѣвшимися при нихъ ракетными станками. Заработали казацкія шашки, да и драгуны не отставали и этой атакой много содѣйствовали отбитію текинскаго наступленія. До чего была стремительна атака текинцевъ и яростно ихъ наступленіе—можно судить изъ того факта, что нѣсколько человѣкъ текинцевъ были убиты артилерійской прислугой около самыхъ орудій. Колонна князя Долгорукаго, на пути своего наступленія, встрѣтила большой ровъ, затѣмъ валъ, за которымъ оказался новый ровъ, наполненный водой; эти препятствія задержали войска, съ большими потерями

отступившія на свои прежнія позиціи. При отступленіи этихъ войскъ съ западнаго фаса, текинцами не было произведено вылазки въ такихъ большихъ размѣрахъ, какъ съ сѣвернаго, и, кромѣ того, мѣстность представляла нѣкоторыя естественныя закрытія, дававшія возможность совершить отступленіе въ порядкѣ. Во время отбитія штурма, съ цѣлью удержать натискъ непріятеля и облегчить отступленіе нашихъ войскъ, двинутъ былъ изъ резерва 4-й Ширванскій баталіонъ, который, перейдя черезъ глубокій оврагъ, находившійся на пути, и перестроившись въ ротныя колонны, двинулся, съ распущенными знаменами, подъ звуки музыки, противъ бреши, находившейся какъ разъ на углу сѣвернаго и западнаго фасовъ. Встрѣченный сильнымъ огнемъ вышедшихъ изъ аула текинцевъ, подвергшись нападенію возвращавшихся отбитыхъ при преслѣдованіи штурмовавшихъ сѣверный фасъ, баталіонъ принужденъ былъ вернуться, потерявъ тяжело раненымъ своего командира, маіора Шауфуса, равно какъ всѣхъ офицеровъ 13-й роты и фельдфебеля ранеными, а также до 30-ти человѣкъ выбывшими въ нѣсколько минутъ изъ строя. Послѣ этого послѣдняго эпизода Денгиль-тепенскаго боя войска были отведены, въ виду сильнаго утомленія, наступившей темноты и невозможности затѣмъ что-либо предпринять,—къ калѣ, занятой нашимъ перевязочнымъ пунктомъ, и тамъ остановились на ночлегъ. Большое количество ранеными и убитыми выпало на долю войскъ, участвовавшихъ въ этомъ злополучномъ дѣлѣ, въ которомъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, принимало участіе всѣхъ чиновъ и родовъ оружія 3,024 человѣка; изъ нихъ 134 офицера. Общая потеря выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ: убитыми—штабъ-офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 181; ранеными—офицеровъ 20 и 226 нижнихъ чиновъ. По частямъ потери эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Сводно-Кавказскаго стрѣлковаго баталіона убитыми: командующій баталіономъ маіоръ Сафоновъ и 39 нижнихъ чиновъ; ранеными: капитанъ Поповъ, подпоручикъ Невтоновъ, прапорщики Шмидтъ и Семеновъ и 27 нижнихъ чиновъ.

Эриванскаго гренадерскаго, убитыми: прапорщики Григорьевъ и Тышкевичъ и 37 нижнихъ чиновъ; ранеными: штабсъ-капитанъ Чикаидзе, подпоручики Арди-Швили и Кикнадзе и 24 нижнихъ чина.

Грузинскаго гренадерскаго: убитыми прапорщикъ Бѣлобородовъ и 32 нижнихъ чина; ранеными: прапорщикъ Ермолаевъ и 37 нижнихъ чиновъ.

Ширванскаго полка: убитыми 17 нижнихъ чиновъ, ранеными:

командиръ баталіона, маіоръ Шауфусъ, штабсъ-капитанъ Яковлевъ, прапорщики Семеновъ и Бекъ-Мардановъ и 37 нижнихъ чиновъ.

Кабардинскаго: убитыми капитанъ Скорино и прапорщикъ Смирновъ и 30 нижнихъ чиновъ; ранеными: поручикъ Головачевъ, прапорщикъ Гусаковъ и 50 нижнихъ чиновъ.

Куринскаго: убитыми 4 нижнихъ чина и ранеными: капитанъ Сущинскій и прапорщикъ Девель.

Саперной роты: убитыми 2 и ранеными командиръ роты, поручикъ Липинскій и 10 нижнихъ чиновъ.

Переяславскаго драгунскаго дивизіона: убитыми 1 и ранеными 14.

Дагестанскаго конно-иррегулярнаго: убитыми 8 и ранеными 11.

Дивизіона Волгскаго коннаго полка Терскаго казачьяго войска: убитыми: 4 нижнихъ чина и 1 урядникъ (Гульбіевъ), бывшій прикомандированнымъ къ начальнику отряднаго штаба; раненымъ: хорунжій, князь Дадіани.

Ракетной сотни Полтавскаго коннаго полка Кубанскаго войска: убитъ 1, ранены поручикъ Бергъ и 1 казакъ.

Туркменской милиціи: убитыми 5. Кромѣ того, раненъ сотникъ Кутаисской милиціи, Гастовъ. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что послѣ дѣла оказалось очень много контуженныхъ, болѣе или менѣе тяжело, которые въ числѣ раненыхъ не показаны.

Хорошихъ офицеровъ лишились мы въ этотъ день, но тяжелѣе всего откликнулась сожалѣніемъ всего отряда потеря командира Сводно-Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, маіора Сафонова. Всѣ, хотя немного знавшіе этого человѣка, невольно чувствовали къ нему уваженіе и симпатію, возраставшія по мѣрѣ знакомства съ нимъ. Отличный строевой офицеръ, храбрый кавалеръ офицерскаго Георгія, полученнаго имъ во время послѣдней турецкой кампаніи за отраженіе кавалерійскихъ атакъ, въ бытность его въ эриванскомъ отрядѣ; никогда не терявшій веселаго настроенія духа, онъ былъ любимцемъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ, да оно и не могло быть иначе. Скорино—капитанъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка; Григорьевъ — прапорщикъ Эриванскаго гренадерскаго полка; Пышкевичъ — прапорщикъ того же полка. Въ этотъ же день, вскорѣ по приносѣ на перевязочный пунктъ, умеръ прапорщикъ Девель, сынъ «героя Ардагана». Потерю текинцевъ во время дѣла 28-го августа опредѣлить трудно; во всякомъ случаѣ она должна быть очень велика и произвела на нихъ сильное нравственное впечатлѣніе, чѣмъ и можно отчасти себѣ объяснить тотъ

фактъ, что они позволили намъ расположиться на ночлегъ всего въ одной верстѣ отъ стѣнъ аула и не потревожили насъ, хотя малѣйшее нападеніе на наши войска въ эту ночь произвело бы не малый переполохъ въ отрядѣ. Если вѣрить показанію Гоклана, бѣжавшаго изъ Денгиль-тепе къ намъ, то потеря ихъ не менѣе 2,000, причемъ много побитыхъ женщинъ и дѣтей и въ числѣ убитыхъ находится Берды-Мурадъ, старшій сынъ мервскаго хана Нуръ-Верды, и начальствовавшій надъ ихъ конницей Кара-Батырь. Этотъ же Гокланъ показалъ, что семейства текинцевъ были собраны въ аулъ по совѣту Берды-Мурада, ссылавшагося на то, что текинцы въ особенности хорошо дерутся, когда имъ приходится защищать своихъ женъ и семейства. При этомъ Гокланъ сообщилъ, что за нѣсколько дней передъ боемъ вліятельнѣйшіе люди Ахала: Курбанъ-Мурадъ, Керимъ-Берды, Рахманъ-Берды и Махмудъ, собравъ защитниковъ Денгиль-тепе, обратились къ нимъ съ воззваніемъ, смыслъ котораго былъ такого рода, что текинцы, молъ, заблуждаются и перестаютъ быть мусульманами, грабя своихъ сосѣдей, такихъ же мусульманъ, какъ и они; что Богъ, въ наказаніе за это, посылаетъ гяуровъ въ видѣ кары, а потому совѣтывали бороться на смерть съ гяурами, затѣмъ поклясться жить трудами рукъ своихъ: Богъ тогда поможетъ—и врагъ будетъ уничтоженъ. Выслушавъ это, текинцы пали на колѣна и поклялись жить трудомъ и бороться съ невѣрными до послѣдней крайности, не думая о смерти.

Гокланъ, какъ персидскій подданный, отданъ былъ подъ покровительство персидскаго полковника, сопровождавшаго насъ по оазису и подъ стѣны Денгиль-тепе и присланнаго сюда правительствомъ шаха въ качествѣ военнаго агента. Такимъ образомъ, персидскій полковникъ былъ единственный иностранецъ, сопутствовавшій движенію нашего отряда, такъ какъ другой иностранецъ, ирландецъ О'Доннаванъ (или, какъ его перекрестили солдаты, «Антонъ Иванычъ»), уѣхалъ въ Баку еще изъ Чекишляра, заболѣвъ диссентеріей, и оттуда посылалъ свои кореспонденціи въ поручившій ему слѣдить за ходомъ экспедиціи журналъ «Daily News». Гокланъ разсказывалъ, что всю ночь совершалось бѣгство въ глубь страны защитниковъ Денгиль-тепе и что въ немъ остались только жители самой Денгиль-тепе и небольшое число рѣшившихъ бороться до крайности.

Вооруженіе текинцевъ оказалось самымъ разнообразнымъ. Доставшіеся намъ образцы представляли старинныя, капсюльныя, съ очень длиннымъ стволомъ и узкимъ ложемъ ружья, причемъ у нѣкоторыхъ

стволъ былъ съ персидскимъ клеймомъ, а на куркѣ значилось «Ижевскій заводъ». Фитильныхъ ружей я у нихъ не видѣлъ, да увѣряютъ, что ихъ и нѣтъ. Интересны громадные тяжелые фальконеты съ раструбами въ дульной части и, надо отдать полную справедливость, бьющіе на очень значительную дистанцію, и не менѣе вѣскія крѣпостныя ружья. Сверхъ того, многіе вооружены револьверами, а нѣкоторые даже укороченными карабинами, по увѣренію нашихъ офицеровъ—системы Лефоше. Много участвовавшихъ въ вылазкѣ было безъ огнестрѣльнаго оружія, а только съ саблями, которыми они дѣйствуютъ съ изумительнымъ искусствомъ; нѣкоторые съ пиками. Вся эта дурно-вооруженная толпа хлынула на нашихъ сплошною, неудержимою массою.

Какъ офицеры, такъ и солдаты исполнили свой долгъ Царю и отечеству какъ нельзя болѣе добросовѣстно.

Польза, обѣщанная экспедиціей 1879 года, очевидно громадная: она раскрыла намъ глаза и показала, что мы на дальнѣйшемъ пути нашемъ въ глубь оазиса встрѣтимъ не трусливыхъ киргизовъ, не изнѣженныхъ сартовъ, а народъ храбрый, достойный уваженія, съ оружіемъ въ рукахъ защищающій свои права, что противъ него слѣдуетъ вести болѣе значительный отрядъ, собравъ его на восточномъ берегу Каспія и предварительно устроивъ свой тылъ и сообщенія, а главное обезпечивъ перевозочными средствами, запасами фуража и провіанта. Движеніемъ къ Геокъ-тепе, сверхъ того, обрекогносцировано 130 верстъ до тѣхъ поръ никому неизвѣстнаго пути; составлена маршрутная съемка и, отчасти, разсмотрѣны и изучены средства края.

Участіе мервцевъ очевидно и помощь ихъ оказала существенную пользу текинцамъ, но стоила очень дорого мервскому хану Нуру-Верды, лишившемуся своихъ двухъ сыновей убитыми въ этомъ дѣлѣ, по увѣренію бѣжавшаго Гоклана и плѣнныхъ. Сверхъ того, какъ сказано, у текинцевъ убитъ, въ самомъ началѣ боя, начальникъ кавалеріи Карабатырь, смерти котораго и можно приписать то, что кавалерія такъ мало принимала участія въ дѣлѣ, а подъ конецъ дня совсѣмъ скрылась. Нуръ-Верды-ханъ оказывается текинцемъ, уроженцемъ аула Каризъ, гдѣ у него и до сихъ поръ стоитъ сакля и находятся поля и имущество; самъ-же онъ уже нѣсколько лѣтъ какъ перебрался въ Мервъ, прославился своими лихими набѣгами и, послѣ смерти мервскаго хана, избранъ если не ошибаюсь—въ прошломъ году, на мѣсто хана. Самъ онъ не пошелъ на помощь къ взывавшимъ къ нему текинцамъ, а послалъ войска и своихъ сыновей. Часть мервцевъ, съ двумя сыновьями Нуръ-Верды,

была въ Геокъ-тепе; главныя-же массы, какъ увѣряютъ, при шести орудіяхъ, отнятыхъ у персіянъ, направились, усиленными переходами, изъ Мерва къ Асхабаду, гдѣ текинцы устроили второй укрѣпленный пунктъ, который долженъ былъ намъ дать отпоръ въ случаѣ занятія нами Денгиль-тепе.

А. Ржевусскій.

(Продолженіе будетъ).

Военный Сборникъ. 1885. № 6.

ОТЪ ТИФЛИСА ДО ДЕНГИЛЬ-ТЕПЕ.

(Изъ записокъ участника).

(Статья седьмая) (1).

VII.

Отступленіе.

Ночь послѣ Денгиль-тепинскаго боя войска провели, что называется, «на чеку», въ ожиданіи нападенія со стороны текинцевъ. Съ вечера раздававшіеся изъ аула крики вскорѣ замолкли. Наши войска, утомленныя боемъ, выставивъ впереди себя охранительную цѣпь, расположились на отдыхъ и вскорѣ на бивакѣ все затихло. Только изрѣдка нарушалъ ночную тишину то пронзительный крикъ, то сдавленный стонъ раненыхъ. Перевязочный пунктъ былъ покинутъ съ вечера и всѣ тяжелораненые перенесены въ центръ бивака, легко-же раненые сданы по частямъ.

Къ вечеру, текинцы догадались сдѣлать то, что поставило-бы нашъ отрядъ въ ужасное положеніе, если-бъ пришло имъ на умъ съ утра, именно: отвели воду изъ канавы, бывшей въ нашихъ рукахъ. Вода постепенно на нашихъ глазахъ стала все убывать, и вскорѣ солдатамъ пришлось набирать въ манерки и котелки какую-то желтую кашицу, происшедшую отъ разжиженной глины. Но и эта кашица истреблялась съ наслажденіемъ. Трудно себѣ представить, что было-бы съ отрядомъ, если-бъ, пришедши изъ Яраджи въ Геокъ-тепе, мы не нашли воды— изсякли-бы послѣднія солдатскія силы, надорванныя 23-хъ-верстнымъ переходомъ, при сильной жарѣ и форсированнымъ маршемъ безъ дневокъ по Ахалъ-текинскому оазису.

---

(1) См. «Воен. Сбор.», 1884 г., №№ 6-й –10-й; 1885 г. № 3-й.

Разумѣется, всю ночь никто не раздѣвался. Мы лежали на голой землѣ въ полной готовности, въ случаѣ нападенія, немедленно стать въ ружье и отразить натискъ. Всѣ мы разсчитывали, что текинцы, пользуясь своею многочисленностью и принявъ въ разсчетъ, что ночная темнота уравновѣшиваетъ превосходство нашего огнестрѣльнаго оружія, набросятся всею своею массой, и мы принуждены будемъ помѣняться ролями, перейдя изъ атакующихъ въ положеніе обороняющихся.

Что предпринималось на завтра? возобновленіе-ли попытки взять съ боя аулъ или отступленіе—никто въ отрядѣ не зналъ; поговаривали, что собирается военный совѣтъ, но гдѣ и кто его составляетъ — неизвѣстно. Подъ утро, со стороны горъ раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, на которые не замедлила послѣдовать довольно усиленная пальба. Все вскочило на ноги, выстроилось впереди своего расположенія, постояло, постояло и разошлось,—тревога оказалась фальшивою и поднятою какими-то всадниками.

Въ три часа утра, чуть-чуть забрезжилъ свѣтъ, по биваку сталъ, все усиленнѣе и усиленнѣе, раздаваться верблюжій ревъ; очевидно было, что отрядъ собирается выступать. Вскорѣ адъютанты разсѣяли всякое сомнѣніе, привезя съ собою приказаніе, въ какомъ порядкѣ должны идти части при отступленіи. Колонна начала постепенно вытягиваться, двигаясь всѣмъ отрядомъ въ формѣ каре. Очевидно было, что самая трудная доля при отступленіи ляжетъ на аріергардъ, въ который были назначены: прикрывать лѣвый фасъ—Сводно-кавказскій стрѣлковый баталіонъ, правый фасъ—ширванцы и тылъ—эриванцы. Изъ кавалеріи же, со стороны горъ, шли части въ слѣдующемъ порядкѣ, прикрывая аріергардъ: эскадронъ драгунъ переяславцевъ, два ракетные взвода, сотня волжцевъ и сотня Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка; съ правой стороны колонны шелъ другой драгунскій эскадронъ и сотня дагестанцевъ; всѣ кавалерійскія части имѣли, далеко въ сторонѣ, цѣпь наѣздниковъ. При аріергардѣ находились: горная батарея и 4-я пѣшая батарея 20-й артилерійской бригады. Внутри каре двигались одноколки «Краснаго Креста» и неслись на носилкахъ и другихъ приспособленіяхъ изобрѣтательнаго солдатскаго ума раненые и изъ нихъ многіе еще не перевязанные.

Едва начали мы наше отступленіе, какъ весь аулъ по своимъ окраинамъ покрылся массою народа. Овальная горка, возвышавшаяся посреди его, положительно кишмя-кишѣла, какъ муравьями, текинцами, смотрѣвшими на наше удаленіе. Вскорѣ на мѣстѣ нашего ночлега стали появляться конныя фигуры, очевидно разыскивающія—не оставили-ли мы чего-нибудь на бивакѣ, поднимавшія всевозможное, брошенное нами,

отрепье, а главное охотившіяся за нашими верблюдами, за тѣми изъ нихъ, которые за усталостью, не могли встать подъ вьюкъ. Отдѣльные всадники стали собираться кучками; число ихъ начало постепенно увеличиваться и, наконецъ, разрослось замѣтнымъ образомъ до того, что вскорѣ появилась цѣпь въ нѣсколько сотъ наѣздниковъ, имѣвшихъ очевидную цѣль начать преслѣдованіе отступающаго непріятеля. Между ними началась джигитовка; нѣкоторые изъ наѣздниковъ, на полномъ карьерѣ, подскакивали довольно близко къ нашей цѣпи, на минуту пріостанавливались и, вслѣдъ затѣмъ, раздавался громкій выстрѣлъ текинскаго ружья; другіе слѣзали съ коней, устанавливали ружья на придѣланную къ стволу сошку и, выстрѣливъ, вскакивали вновь на коня. Текинскія пули все чаще и чаще стали разрѣзать воздухъ въ аріергардѣ. Не желая тратить даромъ могущіе пригодиться, при дальнѣйшемъ нашемъ слѣдованіи, патроны, наша цѣпь не начинала стрѣльбы съ дальней дистанціи, а рѣшилась стрѣлять только тогда, когда нахальство текинцевъ становилось черезчуръ яснымъ, то есть, когда они подъѣзжали къ намъ слишкомъ близко.

Оказалось, что мы двигаемся не по пройденной уже нами дорогѣ, а ближе къ горамъ, что было сдѣлано въ виду слѣдующихъ причинъ: во-первыхъ, чтобы въ случаѣ преслѣдованія текинцами отряда обезпечить отъ нападенія противника хоть одинъ изъ фланговъ; во-вторыхъ, что въ аулахъ, нами еще не пройденныхъ, можно было найти запасы юнджи, джугуры и самана, которые были отряду крайне необходимы, въ особенности въ виду того, что сухаго фуража при отрядѣ не имѣлось, и, наконецъ, въ-третьихъ, что текинцамъ труднѣе отводить воду съ мѣстъ нашихъ ночлеговъ, такъ какъ близость горныхъ родниковъ давала намъ возможность всегда имѣть ее въ нашихъ рукахъ. Сильная жара при безводьѣ въ первый день нашего отступленія тяжело отзывалась на раненыхъ и на тѣхъ, которые жертвовали своею усталью, неся на плечахъ своихъ раненыхъ товарищей. Жалобно стонали раненые; тяжело откликались ихъ стоны въ сердцахъ окружавшихъ ихъ, но помочь ихъ горю было невозможно, и носилки то и дѣло переходили изъ рукъ въ руки утомленныхъ носильщиковъ, толчками причиняя страшныя страданія раненымъ.

Отступали въ полномъ безмолвіи: всѣ еще не оправились отъ впечатлѣній прожитаго «вчера» — всѣ были поражены неожиданностью. Казалось, что все это было однимъ страшнымъ кошмаромъ, и только изрѣдка свистѣвшія пули заставляли убѣждаться въ реальности событія. Надо отдать полную справедливость отряду: онъ отступалъ шагъ за шагомъ, тихо, безъ суеты, очень часто пріостанавливаясь то для от-

дыха, то для того, чтобъ перевьючить верблюдовъ; цѣпь, какъ пѣхотная, такъ и кавалерійская, держалась въ значительномъ разстояніи отъ колонны, и только этому обстоятельству, да счастливой случайности приписываю я незначительность, даже, можно сказать, ничтожность нашихъ потерь въ этотъ день, заключавшихся въ одной убитой и одной раненой лошади у дагестанцевъ и въ двухъ раненыхъ коняхъ у волжцевъ. Цѣпь текинцевъ, постепенно увеличиваясь, стала огибать наши фланги и групироваться въ нѣсколькихъ пунктахъ, что вызвало выѣздъ на позицію нашихъ горныхъ орудій, гранаты которыхъ пріостановили наступленіе.

Прошедши двѣнадцать верстъ, колонна подошла къ обширнымъ бахчамъ, усѣяннымъ сочными арбузами и дынями и изрѣзанными широкими арыками. Бахчи и посѣвы джугуры примыкали къ калѣ типа общепринятаго въ Ахалѣ. Не доходя этихъ бахчей, верстахъ въ двухъ отъ нихъ, стояла другая кала, куда были посланы эскадронъ драгунъ, сотня дагестанцевъ и сотня волжцевъ, съ цѣлью выбить изъ нея текинцевъ, если только они уже успѣли ее занять; если же нѣтъ—занять ее, и, расположившись около нея, не допускать приближенія текинцевъ къ мѣсту, выбранному нашимъ отрядомъ для ночлега, съ тѣмъ, чтобъ, подъ этимъ прикрытіемъ, спокойно расположиться бивакомъ. Части кавалеріи, отряженныя съ этою цѣлью, бросились къ калѣ, осмотрѣли и, найдя ее пустою, стали въ ожиданіи текинцевъ. Текинцы пріостановились и начали собираться у слѣдующей калы, верстахъ въ двухъ. Вся длинная линія преслѣдовавшихъ стала групироваться около этого аула и, вслѣдъ затѣмъ, нестройною толпою, направилась въ обратный путь въ Геокъ-тепе. Этимъ и закончилось преслѣдованіе текинцевъ въ этотъ день.

Частыя остановки, происходили главнымъ образомъ отъ того, что приходилось съ утомленныхъ верблюдовъ, ложившихся и, выбившись изъ силъ, не бывшихъ въ состояніи продолжать путь, снимать вьюки и распредѣлять ихъ на остальныхъ, для чего въ виду текинцевъ приходилось останавливать весь отрядъ. Поэтому отрядъ прибылъ къ мѣсту ночлега, около небольшой калы Нуръ-Верды-хана, называемой Келете или Кары-Кярызъ, почти въ часъ пополудни, не смотря на то, что всего десять верстъ отдѣляютъ этотъ пунктъ отъ Денгиль-тепе.

На мѣстѣ нашего бивака, мы впервые познакомились съ такъ называемыми карызами, т. е. подземными каналами подпочвенной воды, для доставанія которой устраиваются выходныя отверстія. Карызы проводятся изъ ущелій на томъ простомъ основаніи, что вода, стекая съ горъ отъ дождей или отъ тающаго снѣга, естественно накопляется въ ущельяхъ; часть этой воды стекаетъ, остальная же поглощается грун-

томъ, вслѣдствіе чего въ ущельяхъ вода находится на незначительной глубинѣ. Копая и находя эту воду, ее проводятъ подземнымъ ходомъ куда угодно, изрѣдка открывая наружу колодцы. Спеціалистами въ проведеніи карызовъ считаются персіяне; въ пустынѣ подобныя работы очень цѣнятся. Преимущество этихъ карызовъ то, что изъ нихъ очень трудно отвести воду, и, сверхъ того, въ канавѣ, проходящей по раскаленной почвѣ, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей и въ соприкосновеніи съ нагрѣтымъ воздухомъ, вода на нѣкоторомъ разстояніи отъ родника теряетъ свою свѣжесть и становится теплою,—карызная-же вода никогда не измѣняетъ своей низкой температуры. Съ жадностью набросились войска на эти колодцы. Большія, продѣланныя въ нихъ, отверстія дозволяли одновременно опускать въ нихъ много ведеръ—и вскорѣ они всѣ были окружены народомъ.

Войска расположились бивакомъ, причемъ отъ всѣхъ частей были отряжены команды для уничтоженія джугуры, окружавшей бивакъ. Это уничтоженіе являлось необходимою предосторожностью противъ повторенія дурумскаго случая и совершалось такъ энергично, что вскорѣ густо покрытыя зеленью поля оказались очищенными и только неровные стебли неподвижно торчали изъ желтой глины. Сверхъ того, въ калѣ оказались большіе запасы сухой юнджи, и нашимъ лошадямъ, за понесенные труды, послужила вознагражденіемъ обильная пища. Войска на этой позиціи расположились слѣдующимъ образомъ: три баталіона пѣхоты составили передній фасъ и стали за арыкомъ, имѣя въ промежуткѣ конную полубатарею; правый фасъ занятъ былъ однимъ баталіономъ и саперной ротой; въ углу между переднимъ и правымъ фасами на курганѣ стали два горныхъ орудія, лѣвый фасъ образовали два баталіона, изъ которыхъ одинъ расположился впереди калы, прикрывая ее; между лѣвымъ и переднимъ фасами стали другія два горныхъ орудія, тогда какъ задній фасъ образовала кавалерія, имѣя въ интервалахъ пѣшую полубатарею. Верблюды были положены внутри каре за исключеніемъ незначительной части, загнанной въ крѣпостцу. Зажглись костры, установились на огонь солдатскіе котелки, закипѣли чайники, завязалась бесѣда, пошли толки и пересуды; факты начали разъясняться, рельефно обрисовывая событія вчерашняго дня. Не обошлось и безъ разсказовъ про свои личные подвиги. Въ палаткахъ офицеры различныхъ частей передавали другъ другу о томъ, что пришлось на ихъ долю замѣтить до, во время и послѣ боя. Разсказамъ не было конца. Вообще же мнѣнія сводились къ слѣдующему: текинцы—народъ безусловно храбрый, даже, можно сказать, геройскій, но все-таки они сдали-бы Денгиль-тепе, еслибъ имъ не былъ закрытъ путь къ отступленію. Мы забыли восточную на-

туру. Она такова, что если ей оставять хоть форточку для выхода, то, въ случаѣ опасности, она не замедлитъ воспользоваться этою лазейкою, чтобы уйти. Если же принять въ соображеніе, что нашъ врагъ, не привыкшій давать пощады плѣнному, былъ глубоко убѣжденъ, что и мы, взявъ аулъ, не пощадимъ ни мужскаго населенія, ни его семействъ, то становится понятнымъ то остервенѣніе, съ которымъ они защищали аулъ. Если-бъ даже и взяли аулъ, то держаться въ немъ мы не могли и черезъ нѣсколько дней, все-таки, принуждены были-бы отступить, въ виду невозможности подвоза всего необходимаго отряду, за недостаткомъ въ отрядѣ перевозочныхъ средствъ; двигаться же дальше въ глубь страны и идти на Асхабадъ, гдѣ, по показанію плѣнныхъ, укрѣпилось болѣе двадцати тысячъ, и думать было нечего. Слѣдовательно рисковать потерею значительнаго числа солдатъ, возобновивъ атаку на другой день, было безцѣльно и безразсудно. Что текинцы понесли громадную потерю—это очевидно, такъ какъ дѣйствіе артилерійскихъ снарядовъ по аулу, въ которомъ сгруппировалась такая масса народа, должно было быть ужасающимъ; отбитыя нашими войсками вылазки тоже стоили имъ большихъ жертвъ; постоянная, длившаяся нѣсколько часовъ сряду перестрѣлка не могла имъ обойтись дешево.

По приходѣ на мѣсто ночлега, доктора немедленно занялись перевязываніемъ ранъ несчастныхъ раненыхъ, на долю которыхъ выпало вынести не мало физическихъ страданій, въ особенности вслѣдствіе отсутствія удобныхъ перевозочныхъ средствъ. Главнымъ средствомъ перевозки были верблюды, а кто не знаетъ, какъ мучительна ѣзда на степномъ кораблѣ, даже вполнѣ здоровому, но непривычному человѣку, а ужь о раненыхъ и говорить нечего. Переваливаясь съ боку на бокъ своей неуклюжей походкой, верблюдъ раскачиваетъ сидящаго на немъ до того, что со стороны положительно кажется, будто ѣдущій на немъ нарочно такъ качается и болтаетъ ногами,—однимъ словомъ, притворяется. Можно себѣ вообразить, каково положеніе раненаго, посаженнаго на верблюда, какъ мучительно долженъ былъ отзываться въ его ранѣ всякій шагъ этого животнаго; какъ долженъ былъ онъ завидовать немногимъ, на долю которыхъ выпало счастье—попасть въ санитарную повозку. Способъ возки на верблюдахъ былъ двоякій: прямо верхомъ на сѣдлѣ и сбоку верблюда, причемъ раненыхъ привязывали по одному съ каждой стороны сѣдла на деревянныхъ лѣстничкахъ, служившихъ во время похода для возки боченковъ съ водою. Болѣе легко раненые, могущіе идти пѣшкомъ, предпочитали послѣдній способъ передвиженія, хотя тоже очень утомительный. Вообще усталость и истощеніе нѣкоторыхъ изъ раненыхъ на другой день послѣ боя были ужасны.

Съ началомъ сумерекъ, дневные наблюдательные пикеты были сняты и ихъ замѣнила правильная аванпостная цѣпь. Наступила темная ночь. Лагерь затихъ, потухли огни. Только сторожевые посты прислушивались къ малѣйшему шороху, къ самому незначительному шуму въ окрестностяхъ и были въ полной готовности своими выстрѣлами предупредить отъ всякой неожиданности довѣрившійся имъ и ихъ бдительности отрядъ. Вдругъ среди ночи грянулъ въ цѣпи выстрѣлъ, за нимъ другой—и перекатная пальба открылась по всей линіи, поднявъ на ноги весь отрядъ. Особенность стоянія въ цѣпи, въ ночное время, да еще въ такую ночь, когда въ пяти шагахъ отъ себя уже ничего не видно, заключается въ томъ, что впечатлѣнія передаются по цѣпи весьма быстро; стоитъ одному выстрѣлить—и очень трудно удержать сосѣднія части отъ безсмысленной стрѣльбы по невидимой цѣли; такъ случилось и въ данную ночь: безотвѣтная пальба продолжалась нѣсколько минутъ. Причина, вызвавшая первый выстрѣлъ, оказалась слѣдующей: солдатъ-грузинецъ, стоя на часахъ въ цѣпи, вдругъ услышалъ неподалеку отъ себя на землѣ шорохъ; наклониться и приложить къ землѣ ухо, чтобъ лучше разслышать шумъ, было у него дѣломъ одной секунды; вдругъ увидѣлъ онъ въ ночной темнотѣ кого-то, подкрадывающагося съ непріятельской стороны по его направленію. Прицѣлился гренадеръ и, не шевелясь, сталъ выжидать приближенія тѣни, чтобы бить навѣрняка; шагъ за шагомъ, на корточкахъ, подкрадываясь какъ кошка, приближался текинецъ, должно быть, замѣтившій нашего солдата и считавшій его спящимъ. Раздался выстрѣлъ—и текинецъ безъ стона растянулся мертвымъ. Оказалось, что онъ подползъ къ нашей цѣпи, не имѣя другаго оружія, кромѣ остраго туркменскаго ножа, судорожно стиснутаго въ окоченѣвшей рукѣ. Говорили, что около того-же времени къ цѣпи подъѣзжали какіе-то всадники, но вообще остальная половина ночи прошла вполнѣ спокойно.

На утро 30-го августа мы выступили по направленію къ Кярызу, большому аулу, въ которомъ, къ нашему удивленію, оказалось нѣсколько не покинувшихъ его семействъ, поспѣшившихъ заявить командовавшему отрядомъ о своей принадлежности къ племени нухурцевъ, т. е., какъ я уже говорилъ выше, туркменскихъ жидовъ, и просившихъ объ охранѣ ихъ жизни и имущества отъ насилія, что и было немедленно обѣщано и дѣйствительно приведено въ исполненіе. Переходъ отъ мѣста ночлега къ Кярызу былъ очень затруднителенъ, такъ какъ пришлось пройти 23 версты въ сильную жару, среди клубовъ ѣдкой сѣрой пыли. Подходя къ Кярызу, просто поражаешься числомъ одиночныхъ глиняныхъ башенъ, расположенныхъ на очень близкомъ разстояніи одна отъ другой, вдоль всего поля, съ остатками снятыхъ съ него пшеницы и ячменя. Отлич-

ная вода кярызовъ, давшихъ аулу свое названіе, съ большимъ количествомъ выходящихъ внаружу отверстій, гарантировала насъ отъ страданія жаждою. Лошадямъ и здѣсь достался на долю текинскій запасъ юнджи и джугуры. Аулъ этотъ есть мѣсторожденіе Нуръ-Верды-хана. Многіе смѣшивали этого хана съ бѣжавшимъ изъ отряда еще до сбора ахалъ-текинскаго отряда прапорщикомъ милиціи Нуровымъ, впадая въ ошибку вслѣдствіе сходства именъ, между тѣмъ какъ между ними въ дѣйствительности нѣтъ ничего общаго. Исторія нашего перебѣжчика очень печальна. Полуграмотный, едва съ грѣхомъ пополамъ умѣвшій подписывать свою фамилію, дагестанецъ родомъ, магометанинъ по вѣрѣ, Нуровъ, добившись чина прапорщика милиціи, слонялся прикомандированнымъ то къ той, то другой части и наконецъ очутился въ Лабинскомъ казачьемъ полку. Горячій, вспыльчивый его характеръ навлекъ на него цѣлый рядъ непріятностей, столкновеній съ начальствомъ и офицерами; къ этому вскорѣ примѣшалась карточная игра, прямымъ послѣдствіемъ которой явились неоплатные долги, проигрыши. Подумалъ, пораскинулъ своимъ скуднымъ умомъ прапорщикъ милиціи и рѣшилъ попробовать счастья въ странѣ соотчичей по вѣрѣ. Выѣхавъ съ состоявшимъ при немъ казакомъ изъ Чата, онъ предложилъ казаку слѣзть съ коня и поджидать, кормя свою лошадь, пока онъ поохотится и не убьетъ что нибудь изъ берданки, для чего и взялъ у казака ружье и патроны и—былъ таковъ. Подождалъ казакъ до вечера, затѣмъ вернулся обратно въ Чатъ, заявивъ въ полку о пропажѣ ружья; полкъ сообщилъ высшему начальству о бѣгствѣ Нурова—и тѣмъ дѣло и покончилось. Спустя нѣкоторое время, Нуровъ прислалъ къ начальнику Закаспійскаго военнаго отдѣла безграмотную записку, въ которой трудно было добраться до смысла, но которая оканчивалась увѣреньемъ, что придетъ время, когда онъ окажетъ Россіи большую услугу, но ему, кажется, не удалось дожить до приведенія въ исполненіе своего обѣщанія, такъ какъ, по увѣреніямъ Тыкма-Сардара, Нуровъ будто-бы убитъ въ началѣ 1879 года какимъ-то обитателемъ оазиса, приревновавшимъ его къ своей женѣ.

Ночь съ 30-го на 31-е августа прошла спокойно. Ни одинъ выстрѣлъ не нарушилъ ночной тишины, да и во время слѣдующаго дневнаго перехода преслѣдованіе отряда текинцами ограничивалось только слѣдованіемъ за нами кучи всадниковъ, «на благородной дистанціи», съ очевидною цѣлью поднимать и забирать отсталыхъ верблюдовъ и брошеныхъ козловъ, за что изрѣдка приходилось имъ дорого расплачиваться, такъ какъ иногда мѣтко пущенная изъ цѣпи пуля укладывала на мѣстѣ рисковавшихъ черезчуръ близко подъѣзжать къ цѣпи. Общее

мнѣніе въ отрядѣ было то, что текинцы, понемногу оправляясь, сбираются съ силами и непремѣнно нападутъ на насъ, чтобы въ чистомъ полѣ, въ открытомъ бою, попробовать свои силы, вслѣдствіе чего ночная бдительность должна была быть доведена до высшей степени. Но оказалось, что и Кярызъ покинули мы безъ преслѣдованія съ ихъ стороны и направились къ прежней нашей дорогѣ на Дурунъ, гдѣ впервые пришлось отряду услыхать текинскій выстрѣлъ, гдѣ впервые полилась русская кровь раненаго въ ногу драгуна. Двадцать двѣ версты шли мы цѣлый день, причемъ насъ въ особенности долго задержало одно мѣсто, гдѣ текинцы, запрудивъ сѣверѣе одну изъ оросительныхъ канавъ, пустили воду прямо по полю. Разлившаяся вода размочила глинистую почву; лошади съ трудомъ могли двигаться, верблюды вязли и, скользя, попадали, съ большимъ усиліемъ поднимаясь на ноги; орудія же положительно приходилось выносить на рукахъ. Догадайся текинцы сдѣлать это на всемъ протяженіи нашего отступленія, и мы бы положительно, какъ говорится, «зарѣзали» лошадей и верблюдовъ. Послѣднихъ съ этого перехода приказано было не бросать живыми, въ случаѣ, если который пристанетъ, а предварительно убивать, такъ какъ убѣдились, что они составляютъ главную приманку преслѣдовавшихъ насъ текинцевъ. Вслѣдствіе этого каждый, легшій и не встающій затѣмъ верблюдъ немедленно закалывался нѣсколькими ударами штыковъ, причемъ надо было только удивляться живучести этого животнаго, выдерживающаго много подобныхъ ударовъ прежде, чѣмъ разстаться съ жизнью. Мѣра оказалась вполнѣ дѣйствительною, и текинцы, бросившись къ оставленнымъ верблюдамъ и увидѣвъ, что поживы нѣтъ, вскорѣ повернули во свояси.

Подходя къ Дуруну, мы застали только что прибывшія туда изъ Бендесена двѣ сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и прошедшія по оазису совершенно безпрепятственно, нигдѣ не встрѣтивъ непріятеля. Ночь провели мы спокойно и на разсвѣтѣ выступили въ дальнѣйшій путь, по уже пройденной нами дорогѣ.

Въ моментъ нашего выхода изъ Дуруна, раздался ружейный залпъ, повергшій многихъ въ недоумѣніе; оказалось, что залпъ былъ сдѣланъ при опусканіи въ могилу тѣла умершаго отъ раны штабъ-капитана Ширванскаго полка, Яковлева. Бѣдный Яковлевъ, страшно страдая во время переходовъ отъ Геокъ-тепе до Дуруна, не далъ согласія на извлеченіе пули изъ полости живота. Никакія уговариванія доктора, ни увѣщеванія товарищей на него не дѣйствовали; наконецъ, наканунѣ смерти далъ свое согласіе, но уже было поздно, и онъ вскорѣ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Земля надъ его могилой была немедленно сравнена,

дабы текинцы не имѣли возможности выкопать его трупъ и издѣваться надъ нимъ. Верблюды отряда были такъ утомлены непрерывнымъ движеніемъ безъ дневокъ, что количество, которое приходилось ежедневно бросать, возрастало въ ужасающей прогресіи, такъ что рѣшено было по возможности сокращать переходы, вслѣдствіе чего путь до Арчмана, сдѣланный при наступательномъ движеніи отряда въ одинъ день, теперь былъ раздѣленъ на два перехода, причемъ первый ночлегъ пришелся около аула Сунча вдоль канавки, орошающей всѣ поля этого аула. Денное охраненіе бивака было возложено на кавалерію, ночное же на пѣхоту.

При самомъ занятіи ночлега окружавшая бивакъ мѣстность была тщательно осмотрѣна и на выдающихся ея пунктахъ поставлены были кавалерійскіе пикеты; къ вечеру же эти пикеты были сняты и вмѣсто ихъ выслали пѣхотную цѣпь, для которой было наряжено по 200 человѣкъ отъ каждаго фаса. Выгонъ верблюдовъ на пастьбу былъ строго воспрещенъ, и ночью они должны были оставаться со связанными ногами; отъ частей наряжены команды рабочихъ, которыя обязаны были набрать для нихъ джугуры и саману. Къ вечеру вода оказалась отведенной; на нашихъ глазахъ она стала быстро падать, уменьшаться и вскорѣ совершенно изсякла. Немедленно была послана въ горы сотня таманцевъ и эскадронъ драгунъ съ цѣлью вновь пустить воду по старому руслу, что и удалось имъ вполнѣ, хотя впрочемъ, еслибъ и не былъ найденъ источникъ, то и тогда этотъ отводъ не причинилъ бы особенныхъ бѣдствій, такъ какъ въ самомъ аулѣ было достаточное количество воды, накопившейся въ глубокой цистернѣ. Въ этотъ же день прибыли два туркмена-милиціонера изъ Чекишляра, привезя съ собою почту. Между прочими бумагами оказался и приказъ Великаго Князя Главнокомандующаго кавказской арміей о назначеніи генералъ-маіора Ломакина временно-командующимъ войсками экспедиціоннаго отряда. Туркмены, привезшіе почту, пробрались черезъ оазисъ, тщательно избѣгая проѣзжать черезъ селенія, а минуя ихъ, нигдѣ никого не встрѣтили, между тѣмъ какъ посланные въ тотъ же вечеръ милиціонеры съ бумагами въ Чекишляръ вскорѣ вернулись обратно, увѣряя, что чуть-чуть не попались въ плѣнъ, встрѣченные большой непріятельской партіей, такъ что для сопровожденія почты принуждены были послать, кажется, 15 человѣкъ, на обязанности которыхъ лежало довезти курьеровъ до Бендесена.

На слѣдующій день мы прибыли въ Арчманъ и расположились бивакомъ не доходя аула, причемъ вновь было отдано распоряженіе объ охраненіи имущества арчманцевъ; между тѣмъ съ горъ, почти приле-

гающихъ къ селенію, уже съ вечера стали раздаваться одиночные выстрѣлы, а на утро, при выступленіи отряда въ дальнѣйшій путь, выстрѣлы стали все болѣе и болѣе учащаться и наконецъ завязалась правильная перестрѣлка съ высланными противъ стрѣлявшихъ дагестанцами. Выгнать засѣвшихъ за каменьями на очень трудно доступной мѣстности текинцевъ—было очень трудно, да и не стоило въ виду нашего ухода и безвредности ихъ стрѣльбы, а потому вслѣдъ за выступленіемъ отряда тронулись въ путь и дагестанцы, причемъ текинцы такъ и не вышли изъ-за закрытій.

Вечеромъ 3-го сентября прибылъ отрядъ въ Беурму, и мы узнали, что рѣшено до прибытія повелѣнія изъ Тифлиса остаться въ Беурмѣ, для чего приказано было, расположившись бивакомъ, выбрать мѣсто для постройки укрѣпленія. Необходимо было позаботиться о подвозѣ къ Беурмѣ продовольствія и зимней одежды, вслѣдствіе чего 6-го сентября былъ отправленъ въ Бендесенъ транспортъ изъ 567 верблюдовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ было сдѣлано распоряженіе о подвозѣ съ базы провіанта и фуража.

Относительно довольствія отрядъ приходилъ все въ худшее и худшее положеніе—и дѣйствительно приходилось призадуматься о завтрашнемъ днѣ. Запасъ провіанта и фуража хотя и былъ взятъ отрядомъ по 6-е сентября, но если принять во вниманіе разсыпку по пути, *верблюдовъ*, *бѣжавшихъ* во время денгиль-тепинскаго боя, и другія болѣе мелкія причины, то приходится только удивляться, какъ еще оставалось что-нибудь ко дню прибытія въ Беурму. Крупы уже не было ни зерна почти ни въ одной части. Сухари раздавались очень экономно, менѣе, чѣмъ по фунту въ день на человѣка. Мяса, даже бараньяго, въ отрядѣ уже не было и войскамъ давалась противная на вкусъ козлятина, причемъ на 100 человѣкъ отпускалось по четыре козла въ день. Въ Беурмѣ устроили лагерь, разставили палатки, разбили коновязи, всѣ сгруппировались, собрались съ духомъ; чувствовалось, что текинцы больше не страшны и большинству даже хотѣлось хоть еще разъ сразиться съ непріятелемъ, но непріятель не появлялся. Впрочемъ утромъ на другой день, т. е. 4-го сентября, около отроговъ Копетъ-Дагскаго хребта показалась большая партія конныхъ текинцевъ. На встрѣчу имъ были немедленно высланы двѣ сотни дагестанцевъ, сотня полтавцевъ (съ ракетами) и эскадронъ драгунъ. Увидя, что текинцы группируются—пустили въ толпу нѣсколько ракетъ. Ракеты дѣйствовали великолѣпно и нагнали такой страхъ на текинцевъ, что они разсыпались во всѣ стороны. Дагестанцы бросились ихъ преслѣдовать, причемъ успѣли нѣсколькихъ текинцевъ изрубить, а двоихъ захватить въ плѣнъ.

По возвращеніи этихъ частей въ лагерь, было приступлено къ допросу плѣнныхъ. По ихъ показаніямъ партія состояла изъ 750 человѣкъ и слѣдовала за отрядомъ изъ Геокъ-тепе, причемъ на дорогѣ къ ней присоединились всадники изъ Арчмана и Нухура. Они же объявили, что Нуръ-Верды-ханъ, прибывъ изъ Мерва, надъ трупомъ сына поклялся отомстить русскимъ и что онъ уже выступилъ изъ Геокъ-тепе и направляется къ намъ. По предложенію начальника штаба полковника Маламы, одного изъ плѣнныхъ рѣшено послать къ текинцамъ съ предложеніемъ покориться русскимъ войскамъ, такъ какъ, въ случаѣ упорства съ ихъ стороны, на слѣдующій годъ придетъ большое количество войскъ и во всякомъ случаѣ силою оружія покорятъ ихъ и заставятъ подчиниться. Письменное посланіе, въ которомъ все это было изложено подробно, вручено было одному изъ плѣнныхъ, причемъ ему было объявлено, что если онъ не принесетъ отвѣта въ недѣльный срокъ, то его товарищъ будетъ казненъ. Текинецъ поклялся, что исполнитъ возложенное на него порученіе, и на четвертый день дѣйствительно вернулся, принеся отвѣтъ отъ хановъ и ишановъ. Отвѣтъ былъ слѣдующій: «передай генералу, что Теке только тогда покорится, когда его покорятъ силой». Въ тотъ же день, т. е. 4-го сентября, отрядъ нашъ усилился прибытіемъ четырехъ ротъ Апшеронскаго полка и одной роты Дагестанскаго, вызванныхъ и пришедшихъ изъ Бендесена подъ командою полковника князя Магалова. Стоянка въ Беурмѣ повидимому обѣщала быть продолжительною; поговаривали объ устройствѣ въ этомъ пунктѣ артилерійскаго и интендантскаго складовъ и объ оставленіи въ немъ гарнизона на зиму, а между тѣмъ извѣстія съ базы не приносили ничего утѣшительнаго; между прочимъ сообщалось объ открывшемся падежѣ верблюдовъ и о прекратившейся по этой причинѣ подвозкѣ довольствія даже войскамъ, остававшимся на сообщеніяхъ. Кромѣ того, одной изъ главныхъ помѣхъ въ дѣлѣ доставки съ базы провіанта явился недостатокъ верблюжьихъ сѣделъ. Въ Дузъ-Олумѣ хотя и имѣлось до трехъ тысячъ верблюдовъ, но изъ нихъ 500 по слабости и изнуренію не могли быть приняты въ разсчетъ, да болѣе 1,500 должны были оставаться въ бездѣйствіи, за неимѣніемъ сѣделъ, тогда какъ для безостановочнаго снабженія продовольствіемъ — какъ передоваго отряда, такъ и войскъ, расположенныхъ на передовыхъ опорныхъ пунктахъ отъ Дузъ-Олума до Бендесена, требовалась постоянная работа двухъ тысячъ верблюдовъ, слѣдовательно сѣделъ не хватало какъ разъ на половину. Заготовка такого громаднаго числа новыхъ сѣделъ, при совершенномъ неимѣніи подъ рукою необходимыхъ матеріаловъ, представлялась немыслимою. Въ то время перевозка продовольствія отъ Чата къ Дузъ-Олуму

тоже шла неуспѣшно, производимая на казенныхъ фургонахъ, отнятыхъ отъ всѣхъ частей, какъ передовыхъ, такъ и сосредоточенныхъ въ Дузъ-Олумѣ, еще въ августѣ мѣсяцѣ. Часть изъ нихъ пришла въ негодность, оставшіяся же, въ числѣ десяти, были черезчуръ недостаточны. Между тѣмъ довольствіе уменьшилось на столько, что положительно отряду грозилъ голодъ, и лошади уже начали получать всего по два фунта галетъ въ сутки; притомъ нигдѣ нельзя было достать сѣна или травы. Нѣкоторое время кормили ихъ сорванной дынной и арбузной травой, оказавшей на здоровье лошадей очень вредное вліяніе. Такъ, въ драгунскомъ дивизіонѣ отъ кроваваго поноса въ одинъ день пало 12 лошадей. Наконецъ, и людямъ стали выдавать всего лишь по $^1/_2$ фунта сухарей, да и большое стадо козловъ, захваченное нами при Денгильтепе, уменьшилось до очень ограниченныхъ размѣровъ. А подвоза все не было.

Едва-ли въ нашей арміи былъ хоть одинъ походъ новѣйшаго времени, въ которомъ офицеры были бы поставлены въ болѣе тяжелое положеніе относительно удовлетворенія своихъ нуждъ и привычекъ. Никакихъ маркитантовъ не слѣдовало за отрядомъ, никакихъ торговцевъ не было при частяхъ во все время движенія по оазису. Это произошло отъ того, что бакинскій купецъ, италіанецъ Беньями, предложилъ, если не ошибаюсь, еще генералу Лазареву сдѣлаться отряднымъ маркитантомъ съ тѣмъ, чтобъ ему выдали заимообразно изъ штаба 1,500 рублей, на которые онъ и долженъ былъ закупить необходимые припасы и затѣмъ слѣдовать за отрядомъ, пользуясь отрядными перевозочными средствами. Предложеніе было принято, деньги выданы и всѣмъ мелкимъ маркитантамъ, предлагавшимъ свои услуги, отказано въ нихъ. Между тѣмъ, отрядъ двинулся въ путь, а нашего италіанца все еще не было: онъ еще не возвращался изъ Баку, гдѣ былъ задержанъ покупкою продуктовъ. Со дня на день ожидали, что онъ догонитъ отрядъ, но ожиданія оказались тщетными, и послѣдствіемъ этого было то, что ни вина, ни водки, ни малѣйшей закуски, ни табаку не стало у офицеровъ съ первыхъ же шаговъ по непріятельской землѣ.

5-го сентября отрядъ нашъ еще увеличился прибытіемъ дивизіона Лабинскаго казачьяго полка и взвода ракетной батареи, вернувшихся изъ набѣга, совершеннаго ими на кочевья атабаевцевъ, въ наказаніе за мошенничество относительно проданныхъ ими нашему отряду верблюдовъ, за которыхъ они получили условленную плату, но вмѣсто того, чтобъ привести, ихъ угнали въ противоположную сторону, откочевавъ на другое мѣсто. 21-го августа эта летучая колонна выступила изъ Ходжамъ-кала, подъ начальствомъ полковника Навроцкаго. Переваливъ

черезъ Кюрендагскія горы, она направилась къ атабаевскимъ ауламъ, расположеннымъ въ Доната и Куня-Керимѣ. На второй день движенія, верблюды, сильно тормозившіе быстроту переходовъ, были оставлены у родника «Арватъ»; сотни же, взявъ двухдневное довольствіе, направились въ дальнѣйшій путь. Сдѣлавъ въ 16 часовъ времени переходъ въ 110 верстъ, они напали на разсвѣтѣ 23-го числа на Доната.

Мужское населеніе бросилось на утекъ, уводя съ собою верблюдовъ, но ихъ настигли и верблюдовъ отбили, причемъ туркмены ранили одного казака и лошадь. Оставивъ одну сотню изъ дивизіона подполковника Арнольди въ этомъ аулѣ, Навроцкій повелъ другую въ слѣдующее кочевье Куня-Керимъ, отстоявшее отъ перваго на семь верстъ. Предупрежденные туркмены уже удалялись съ верблюдами, нагруженными ихъ имуществомъ: казаки бросились на нихъ, и атабаевцы, послѣ непродолжительной перестрѣлки, бѣжали, оставивъ на мѣстѣ шесть тѣлъ и всѣхъ верблюдовъ. Всего колонна отбила 1,900 верблюдовъ; изъ нихъ отобравъ 1,300 штукъ и 190 сѣделъ, Навроцкій пошелъ обратно, но не прежней дорогой, а на Кизилъ-Арватъ, куда и прибылъ на третьи сутки.

Текинская крѣпость Кизилъ-Арватъ, хотя и не встрѣтила наши войска враждебно, но въ пріемѣ замѣтна была холодность; было ясно, что если текинцы и исполнили требованіе русскихъ, то только изъ боязни, такъ какъ все, что только было въ состояніи носить оружіе,—ушло подъ Геокъ-тепе, и въ аулѣ, считающемъ въ своемъ составѣ 500 кибитокъ, не оказалось ни одной лошади, ибо всѣ были отправлены туда же. Простоявъ въ Кизилъ-Арватѣ нѣсколько часовъ и расплатившись за все взятое у текинцевъ, къ крайнему ихъ удивленію, Навроцкій вернулся въ Ходжамъ-кала, пройдя мимо крѣпостцы Кара-кала, гдѣ туркмены приняли казаковъ очень радушно и угощали ихъ чѣмъ могли. 6-го сентября утромъ назначены были части, а именно: Куринскій баталіонъ, Волгская сотня и два горныхъ орудія, подъ командою маіора Дацоева, отправиться прямымъ путемъ черезъ горы въ Бендесенъ съ тѣмъ, чтобы привести въ Беурму всѣ тяжести отряда, оставленныя частями войскъ въ Бендесенѣ при отправленіи ихъ на ахалъ-текинскую территорію. Такимъ образомъ отрядъ убѣдился, что ему придется остаться въ Беурмѣ, хотя это и казалось немыслимымъ, въ виду вышеупомянутыхъ причинъ. Но не прошло и четырехъ часовъ со времени выступленія этой колонны, какъ по отряду отдано было приказаніе приготовиться къ выступленію, и къ шести часамъ вечера мы уже расположились бивакомъ у входа въ Козлинскій проходъ Копепетъ-Дага, верстахъ въ двухъ отъ Бами. Причиной такого измѣненія въ планѣ дѣйствій отряда, какъ оказалось, было рѣшеніе состоявшагося утромъ военнаго совѣта,

признавшаго немыслимымъ дальнѣйшее пребываніе отряда въ Беурмѣ (1).

Такое рѣшеніе обусловливалось слѣдующими соображеніями: во-первыхъ, вполнѣ выяснилось, что въ тылу отряда положеніе перевозочныхъ средствъ такъ неудовлетворительно, что даже въ ближайшемъ будущемъ нѣтъ никакой возможности разсчитывать на поправку; во-вторыхъ, открывшійся падежъ верблюдовъ сдѣлалъ немыслимымъ пополненіе продовольственныхъ складовъ не только въ Беурмѣ, но даже и въ Бендесенѣ, и въ Ходжамъ-калѣ; въ третьихъ, въ отрядѣ было полное истощеніе довольствія, которое вслѣдствіе двухъ вышеприведенныхъ причинъ не могло быть пополнено. Кромѣ того, были получены свѣдѣнія что текинцы партіями пробирались на наши сообщенія съ цѣлью прервать ихъ, а также отвести воду изъ Сумбара и Чандыря, что могло бы образовать на пути нашего отряда переходъ сто верстъ слишкомъ.

Немедленно по прибытіи отряда къ Бами, въ аулъ были командированы партіи фуражировъ, которые нарубили и привезли лошадямъ массу джугуры. Надо было видѣть, съ какою жадностью набросились отощавшія лошади на этотъ вкусный, свѣжій кормъ. На этомъ бивакѣ получено было въ отрядѣ извѣстіе о назначеніи начальникомъ отряда, вмѣсто покойнаго Лазарева, генералъ-лейтенанта Тергукасова. Это назначеніе порадовало всѣхъ, такъ какъ новый нашъ начальникъ, въ бытность его начальникомъ эриванскаго отряда въ минувшую кампанію, снискалъ себѣ любовь всѣхъ бывшихъ его подчиненныхъ. Какъ на главныя достоинства его, указывалось на знаніе боеваго дѣла и на осторожность; про него говорили, что Тергукасовъ никогда безъ пользы дѣлу не рискнетъ ни однимъ человѣкомъ. Проведя ночь совершенно спокойно, на утро слѣдующаго дня выступилъ отрядъ по направленію къ Бендесену. Во главѣ двигалась кавалерія подъ начальствомъ князя Витгенштейна. Первоначальный проектъ былъ тотъ, чтобы, отойдя семь верстъ по ущелью, занять выходъ изъ него у источниковъ и, построивъ въ этомъ пунктѣ укрѣпленіе на шесть баталіоновъ съ соотвѣтствующею кавалеріею и артилеріею, стать твердой ногой у входа въ оазисъ. Но при этомъ все-таки никакъ не разрѣшался вопросъ о довольствіи этого отряда. Между тѣмъ вопросъ настоятельно требовалъ разрѣшенія, такъ какъ уже въ нѣкоторыхъ частяхъ было полное отсутствіе провіанта. Начальникъ кавалеріи заявилъ временно-командующему отрядомъ, что, въ случаѣ оставленія кавалеріи у источниковъ, въ виду полнаго отсут-

(1) Въ совѣтѣ принимали участіе: начальники—отряднаго штаба, пѣхоты, кавалеріи и артилеріи и полковники—князь Долгорукій, Шкуринскій, Гродековъ и Навроцкій.

ствія фуража у ввѣренныхъ ему частей, по собраннымъ официальнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ командующихъ частями, за могущія быть послѣдствія — онъ слагаетъ съ себя отвѣтственность. Вслѣдствіе этого заявленія, кавалерія получила разрѣшеніе идти прямо въ Бендесенъ. Длинною цѣпью, по узкой, знакомой уже намъ дорогѣ потянулась кавалерія, представляя дѣйствительно живописную картину. Въ особенности эфектно было, когда колоннѣ пришлось идти въ томъ пунктѣ, гдѣ дорога, вслѣдствіе крутизны подъемовъ, разработана винтообразно, такъ что идущимъ по нижней дорогѣ было видно еще четыре линіи шедшихъ надъ ихъ головами всадниковъ. Визгливо пищала зурна, басомъ гудѣлъ тулумбасъ, служа ей какъ-бы акомпаниментомъ; дагестанецъ выдѣлывалъ гортанныя трели своихъ оригинальныхъ мотивовъ. Казаки закатывали боевую кавказскую пѣсню.

Все сливалось въ одинъ общій гулъ, передаваясь на нѣсколько ладовъ эхомъ ущелья. Обезсиленныя лошади тяжело взбирались на крутой подъемъ. Люди пѣли, лошади трудились—всѣ на тощій желудокъ. А что-то будетъ впереди и есть-ли возможность въ Бендесенѣ удовлетворить потребностямъ такого значительнаго числа людей?—думалось каждому изъ насъ. Вскорѣ нагналъ кавалерію и графъ Борхъ. Какъ оказалось, онъ тоже получилъ рапорты отъ командировъ нѣкоторыхъ частей въ неимѣніи довольствія, и такъ какъ на скорое полученіе его временно-командующій отрядомъ не могъ разсчитывать, то графъ Борхъ доложилъ генералъ-маіору Ломакину, что, при подобныхъ обстоятельствахъ, принужденъ сдѣлать заявленіе, одинаковое съ высказаннымъ начальникомъ кавалеріи. Было бы дѣйствительно страннымъ оставить Беурму по вышеразъясненнымъ причинамъ и остановиться въ 20-ти верстахъ отъ нея, гдѣ условія были совершенно тѣ же.

Такимъ образомъ пѣхота, сдѣлавъ въ выбранномъ пунктѣ привалъ, получила тоже приказаніе двигаться дальше къ Бендесену. Когда уже хвостъ сильно растянувшейся пѣхотной колонны входилъ въ ущелье, подскакало къ арьергарду нѣсколько всадниковъ, изъ которыхъ одинъ громко прокричалъ, совершенно близко подъѣхавъ къ цѣпи: «Скоро вы всѣ будете уничтожены: мервскій ханъ Нуръ-Верды уже не далеко: не сегодня, такъ завтра настигнетъ онъ васъ. У него 15,000 войска и 15 орудій,—ни одинъ изъ васъ не уйдетъ живымъ».

Результатомъ этого нахальнаго извѣщенія было то, что непрошеннаго глашатая поймали дагестанцы и, отнявъ прекрасную его лошадь, взяли въ плѣнъ. На допросѣ онъ подтвердилъ свое показаніе. Двигаться съ упомянутыми верблюдами, да еще въ гору, было крайне затруднительно. Обыкновенный медленный шагъ этихъ терпѣливыхъ и выносли-

выхъ животныхъ дошелъ до minimum'а скорости; на каждомъ шагу приходилось останавливаться отряду изъ-за падавшихъ отъ изнеможенія верблюдовъ. Упавшее животное загораживало путь; еще пѣхотинцу или кавалеристу можно бы было кое-какъ объѣхать его, но орудіямъ и санитарнымъ повозкамъ немыслимо, а потому приходилось верблюдовъ, разовьючивъ, сволакивать съ дороги, иногда сбрасывая съ кручи.

Такимъ образомъ на пяти верстахъ подъема пришлось отряду бросить болѣе 120-ти верблюдовъ, что еще болѣе уменьшило число перевозочныхъ средствъ. Часть тяжестей, снятыхъ съ павшихъ верблюдовъ, принуждены были предать сожженію; такіе же предметы, какъ, напримѣръ: патроны, солдатскія шинели и т. д. разбирали шедшіе въ арьергардѣ казаки ракетной сотни, причемъ это добро представляло столь почтенный вѣсъ, что почти всей сотни, нагрузившей своихъ коней, для облегченія ихъ, пришлось идти пѣшкомъ. Авангардъ, не встрѣчая по пути никакихъ препятствій, прибылъ въ Бендесенъ около часа пополудни, тогда какъ арьергардъ едва добрался на разсвѣтѣ слѣдующаго дня; можно себѣ представить утомленіе людей, бывшихъ въ хвостѣ колонны. Въ Бендесенѣ, какъ оказалось, за два дня до нашего прихода, партія текинцевъ, воспользовавшись оплошностью выѣхавшихъ на фуражировку нѣсколькихъ человѣкъ лабинскихъ казаковъ, трехъ убила, а двухъ тяжело ранила. Немедленно по приходѣ на ночлегъ набросились всѣ офицеры на бывшихъ при войскахъ, находившихся въ Бендесенѣ, маркитантовъ и немедленно расхватали все, что только нашли у нихъ. До чего пользовались при этомъ предпріимчивые армяне, можно судить по тому, что бутылка коньяку Елисѣевскаго розлива, обыкновенно стоющая въ городахъ 2 руб., продавалась по 5 руб., затѣмъ цѣна, все возвышаясь, дошла до 9-ти и наконецъ коньякъ былъ совсѣмъ изъятъ изъ продажи за расходомъ всего имѣвшагося въ запасѣ, а имѣлось его достаточное количество. Въ эту же ночь бѣжалъ отъ насъ сопровождавшій отрядъ все время его движенія по оазису Тыкма-Сардаръ съ сыномъ и всей свитой. Все время похода онъ ѣхалъ при отрядѣ, совершенно свободно, безъ всякаго конвоя, а только по секрету наблюдали за нимъ съ цѣлью воспрепятствовать бѣгству, если-бы у него явилось такое намѣреніе. Главное наблюденіе надъ нимъ было поручено капитану Ширванскаго полка Ягубову, исполнявшему должность пристава, владѣющему свободно татарскимъ языкомъ и прозванному туркменами Ягубъ-ханомъ. 7-го числа вечеромъ Ягубовъ получилъ сообщеніе о намѣреніи Тыкма-Сардара бѣжать изъ отряда съ сопровождавшей его свитой. Съ цѣлью не дозволить ему бѣжать, Ягубовъ обратился къ адъютанту отряда съ просьбою назначить къ нимъ караулъ, намѣреваясь

арестовать ихъ. Караулъ былъ назначенъ, но когда Ягубовъ пришелъ къ ставкѣ Сардара, его уже и слѣдъ простылъ, равно какъ и всей его свиты. Оказалось, что они преспокойно сѣли на лошадей и шагомъ, въ виду всѣхъ, уѣхали, причемъ никто не обратилъ на это обстоятельство ни малѣйшаго вниманія, такъ какъ они и прежде, пользуясь полной свободой, разъѣзжали часто по лагерю. Вообще, мнѣ всегда казалось положеніе Тыкма-Сардара какимъ-то двуличнымъ; свою свиту онъ зачастую разсылалъ Богъ знаетъ куда и зачѣмъ; во время Денгиль-тепинскаго боя просился поѣхать въ аулъ, дабы отговорить текинцевъ отъ сопротивленія, причемъ, къ счастію, его не отпустили, что привело его въ отчаяніе; наконецъ теперь онъ бѣжалъ, не смотря на то, что кромѣ почета и ласковаго со стороны русскихъ обращенія, ничего не видѣлъ. Въ особенности это бѣгство кажется страннымъ въ виду того, что ему было обѣщано въ случаѣ, если онъ будетъ, такъ сказать, проводникомъ по оазису, возвратить 250 верблюдовъ изъ числа отнятыхъ во время набѣга на колодцы Ніазъ и составляющихъ яко-бы его принадлежность. Теперь, когда его мисія была приведена къ концу и, казалось бы, Тыкма-Сардаръ долженъ получить вознагражденіе, онъ вдругъ спасается бѣгствомъ.

На другой день утромъ приступили къ распредѣленію довольствія между собранными въ Бендесенѣ частями, причемъ была отнята часть довольствія отъ стоявшихъ въ Бендесенѣ войскъ. Но вскорѣ пришлось убѣдиться, что даже занятіе Бендесена и Ходжамъ-калы при существовавшемъ положеніи перевозочныхъ средствъ, было немыслимо и что надо было заботиться о сосредоточеніи войскъ поближе къ базѣ. Въ особенности безпокоило довольствіе кавалеріи, которое могло быть обезпечено лишь въ Дузъ-Олумѣ, Чатѣ и Чекишлярѣ, вслѣдствіе чего, за положительною, абсолютною невозможностью оставленія кавалеріи въ Бендесенѣ, приказано было ей направиться въ Терсаканъ,—и 8-го сентября кавалерія покинула Бендесенъ.

Въ Терсаканѣ кавалерія нашла очень малый запасъ фуража, но зато застала отряднаго маркитанта Беньями съ большимъ запасомъ вина, консервовъ и всевозможныхъ припасовъ, все по страшно высокой цѣнѣ. Во всякомъ случаѣ прибытіе Беньями много способствовало возвращенію хорошаго настроенія духа, изгнаннаго изъ отряда событіями послѣднихъ дней.

Войска, занимавшія Бендесенъ и Ходжамъ-калу, присоединились къ отряду, ходившему въ оазисъ. За все время слѣдованія изъ Бендесена, текинцы не показывались, и обѣщанный Нуръ-Верды повидимому не рискова[illegible] перебраться черезъ перевалъ. Впрочемъ, наканунѣ выступленія

отряда изъ Бендесена получено было извѣщеніе, будто-бы Нуръ-Верды, перейдя черезъ Копетъ-Дагъ противъ Ходжамъ-кала, намѣренъ отрѣзать отряду путь отступленія, вслѣдствіе чего былъ немедленно отправленъ въ Ходжамъ-кала баталіонъ апшеронцевъ съ приказаніемъ устроить укрѣпленіе и быть наготовѣ до прихода отряда.

10-го сентября, въ шесть часовъ утра, отрядъ въ составѣ $6^1/_2$ баталіоновъ, $3^1/_2$ сотенъ, семи полевыхъ, четырехъ горныхъ орудій, съ отдѣленіемъ Краснаго Креста и продовольственнымъ складомъ, поднятымъ на 70-ти верблюдахъ, выступилъ изъ Бендесена и къ тремъ часамъ прибылъ къ Ходжамъ-кала. При движеніи за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ приказано было шинели и мундиры, а также и патроны, считая по 120 на человѣка, раздать людямъ на руки; всѣ негодныя и пришедшія въ ветхость вещи были сожжены въ Бендесенѣ. Сдѣлавъ дневку въ Ходжамъ-кала, принявъ изъ продовольственнаго склада имѣвшіеся въ немъ пищевые консервы и обезпечивъ себя водой въ боченкахъ, насколько это было возможно по числу имѣвшихся перевозочныхъ средствъ, отрядъ выступилъ въ дальнѣйшій путь 12-го числа. Переночевавъ у колодцевъ Маргисъ, войска на слѣдующій день выступили въ Терсаканъ, куда и прибыли поздно вечеромъ. Драгунскій дивизіонъ и четыре дагестанскія сотни, вслѣдствіе недостатка въ Терсаканѣ фуража, были отосланы въ Дузъ-Олумъ; остальныя же войска въ количествѣ $10^1/_4$ бат., пяти сотенъ, восьми пѣшихъ, четырехъ конныхъ и четырехъ горныхъ орудій, расположились лагеремъ на правомъ берегу Сумбара, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлаетъ небольшой изгибъ къ западу. Мѣстность эта была очень удобна, на случай обороны. Лѣсъ, росшій по берегамъ рѣки, былъ въ недалекомъ разстояніи; ущелье съ запада и востока окружалось почти недоступными по своей крутизнѣ горами, такъ что для нападенія непріятель могъ воспользоваться только двумя передними или тыльными тѣснинами. Важный недостатокъ мѣстности заключался однако въ крутизнѣ спусковъ къ рѣкѣ и положительной невозможности безъ значительной разработки поить въ рѣкѣ лошадей и верблюдовъ. Вслѣдствіе чего, немедленно по прибытіи отряда, приступлено было къ исправленію стараго и устройству новаго спусковъ, что и было вскорѣ приведено къ концу, при помощи саперной роты и рабочихъ отъ баталіоновъ. Сверхъ того, приступлено было къ очищенію какъ окружающей мѣстности, такъ и теченія р. Сумбара отъ верблюжьихъ труповъ и другихъ нечистотъ. Въ это время пастьба верблюдовъ производилась въ пяти верстахъ отъ лагеря по Ходжамъ-калинскому ущелью, подъ прикрытіемъ одного пѣхотнаго баталіона и одной сотни, назначавшихся поочереди, причемъ сотня раньше выгона верблю-

довъ должна была совершить объѣздъ окрестностей. Совершенное отсутствіе сухаго фуража и недостатокъ зернового заставили отвести мѣсто въ тылу лагеря по Сумбару для фуражировокъ, которыя и производились ежедневно, подъ прикрытіемъ пѣхотной роты; но ни камыша, ни травы въ окрестностяхъ Терсакана не было, а приходилось косить сухую полынь. 18-го сентября была назначена комисія для опредѣленія степени годности бывшихъ при отрядѣ верблюдовъ. Какъ участвовавшій лично въ этой комисіи, могу засвидѣтельствовать, что никогда я не думалъ, чтобъ животное могло еще жить и даже таскать вьюки, находясь въ положеніи, въ какомъ оказались многія изъ нихъ. Отсутствіе горба, а вмѣсто него зіяющая рана, наполненная сукровицею и гноемъ, плескающими черезъ край при каждомъ шагѣ, при малѣйшемъ движеніи, открытые внаружу отростки позвоночнаго хребта, масса червей, кишащихъ въ язвѣ,—вотъ картины, которыя намъ пришлось видѣть и которыя предстали передъ нашими глазами. Вполнѣ здоровыхъ верблюдовъ почти не было и, не смотря на то, что комисія имѣла въ виду крайнюю необходимость въ отрядѣ перевозочныхъ средствъ, результаты ея осмотра оказались крайне плачевны. Всего комисіей осмотрѣно 2,977 верблюдовъ, причемъ мы держались слѣдующихъ трехъ дѣленій: 1) годные, т. е. могущіе подымать отъ пяти до восьми пудовъ; 2) посредственные, т. е. съ трудомъ способные перевозить тяжесть до пяти пудовъ, и 3) негодные; къ послѣдней категоріи принадлежали абсолютно никуда негодные.

Осмотръ 636-ти казенныхъ верблюдовъ показалъ, что изъ нихъ: годныхъ—66, посредственныхъ—308, негодныхъ—262. Изъ 2,341-го наемныхъ туркменскихъ верблюдовъ оказалось: годныхъ—570, посредственныхъ—1,372, негодныхъ—399. Въ составъ комисіи, представившей этотъ отчетъ, вошли, кромѣ офицеровъ, и знатоки верблюжьяго дѣла Нефесъ-Мергенъ и Караванъ-Баши, къ показаніямъ которыхъ нельзя было относиться иначе, какъ къ авторитетамъ въ данномъ случаѣ.

Такъ какъ очевидно было, что въ 1879 году отряду немыслимо предпринять вновь какія-либо наступательныя дѣйствія, а приходилось хлопотать о новой организаціи экспедиціи, то и рѣшено было позаботиться размѣщеніемъ отряда на зимнихъ квартирахъ и, прежде всего, перенесеніемъ штаба отряда въ Чекишляръ. Ждали только пріѣзда новаго начальника отряда; впрочемъ кавалерію двинули къ Чату до пріѣзда генерала Тергукасова. Наконецъ, 23-го сентября прибылъ въ Терсаканъ генералъ-адъютантъ Тергукасовъ и, объѣхавъ войска, поблагодарилъ ихъ за службу, передалъ благодарность

главнокомандующаго за геройство, оказанное войсками въ Денгиль-тепинскомъ бою, и принялъ командованіе отрядомъ.

Первымъ шагомъ генерала на новомъ поприщѣ было назначеніе слѣдствія о состояніи отряда, для доставленія подробнаго донесенія главнокомандующему. Слѣдствіе было поручено пріѣхавшему съ нашимъ новымъ начальникомъ генералъ-маіору Гурчину, приступившему немедленно къ выполненію даннаго ему порученія. Еще въ Дузъ-Олумѣ встрѣтилъ Тергукасовъ раненыхъ отряда, которыхъ эвакуировали въ Чатъ, и, обойдя ихъ, распрашивалъ о состояніи здоровья, благодаря за службу.

Каждому раненому нашлось у Тергукасова доброе слово утѣшенія, а также благодарилъ онъ и представителя «Краснаго Креста» г. Сараджева, и его санитаровъ, дѣйствительно потрудившихся, что называется, въ потѣ лица во время этой экспедиціи и въ особенности при Денгильтепе, гдѣ какъ Сараджевъ, такъ и его команда безъ устали работали день и ночь во время перестрѣлки, бывшей до штурма, подъ пулями, поднимая раненыхъ и перенося ихъ на перевязочный пунктъ. Вообще, не ожидая такой массы раненыхъ на походѣ по оазису, при отрядѣ было такъ мало санитарной и медицинской помощи, что отдѣленіе Краснаго креста служило яснымъ доказательствомъ тому, какую громадную пользу приноситъ это учрежденіе, основанное на частной благотворительности, въ особенности въ томъ случаѣ, если имъ распоряжается человѣкъ, такъ честно относящійся къ принятой на себя обязанности, какъ Сараджевъ. Въ то время, какъ войскамъ по приходѣ на бивакъ предстоялъ покой и отдохновеніе,—медицинскому персоналу приходилось немедленно по приходѣ на мѣсто ночлега приступать къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей, опросить раненыхъ о состояніи ихъ здоровья, перевязать сбившіяся во время пути повязки, осмотрѣть раны, обмыть ихъ и т. п., причемъ иногда работа шла до поздней ночи и производилась при свѣчахъ. Вообще, не смотря на отсутствіе очень важнаго условія для благопріятнаго исхода пораненій, а именно спокойствія, заживленіе ранъ шло поразительно быстро и хорошо, причемъ замѣчательно почти полное отсутствіе нагноеній. Врачи просто поражались исходомъ даже безусловно тяжелыхъ ранъ и приписывали эти благіе результаты необычайной сухости воздуха. Несчастный драгунъ, которому раздробило ногу, еще при нашемъ наступательномъ движеніи въ Дурунѣ, слѣдовавъ за отрядомъ подъ Денгиль-тепе, вернулся съ нимъ, возимый въ санитарной одноколкѣ, и только въ двадцатыхъ числахъ сентября эвакуированъ въ Чатъ, гдѣ ему вынули осколки кости и вообще приступили къ правильному, спокойному лѣченію; не смотря на то, этотъ мученикъ впослѣдствіи выздоровѣлъ.

Тергукасовъ по сестороннемъ обсужденіи вопроса о будущихъ дѣйствіяхъ отряда, пришелъ къ рѣшенію: занявъ передовыми отрядами Дузъ-Олумъ и Чатъ, перенести штабъ въ Чекишляръ и, по возможности, на зимнее время сократить численность отряда, отославъ часть его по штабъ-квартирамъ.

По пути въ Чекишляръ, сотнѣ Волгскаго полка пришлось, присоединившись къ другой сотнѣ, остававшейся все время въ Чатѣ, снова простоять нѣсколько дней въ этомъ убійственномъ пунктѣ, хотя впрочемъ въ это время года и болѣе сносномъ для житья, такъ какъ въ этомъ краѣ въ сентябрѣ уже не было невыносимо жаркихъ дней лѣтняго времени. Мало-по-малу, мимо Чата стали проходить возвращавшіяся въ Чекишляръ части, причемъ дорога по маршруту давалась не на Бевенъ-Башъ, а на Караджа-Батырь. Въ концѣ сентября и нашъ дивизіонъ тронулся къ берегамъ Каспійскаго моря. Не имѣя проводника, мы по ошибкѣ миновали Текинджикъ и остановились на ночлегъ у большаго, образовавшагося отъ нѣсколькихъ бывшихъ въ послѣднее время дождей, озера, въ сухое время года въ этомъ мѣстѣ не существовавшаго, теперь-же по количеству воды вполнѣ достаточнаго для того, чтобъ напоить даже цѣлый отрядъ; нѣсколько такихъ озеръ, хотя въ меньшемъ размѣрѣ, пришлось намъ встрѣтить на пути въ Чекишляръ, причемъ они значительно облегчали путь. Вообще видъ пустыни преобразился: тамъ, гдѣ была глинистая гладкая почва, во многихъ мѣстахъ образовались густые побѣги ярко-зеленой свѣжей травы, что производило пріятное впечатлѣніе. Такимъ образомъ, сдѣлавъ въ первый день 60 верстъ, на второй пришлось до колодцевъ Караджа-Батырь пройти тридцати-верстный переходъ, и оттуда, къ вечеру на третій день по выступленіи изъ Чата, пройдя въ этотъ день 45½ верстъ, прибыли мы въ Чекишляръ и тамъ расположились на прежнемъ мѣстѣ нашей стоянки. Весь этотъ путь на столько однообразенъ и не интересенъ, что описывать положительно нечего.

Чекишляръ, во время нашего трехмѣсячнаго отсутствія, значительно преобразился; на его главной улицѣ уже красовалось нѣсколько наживо сколоченныхъ домовъ и два новыхъ деревянныхъ дома болѣе солидной постройки: изъ нихъ одинъ занятый подъ магазинъ «Кузьмича», другой же—построенный подрядчикомъ Файвишевичемъ. На Базарной улицѣ—тоже прибавилось строеній и торговля шла гораздо оживленнѣе, такъ какъ явилась большая конкуренція. Офицерство обыкновенно группировалось въ одномъ изъ четырехъ пунктовъ: или у Іоганеса, гдѣ даже былъ плохенькій бильярдъ, постоянно занятый любителями, и гдѣ можно было получать обѣдъ и ужинъ за недорогую плату, или же у такъ называемой италіанки, въ дѣйствительности же, по всей вѣроятности, жи-

довки, соблазнявшей чекишлярцевъ не своею красотою, а обиліемъ закусокъ. По вечерамъ обыкновенно всѣ эти пріюты отдохновенія бывали переполненными народомъ. Вскорѣ по отряду было сообщено, какія части останутся въ составѣ отряда и на чью долю выпало возвращеніе на западный берегъ Каспійскаго моря. Насколько возможно было замѣтить, большинство войскъ, покидавшихъ Закаспійскій край, радовалось возвращенію на Кавказъ, да оно и понятно: черезчуръ мало привлекательнаго представляетъ эта страна, гдѣ, кромѣ скуки, есть еще и рискъ потерять здоровье на всю жизнь, а главное—впереди предстояла зима, бездѣятельная и полная лишеній. Мало-по-малу стали нагружать войска на подходившія шхуны, и постепенно отрядъ сталъ уменьшаться. Вскорѣ разнесся слухъ, къ несчастью вполнѣ оправдавшійся, о нападеніи текинцевъ на Іомудскій аулъ, подъ самымъ Красноводскомъ, причемъ они, убивъ нѣсколько человѣкъ и набравъ плѣнныхъ и добычу, ушли обратно. Вышедшая изъ Красноводска мѣстная команда не была въ состояніи что-нибудь сдѣлать, такъ какъ текинцы такъ же быстро исчезли, какъ и появились. Туркмены увѣряли, что надъ текинцами начальствовалъ Тыкма-Сардаръ.

Приходъ каждаго почтоваго парохода составлялъ предметъ развлеченія, такъ какъ немедленно собиралась компанія офицеровъ, отправлявшихся на пароходъ къ обѣденному времени, и обѣдала въ каютъ-компаніи, причемъ, какъ обыкновенно на пароходахъ, подавали очень хорошій обѣдъ, а Астрахань снабжала суда каспійскаго пароходства прекрасной свѣжей икрой и рыбой, которой у насъ въ Чекишлярѣ не было, не смотря на то, что Каспійское море подъ-бокомъ.

Тѣмъ временемъ все вниманіе начальника отряда было обращено на подвозъ продовольствія къ передовымъ пунктамъ, а именно къ Дузъ-Олуму и Чату; вновь были найдены туркмены, согласившіеся на отдачу въ наймы верблюдовъ съ платою съ каждаго перевезеннаго на нихъ пуда. Обезпечить передовые пункты являлось настоятельною необходимостью въ виду того, что осенняя распутица могла прекратить сообщеніе между ними и Чекишляромъ. Начальникъ пѣхоты и начальникъ кавалеріи уѣхали изъ Чекишляра въ Тифлисъ, весь штабъ тоже разбрелся, а помѣщеніе штаба, въ виду сильной сырости, было перенесено выше прежняго расположенія, въ пески. Кромѣ того, генералъ Тергукасовъ обратилъ особенное вниманіе на чистоту лагеря; приказано было по отряду во всѣхъ частяхъ устроить отгороженныя ямы въ пескахъ, вдали отъ палатокъ, причемъ ихъ почаще закапывать и затѣмъ вырывать въ новомъ мѣстѣ. Не соблюдавшіе этихъ правилъ содержанія чистоты въ мѣстахъ своего расположенія подвергались сильной отвѣт-

ственности. Отчасти эта мѣра достигала своей цѣли, но не вполнѣ, такъ какъ дѣйствіе чекишлярской воды было такъ сильно и быстро, что доходить до отхожихъ мѣстъ зачастую не было никакой возможности, а потому нижніе чины отправляли свои естественныя потребности тутъ же, около лагеря, за ближайшими песчаными буграми, но только не противъ бивака своей части, а противъ сосѣдней, за что сосѣди, разумѣется, отплачивали той же монетою. Да и взыскивать съ солдатъ за это было бы не вполнѣ справедливо, такъ какъ подобное ослушаніе вызывалось иногда положительной невозможностью поступать иначе.

Въ первыхъ числахъ ноября, командиръ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, князь Арчилъ Чавчавадзе, устроилъ на берегу моря скачку на призы, въ которой принимали участіе только всадники его полка. Надо было видѣть восторгъ, вызванный скачкою среди дагестанцевъ, любящихъ подобнаго рода развлеченіе. Когда какая нибудь группа подходила къ флагу, то со всѣхъ сторонъ раздавались понуканія, подбодриванія всадниковъ, принадлежавшихъ къ одному аулу съ кандидатомъ на полученіе приза. Получившихъ призы съ тріумфомъ несли товарищи на рукахъ, крича «ура». Затѣмъ, была скачка съ джигитовкой, причемъ многіе поражали своей лихостью. Джигитовка на этотъ разъ обошлась безъ несчастныхъ случаевъ, и князь Чавчавадзе роздалъ денежныя награды наиболѣе искуснымъ. Затѣмъ, передъ собравшимися гостями князя, около кибитки, внутри которой на паласѣ накрывался ужинъ, была устроена очень высокая трапеція, на которой нѣсколько человѣкъ начали продѣлывать акробатическія штуки, нисколько не уступающія таковымъ, выдѣлываемымъ въ нашихъ циркахъ. Столбы, на перекладинѣ которыхъ была повѣшена трапеція, будучи слишкомъ высоки, казались страшны, что нисколько не смущало смѣльчаковъ. Въ то время, какъ дилетанты-акробаты выдѣлывали свои фокусы, внизу смѣшилъ публику ряженый клоунъ, разумѣется—тоже изъ всадниковъ. Затѣмъ, появилась на сцену зурна, затрещалъ дагестанскій маленькій барабанчикъ и началась удалая лезгинка; любо было смотрѣть на лихихъ горцевъ: не было надобности вызывать охотниковъ плясать, а добровольно, едва оканчивалъ одинъ, какъ уже на перебой спѣшилъ другой, стараясь какъ можно болѣе разнообразить выдѣлываемые «па», чтобы хоть чѣмъ нибудь да отличиться отъ предъидущаго плясуна. Красивыя типичныя лица, еще болѣе выдѣляющіяся вслѣдствіе живописнаго костюма, состоящаго, между прочимъ, изъ бѣлой черкески и такой же папахи; удивительное сложеніе у нѣкоторыхъ, съ таліей, которой позавидовали бы многія дамы, легкость въ движеніяхъ, чему не мало способствуютъ надѣтые на ноги чевяки,—все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ лезгинку осо-

бенно красивой и живописной. А какіе молодцы въ дѣлѣ! Кто видѣлъ ихъ атаку во время минувшей кампаніи въ отместку за убитіе ихъ командира, князя Челокаева, кто былъ свидѣтелемъ участія въ рекогносцировкахъ, вырывавшихъ изъ ихъ среды каждый разъ нѣсколько жертвъ,—тотъ не можетъ не отдать полной справедливости ихъ безвавѣтной удали, молодецкой отвагѣ. Во время Денгиль-тепинскаго боя, дагестанскія сотни, бывшія въ дѣлѣ, опять-таки поддержали свою славу, какъ во время атаки въ конномъ строю на Сѣверную калу, гдѣ не мало пало жертвъ подъ ихъ шашечными ударами, такъ и при обходномъ движеніи князя Голицына.

Въ началѣ ноября дни стояли теплые, чудные вечера, довольно свѣжія ночи и холодныя утра. Въ видахъ послѣдняго обстоятельства, начальникъ отряда хлопоталъ о скорѣйшемъ заготовленіи и постановкѣ для всѣхъ частей кибитокъ, чего мы не дождались, такъ какъ на нашу долю пришлось въ скоромъ времени покинуть Чекишляръ.

Резюмируя нашъ походъ по оазису, мы найдемъ, что отрядъ, при своемъ наступательномъ движеніи, прошелъ 136¹/₄ версть по слѣдующему маршруту:

Отъ Бендесена до Бами 23 версты, отъ Бами до Беурмы—11¹/₂ в., отъ Арчмана—24³/₄ в., отъ Сунчи—13 в., отъ Мурчи—6¹/₂ в., отъ Дуруна—10 в., отъ Яраджи—23 в. и отъ Денгиль-тепе—24¹/₂ вер.

На обратномъ же пути на долю отряда пришлось пройти одной верстой меньше, такъ какъ до Дуруна маршрутъ измѣнился слѣдующимъ образомъ:

Отъ Денгиль-тепе до Кары-Кяриза (Кялята) 14 верстъ, до Кяриза—16¹/₂ в., до Дуруна—16 в. Итого 46¹/₂ верстъ вмѣсто 47¹/₂ при слѣдованіи на Яраджу.

Слѣдовательно, изъ Чекишляра до Денгиль-тепе и обратно, принимая въ разсчетъ пути, при наступленіи—на колодцы Бевенъ-Болисъ, а при обратномъ движеніи — на Караджа-Батырь, получится пройденное пространство въ 829 верстъ.

А. Ржевусскій.

(Окончаніе будетъ).

Военный Сборникъ 1885 №7

ОТЪ ТИФЛИСА ДО ДЕНГИЛЬ-ТЕПЕ.

(Изъ записокъ участника).

(Окончаніе) (1).

VIII.

Обратный путь въ Тифлисъ.

Волгскій дивизіонъ 4-го ноября получилъ приказаніе собираться къ пристани для нагрузки на пароходъ. Оказалось, что для перевозки волгцевъ (2) назначенъ самый большой пароходъ общества «Кавказъ и Меркурій». Громадина эта, могущая перевозить до 50,000 пудовъ, стояла верстахъ въ пяти отъ берега и ожидала нашей нагрузки уже нѣсколько дней, покачиваясь на якорѣ на Чекишлярскомъ рейдѣ. Но посадка не могла быть произведена, такъ какъ не было лодокъ для перевозки отъ пристани. Оказалось, что туркмены уѣхали къ Серебряному бугру, оставивъ отрядъ въ безпомощномъ состояніи и какъ-разъ въ то время, когда въ нихъ была настоятельная необходимость въ виду времени года, когда Каспійское море обыкновенно сильно бушуетъ и не даетъ возможности судамъ подойти къ его портамъ. Такимъ образомъ слѣдовало торопиться отправкой, а за бѣгствомъ лодочниковъ къ тому не представлялось ни малѣйшей возможности. Начальникъ отряда командировалъ капитана 2-го ранга Ознобишина, начальника Чекишлярскаго рейда на паровомъ баркасѣ «Грибоѣдовъ», уговорить жителей Серебрянаго бугра немедленно выслать лодки, употребивъ даже, въ случаѣ надобности, угрозу; командировка удалась, и 4-го ноября началась посадка дивизіона на 18 туркменскихъ лодокъ, по нагруженіи которыхъ вскорѣ паровой

---

(1) См. «Воен. Сбор.», 1884 г., №№ 6-й—10-й; 1885 г. № 3-й—6-й.

(2) Кстати: неизвѣстно, почему пѣхотный полкъ называется Волжскимъ, а казачій — Волгскимъ.

баркасъ и потащилъ ихъ на буксирѣ. Кромѣ дивизіона, пароходъ «Жандръ» долженъ былъ помѣстить роту Кабардинскаго пѣхотнаго полка и роту 2-го стрѣлковаго баталіона и все-таки для него было черезчуръ мало груза, такъ какъ, по увѣренію капитана, вѣсъ взятыхъ войскъ всего среднимъ числомъ не превышалъ 15,000 пудовъ; вслѣдствіе легкости груза большая часть подводной части судна выходила наружу надъ морскою поверхностью. Между тѣмъ посадить большее число народа было невозможно, такъ какъ мѣста не было, а пустъ былъ самый нижній трюмъ. Каютъ на этомъ пароходѣ, какъ на грузовомъ, не было, а на палубѣ находилась лишь рубка изъ четырехъ комнатъ съ диванами вдоль стѣнъ. Одну изъ этихъ комнатъ занималъ капитанъ парохода, а остальныя были предоставлены пасажирамъ. Помѣщеній на диванахъ было на 11 человѣкъ, между тѣмъ какъ всѣхъ офицеровъ оказалось 27; остальнымъ приходилось помѣститься на полу, да и тамъ было тѣсно, такъ какъ каюты, по своимъ размѣрамъ, представляли страшный контрастъ съ грандіознымъ корпусомъ судна. Столоваться мы должны были на свой счетъ, такъ какъ пароходное общество, предложившее даровое угощеніе офицерамъ отряда при перевозкѣ въ Чекишляръ, теперь лишило насъ этой льготы.

Поздно вечеромъ окончилась нагрузка судна; взошла луна, обливъ серебристымъ блескомъ морскую поверхность; развели пары, подняли якорь и вскорѣ мы сказали свое послѣднее прости непривѣтливому восточному берегу Каспія. Громкое «ура» пронеслось по пароходной палубѣ, — оказалось, что это нижніе чины выражали свою радость, вызванную возвращеніемъ въ составъ полка. Тихое море казалось невозмутимымъ; небо было совершенно чисто и неопытному человѣку ничто не предвѣщало бури, а между тѣмъ капитанъ парохода посовѣтовалъ купить фуража въ Баку хоть на два дня, если только доберемся до этого порта благополучно, въ виду того, что, по его мнѣнію, намъ предстояло выдержать сильный штормъ въ близкомъ будущемъ, а фуража было выдано всего на трое сутокъ. До Баку прошли мы благополучно и черезъ сутки, часовъ въ десять утра, бросили якорь въ виду этого города, причемъ капитанъ объявилъ намъ, что вслѣдствіе нагрузки необходимаго количества угля и накачиванья на пароходъ воды, подвозимой съ берега на лодкахъ, раньше ночи двинуться въ дальнѣйшій путь было немыслимо, а потому большинство офицеровъ и отправилось на берегъ и вечеромъ почти всѣ собрались въ циркѣ. Пароходъ ушелъ въ открытое море только на другой день, причемъ съ первыхъ же минутъ по отходѣ можно было чувствовать, что море не вполнѣ спокойно; мало по малу вѣтеръ засвѣжѣлъ, разго-

воры въ каютѣ стали все болѣе и болѣе вялыми, число легшихъ на диваны или просто на полъ замѣтно увеличивалось; нѣкоторые, желая пересилить въ себѣ непріятное чувство, вызванное качкой, выходили на палубу, но большинство скоро возвращалось обратно въ каюту. Изрѣдка доносились до слуха звуки падающей въ буфетѣ посуды; иные пасажиры, быстро вскакивая съ своего ложа, выбѣгали по надобности на палубу, другіе изрѣдка стонали вслѣдствіе испытываемаго ими непріятнаго чувства. Собравшись съ духомъ, вышелъ я на палубу; оказалось, что и тамъ не лучше: почти всѣ, какъ солдаты, такъ и казаки, лежали въ повалку, не будучи въ силахъ подняться на ноги; видъ свободныхъ мѣстъ пола палубы былъ отвратителенъ и только изрѣдка обмывался волной, хватавшей иногда за бортъ парохода. Знамя кабардинцевъ и казачьи, сотенные значки были крѣпко привязаны и положены на бокъ. Къ нимъ съ трудомъ могли подводить часовыхъ, причемъ отдано было приказаніе смѣнять послѣднихъ черезъ каждые полчаса. Судно швыряло море какъ какую-нибудь легковѣсную вещичку, иногда накренивая до такой степени, что приходилось удивляться, какъ это не перевернется пароходъ. Небо заволокло тучами; море представляло какой-то дикій фантастическій видъ, пѣнясь и клубясь, вздымая громадныя волны; какой-то хаосъ царствовалъ кругомъ и ко всему этому барометръ не показывалъ ничего утѣшительнаго. Въ кухнѣ не было ни малѣйшей возможности приготовлять кушанья, и тѣмъ, кто былъ еще въ состояніи что-либо ѣсть, приходилось довольствоваться колбасою, сыромъ и тому подобными холодными закусками. Въ добавленіе къ нашему горестному положенію у одного изъ офицеровъ Волгскаго дивизіона, заболѣвшаго еще наканунѣ выхода въ море, начался бредъ, и докторъ опредѣлилъ, что у него совершенно ясно обозначилась тифозная горячка, а между тѣмъ онъ находился въ общей комнатѣ и лежалъ рядомъ съ моимъ диваномъ. Несчастныя лошади мучались повидимому страшно, грызли пароходную обшивку и ясли и едва стояли на ногахъ, причемъ и ихъ бросало изъ стороны въ сторону. Къ вечеру еще засвѣтло подошли мы къ Аше-ронскому полуострову и невдалекѣ отъ маяка, между мысомъ и островкомъ, бросили якорь, такъ какъ дальше было опасно продолжать путь. На якорѣ стоять хотя и было немного легче, но все-таки мучительно, такъ какъ буря не унималась. И какой только качки не было въ эти дни: и килевая, и боковая, и Богъ знаетъ какая, однимъ словомъ—минуты вполнѣ спокойной не было. Добыть, дозваться офицерскую прислугу было немыслимо, такъ какъ всѣ деньщики и вѣстовые тоже лежали. 8-го ноября попытались было мы выдти въ открытое море, но вскорѣ, убѣдясь въ безплодности попытки, завернули обратно и стали вновь на якорь. Та-

кимъ образомъ на нашу долю выпало простоять 9-е и 10-е ноября все на томъ же мѣстѣ и только 11-го числа, въ виду того, что море немного утихло и погода прояснилась, «Жандръ» двинулся въ дальнѣйшій путь, хотя, впрочемъ, капитанъ не обнадеживалъ насъ возможностью войдти въ Петровскую гавань, въ виду все еще не вполнѣ покойнаго моря. Переночевавъ въ открытомъ морѣ, на слѣдующій день утромъ Петровскъ наконецъ предсталъ предъ нашими глазами, но капитанъ парохода на-отрѣзъ отказался войти въ портъ и собирался стать вновь на якорѣ въ виду города. Между тѣмъ положеніе войскъ на пароходѣ было критическое, такъ какъ у людей вышли даже всѣ сухари, составлявшіе единственную ихъ пищу послѣднихъ дней; у лошадей же уже не было фуража, да и кромѣ того прѣсная вода оставалась только на днѣ резервуара. На наши доводы о необходимости войти въ портъ капитанъ приводилъ вѣскій аргументъ противъ этого, объясняя, что такъ какъ входъ въ Петровскій портъ составляетъ очень узкій проходъ между двумя каменными молами, то сильнымъ порывомъ вѣтра судно могло быть выброшено на камни и разбито въ дребезги. Но неожиданное обстоятельство спасло насъ и избавило отъ непріятнаго качанія въ открытомъ морѣ со всѣми его послѣдствіями. Обстоятельство это заключалось въ томъ, что мимо насъ прошелъ почтовый пароходъ той же кампаніи, что и «Жандръ», а именно «Великій Князь Михаилъ», вмѣщавшій въ себѣ остальныя роты Кабардинскаго баталіона и передъ нашимъ носомъ лихо вошедшій въ портъ. Самолюбіе шведа-капитана было затронуто за живое, и онъ немедленно рѣшилъ тоже попытать счастья. Попытка удалась вполнѣ, и мы вскорѣ очутились въ сравнительно покойномъ Петровскомъ портѣ, благодаря судьбу за посланіе намъ избавителя въ лицѣ рѣшительнаго капитана парохода «Великаго Князя Михаила» ([1]). Утомленные, разбитые и притомъ голодные, вышли мы на берегъ, но лошадей оказалось невозможнымъ выгружать въ этотъ же день, въ виду неисправнаго состоянія лодокъ, на которыхъ должна была состояться перевозка къ берегу. Говорю «голодные», такъ какъ и на долю офицеровъ пришлось послѣдніе два дня довольствоваться однимъ лишь чаемъ вслѣдствіе того, что буфетчикъ парохода, не ожидая въ Чекишлярѣ такого наплыва офицеровъ, не запасся должнымъ количествомъ провизіи, а въ Баку понадѣялся, что взятой имъ провизіи хватитъ, не разсчитывая на происшедшую задержку въ пути. Петровскъ, не смотря на свое хорошее

([1]) Что бы было съ нами, еслибы мы не рѣшились въ этотъ день войти въ портъ, трудно себѣ представить, такъ какъ со слѣдующаго дня буря вновь усилилась и сдѣлала доступъ въ Петровскій портъ положительно невозможнымъ въ теченіе нѣсколькихъ дней.

мѣстоположеніе на горѣ и на морскомъ берегу, въ сущности очень невзрачный городъ, а гостинница «Гунибъ», въ которой я остановился, по рекомендаціи какъ «лучшей въ городѣ», въ любомъ городкѣ цивилизованнаго міра обратила бы на себя вниманіе санитарной комисіи. Въ Петровскѣ дивизіону былъ предложенъ отдыхъ на нѣсколько дней, въ виду усталости лошадей послѣ морской трепки. Оказалось, что многія лошади вышли на берегъ лишенными своего естественнаго украшенія, т. е. хвостовъ и гривъ, объѣденныхъ сосѣдними лошадьми во время плаванья, причемъ у нѣкоторыхъ рѣпица была точно выбрита, —до того гладко и чисто голодные кони, мучимые непріятнымъ чувствомъ, старались. А такъ какъ у казаковъ считается срамомъ ѣхать на безхвостой (куцей) лошади, то они охотно мѣнялись съ дагестанцами, какъ въ Петровскѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ пути, предпочитая получить худшую лошадь, да съ хвостомъ, чѣмъ проѣхаться по станицѣ на безхвостой. Простоявъ въ Петровскѣ три дня, выступили мы въ дальнѣйшій путь, предварительно будучи осмотрѣны начальникомъ 21-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантомъ Петровымъ, пришедшимъ въ положительный восторгъ при видѣ казаковъ, да еще терскихъ, т. е. того войска, въ которомъ онъ долго служилъ и командовалъ Кизляро - Гребенскимъ полкомъ. Генералъ, въ казачьей черкескѣ, съ Георгіемъ на шеѣ, выѣхалъ къ построенному развернутымъ фронтомъ дивизіону; пропустивъ мимо себя дивизіонъ церемоніальнымъ маршемъ, благодарилъ казаковъ за ихъ службу и хвалилъ за молодецкій видъ, который они успѣли вновь принять, ставъ твердой ногой на сушѣ. «Душой молодѣю, старость стряхиваю съ себя, когда вижу казаковъ; сколько воспоминаній, сколько лучшихъ впечатлѣній проходитъ въ памяти, когда проѣзжаешь по фронту молодцовъ терцевъ!» — говорилъ мнѣ генералъ, про котораго и гребенцы, и сѣверскіе драгуны, бывшіе подъ его командой, вспоминаютъ съ любовью. Съ послѣднимъ полкомъ генералъ Петровъ заслужилъ еще въ войну 1853—1856 гг. офицерскій Георгій, вскочивъ во время Кюрюкъ-Даринскаго боя въ турецкое каре, гдѣ былъ поднятъ вмѣстѣ съ лошадью на штыки и выручень врубившимися за нимъ молодцами драгунами.

Немедленно послѣ смотра тронулись мы въ дальнѣйшій путь.

Въ Чиръ-Юртѣ, штабъ-квартирѣ Дагестанскаго пѣхотнаго и въ Хасафъ-Юртѣ, штабъ-квартирѣ Кабардинскаго полковъ, намъ по маршруту предстояли дневки, и любезные кабардинцы предложили нашимъ офицерамъ помѣщеніе въ зданіи ихъ офицерскаго клуба. Въ прошлое время штабъ-квартиры были вполнѣ военными, такъ сказать «полковыми» городками, гдѣ все было тѣсно связано съ полкомъ. Отставные солдаты,

пріобрѣтя себѣ кусокъ земли, строились тутъ же, привыкнувъ за свою долгосрочную службу ко всему, что принадлежало къ полку, подъ знаменами котораго приходилось имъ совершить столько походовъ. Многіе офицеры еще во время службы устраивались своимъ хозяйствомъ и, дослужившись до пенсіона, выходя въ отставку, какъ бы не разставались съ полкомъ, сдѣлавшись домовладѣльцами въ мѣстѣ, гдѣ ими проведено столько лѣтъ на службѣ. Ихъ интересовало все происходящее въ полку, всѣ перемѣны, назначенія,—однимъ словомъ, они и тогда какъ бы не покидали полка. Послѣдствіемъ всего этого являлась неразрывная связь между жителями и полкомъ, и даже въ большинствѣ случаевъ сыновья поступали въ полкъ, гдѣ служили ихъ отцы, съ первыхъ шаговъ службы подпадая подъ эгиду родителей. Въ штабъ-квартирахъ полкъ не разбросанъ по деревнямъ, а весь сгрупированъ въ одномъ пунктѣ, такъ что постоянно весь находится подъ контролемъ полковаго командира. Люди помѣщались въ казармахъ, отвѣтственность за неисправное содержаніе которыхъ падала на полковое начальство. Теперь нѣкоторыя изъ этихъ штабъ-квартиръ совершенно уничтожены, другія запущены. Въ прежніе годы въ такихъ штабъ-квартирахъ бывало весело. Все сплоченное, дружное офицерское общество, въ свободное отъ службы время, старалось искать себѣ развлеченій и для этого имъ не надо было уѣзжать въ отпускъ въ какой-нибудь городъ, такъ какъ все было подъ рукою въ своей средѣ: устраивались балы, катанья, любительскіе спектакли, большія охоты, разумѣется въ антрактахъ нерѣдко прерываемыя боевыми эпизодами, какъ-то: походами противъ возмутившихся горцевъ, экспедиціями, набѣгами. Эта боевая жизнь, полная опасностей и иногда лишеній, еще болѣе связывала узами дружбы ея участниковъ, и стоитъ видѣть встрѣчу послѣ долговременной разлуки какихъ-нибудь старыхъ кабардинцевъ или ширванцевъ и вообще прошедшихъ штабъ-квартирную школу, чтобы убѣдиться вполнѣ, что связь эта неразрывна и остается на всю жизнь.

Въ Чиртъ-Юртъ, гдѣ мы сошлись съ кабардинцами, пріѣхалъ ихъ полковой командиръ флигель-адъютантъ полковникъ князь Долгорукій, тотъ самый, который командовалъ авангардомъ въ ахалъ-текинскомъ отрядѣ. Пріѣздъ его былъ вызванъ желаніемъ попрощаться съ баталіономъ полка, бывшимъ на маршѣ, такъ какъ князь на другой день долженъ былъ уѣзжать изъ Хасафъ-Юрта къ мѣсту своего назначенія въ Берлинъ, куда онъ былъ назначенъ на мѣсто военнаго агента. Баталіонъ пожелалъ непремѣнно присутствовать при проводахъ своего командира полка, назначенныхъ на другой день въ Хасафъ-Юртѣ, и, не

офицеры, такъ и нижніе чины просили своего командира разрѣшить немедленно выступить въ Хасафъ-Юртъ, т. е. сдѣлать еще 28 верстъ. Сперва князь отговаривалъ своихъ однополчанъ, затѣмъ далъ согласіе, и баталіонъ быстро приготовился къ выступленію. Казачьему дивизіону не пристало отставать отъ части, съ которою дѣлили казаки и горе, и радости походной жизни, а потому выступленіе изъ Чиръ-Юрта было общее. Въ лунную чудную ночь, съ пѣсенниками во главѣ каждой части, направлялись мы къ Хасафъ-Юрту. Пѣхота, забывъ утренній переходъ, шла быстро, весело и постоянно подбавляя хода. Утренняя заря, краснымъ отливомъ освѣтивъ горизонтъ, принесла съ собою прохладу, подбадривающую свѣжесть, дала новый запасъ силъ утомленнымъ 46-ти-верстнымъ дневнымъ переходомъ коренастымъ кабардинцамъ, подходившимъ къ тому времени къ Хасафъ-Юрту. Урочище спало еще; на улицѣ ни души; лавки заперты, только изрѣдка у окошекъ домовъ показывались удивленныя, заспанныя физіономіи пробужденныхъ громкими пѣснями хасафъ-юртинцевъ. Казаки, разбивъ коновязи на указанномъ для того мѣстѣ, помѣстились въ казармахъ, немедленно получивъ по чаркѣ водки. Немного пришлось намъ спать въ этотъ день, такъ какъ въ девять часовъ утра былъ поданъ экипажъ командира полка, и какъ офицеры полка, такъ и приглашенные волгцы поѣхали за городъ, гдѣ на маленькой рѣченкѣ, на полянѣ очень живописной, были постановлены палатки, въ которыхъ долженъ былъ происходить прощальный завтракъ. Начался завтракъ, одинъ изъ тѣхъ веселыхъ завтраковъ, что бываютъ только на Кавказѣ, гдѣ грузинскій обычай питья добраго кахетинскаго вина съ пѣніемъ хоровой пѣсни «Мравалъ джаміеръ», съ ловкимъ привычнымъ распорядителемъ-«тулумбашемъ», какъ-то особенно придаетъ оживленіе всѣмъ участникамъ торжества. Говорилось, разумѣется, много рѣчей, изъ которыхъ можно было вывести заключеніе, что князя Долгорукаго очень любили его подчиненные. Простоявъ еще день въ Хасафъ-Юртѣ, гдѣ во все время нашей стоянки какъ офицеры, такъ и нижніе чины дивизіона были гостями кабардинцевъ и пользовались ихъ кавказскимъ радушіемъ, выступили мы въ дальнѣйшій путь. Постепенно промелькнули передъ нашими глазами: Грозная, Алханъ-Юртъ, станица Слѣпцовская, мѣсто, гдѣ въ церковной оградѣ похороненъ извѣстный кавказскій храбрецъ, герой пѣсенъ и легендъ, генералъ-маіоръ Слѣпцовъ; Михайловская станица, гдѣ сунженцы угощали волгцевъ, казаковъ одного съ ними войска, обѣдомъ и водкой; Назранъ-ингушскій аулъ, славящійся грабительскимъ и воровскимъ характеромъ населенія, и, наконецъ, 5-го декабря приблизились мы къ Владикавказу. Въ этомъ главномъ городѣ родной казакамъ Тер-

ской области ихъ ожидалъ пріятный сюрпризъ. Оказалось, что, по ходатайству наказнаго атамана, генералъ-адъютанта Свистунова, разрѣшено было Его Императорскимъ Высочествомъ главнокомандующимъ кавказскою арміей отпустить по домамъ на цѣлый мѣсяцъ всѣхъ казаковъ дивизіона, дабы дать возможность имъ у себя дома поправиться относительно обмундированія и снаряженія, да и вообще отдохнуть. Этотъ отпускъ былъ лучшей наградой за труды, понесенные казаками во время тяжелой экспедиціи.

9-го января, вернувшіеся во Владикавказъ, къ сроку, казаки, снабженные всѣ теплою одеждой, выступили по направленію къ Тифлису. Воспѣтое Лермонтовымъ Дарьяльское ущелье, величественный Казбекъ и вообще всѣ красоты военно-грузинской дороги, во время нашего перехода, представляли сплошную, громадную снѣговую массу, отдѣльныя грани которой блистали на солнцѣ, подобно бриліантовой пыли, щедро разсыпанной природою, безъ разбора, повсюду, куда попало. По мѣрѣ возвышенія мѣстности отъ Кобійской станціи, холодъ становился все болѣе и болѣе чувствительнымъ. Ѣхать верхомъ въ это время года и на подобной высотѣ надъ морскою поверхностью, по мѣстности, гдѣ зачастую круглый годъ не таетъ снѣгъ,—не особенно пріятно. Въ особенности страдали наши руки и ноги; какъ ни кутать ихъ, что ни дѣлать съ ними, а все-таки въ сильные морозы холодъ даетъ себя знать. Притомъ еще, господствовавшій въ то время сильный вѣтеръ пронизывалъ насквозь, засыпалъ дорогу и все болѣе и болѣе грозилъ занести окончательно путь и прекратить возможность слѣдовать намъ дальше. Опасенія наши оправдались, и 11-го января завѣдывавшій путемъ инженеръ заявилъ намъ, что упавшими завалами и заносами мы отрѣзаны какъ отъ Тифлиса, такъ и отъ Владикавказа. Дѣлать было нечего, приходилось дивизіону размѣститься кое-какъ въ Кобійскомъ аулѣ, а офицерство расположилось на почтовой станціи, гдѣ оказалось, что уже и кромѣ насъ выжидали расчистки пути застигнутые врасплохъ пасажиры. Жители осетины, воспользовавшись нашимъ безвыходнымъ положеніемъ и тѣмъ, что доступы въ сосѣдніе аулы были тоже занесены снѣгомъ, возвысили страшно цѣны на фуражъ и на всѣ жизненные продукты, такъ что, напримѣръ, сѣно продавалось ими 1 руб. за пудъ, а ячмень не дешевле 2 руб. за ту же мѣру,—но дѣлать было нечего и приходилось имъ выплачивать то, что они требовали. Дѣятельно занимались жители очисткой дороги, которой и слѣдовъ не было видно подъ снѣжными громадными сугробами, но вѣтеръ мѣшалъ работать, а ночью вновь заносилъ то, что удавалось расчистить въ продолженіе дня. Казакамъ тоже было предложено, за поденную плату, принять участіе

въ расчисткѣ пути, на что и было дано согласіе, но съ тѣмъ, чтобы ихъ ставить лишь въ безопасныя мѣста. Наконецъ, 15-го вѣтеръ сталъ стихать и явилась надежда выбраться благополучно изъ Коби, гдѣ, при дальнѣйшемъ пребываніи, грозилъ недостатокъ фуража. Неожиданный наплывъ 285 лошадей и шестидневное пребываніе около маленькаго аула уже почти истощило запасы жителей, а раздобыть было неоткуда, такъ что поданный намъ завѣдывавшимъ работами лучъ надежды былъ принятъ нами съ восторгомъ. И, дѣйствительно, 16-го числа утромъ приказано было намъ собираться въ дальнѣйшій путь, причемъ предупреждено, что путь крайне рискованный и опасный. По самую шею въ снѣгу карабкались неутомимые кабардинскіе кони по дорогѣ, хотя и обозначенной расчисткой, но еще не улегшейся и не утрамбованной. Въ особенности досталось передовымъ казакамъ, шедшимъ же въ хвостѣ колонны приходилось двигаться по дорогѣ хотя и разрыхленной массой прошедшихъ лошадей, но за то убитой ими же. Изрѣдка мы проходили узкіе коридоры, пробитые между двухъ отвѣсныхъ снѣговыхъ стѣнъ, вышиною въ нѣсколько саженей. Съ шумомъ и свистомъ врывался холодный вѣтеръ въ эти проходы во время сильныхъ порывовъ; не разъ думалось о томъ, что моментально можно очутиться подъ снѣговою громадою и стать въ положеніе заживо погребеннаго. Но вотъ подошли мы къ такъ называемымъ осовамъ. Сопутствовавшій намъ инженеръ объявилъ, что, въ виду опасности прохода подъ этими осовами, ежеминутно грозящими паденіемъ, предпочтительно не пропускать сразу весь дивизіонъ, а только партіями по десяти человѣкъ. Грозно нависли надъ нашими головами снѣговыя глыбы; казалось, что малѣйшаго толчка достаточно, чтобы вся эта громада рухнула внизъ, разумѣется, уничтоживъ все, что бы попалось по пути ея паденія. Осторожно, групами по десяти человѣкъ, пробирались казаки, причемъ дѣлалось это въ виду простаго разсчета, что лучше пусть погибнетъ 10 человѣкъ, чѣмъ 285. Но на этотъ разъ удалось всѣмъ пройти благополучно, и уже въ Млетахъ мы узнали, что одинъ изъ осововъ упалъ, не болѣе какъ черезъ часъ по нашемъ проходѣ. Благополучно совершили мы этотъ трудный переходъ, переваливъ черезъ высшую точку всей военно-грузинской дороги, представляющую почтенную цифру 7,698 футовъ надъ поверхностью моря, и только почти ночью прибыли къ Млетамъ, сдѣлавъ въ продолженіе дня 31 версту, но утомившись, какъ будто прошли 60. Терекъ смѣнился Арагвой; грандіозныя горы остались за нами; потянулась болѣе оживленная, менѣе дикая мѣстность, покрытая обсыпанными инеемъ деревьями и кустами. Опасность миновала; холодъ становился все болѣе и болѣе мягкимъ—и приближался конецъ на-

шимъ девятимѣсячнымъ странствіямъ и скитаніямъ. Пасанауръ, Анануръ, древняя резиденція арагвскихъ эриставовъ (1), маленькій городокъ Душетъ, — все это пункты, при обыкновенной ѣздѣ на почтовыхъ, быстро мелькающіе передъ глазами путешественника, для насъ же бывшіе мѣстами отдохновенія и ночлега. Но вотъ и знаменитый Мцхетъ, съ его древнимъ соборомъ, гдѣ похоронены послѣдніе цари Грузіи. Если вѣрить преданію, то отсюда святая Нина начала распространеніе христіанства въ Закавказьѣ. Угрюмо, непривѣтливо выглядываютъ порыжѣвшія стѣны церквей и монастырей этой древней столицы, но еще печальнѣе и фантастичнѣе кажутся остатки разрушенныхъ временемъ построекъ и церкви, высоко стоящей на одной изъ окрестныхъ вершинъ.

Тутъ археологическія древности, остатки давно прошедшаго времени, идутъ рука-объ-руку съ произведеніями новѣйшей цивилизаціи. Со стѣнъ историческихъ развалинъ виднѣются рельсы проходящей мимо и имѣющей здѣсь свою станцію поти-тифлисской желѣзной дороги.

Въ Мцхетѣ намъ было сообщено, что Великій Князь, главнокомандующій кавказскою арміей, будетъ смотрѣть дивизіонъ при его вступленіи въ Тифлисъ. 22-го января, около полудня, Тифлисъ уже открылся нашимъ взорамъ; день былъ ясный, свѣтлый, погода теплая. Какъ-то особенно пріятно было вернуться туда, гдѣ ожидалъ насъ отдыхъ отъ понесенныхъ нами трудовъ и лишеній. Но, съ другой стороны, грустное, щемящее душу чувство примѣшивалось невольно къ радостному ожиданію. Это было чувство неудовлетвореннаго самолюбія,—непривычное русскимъ войскамъ чувство; грустно было возвращаться съ похода не послѣ побѣды, не закончивъ блистательно боевыя дѣйствія, а испытавъ неудачу, разыгравъ всего лишь прологъ того, чему затѣмъ предвидѣлся блестящій эпилогъ, но который должны были разыграть другіе, болѣе счастливые участники слѣдующихъ экспедицій.

Экспедиція 1880 и 1881 годовъ, имѣя въ своемъ распоряженіи несравненно большее количество войскъ и значительную артилерію, при вполнѣ обезпеченномъ тылѣ, съ опорными пунктами, склады которыхъ заранѣе были наполнены продовольствіемъ, вполнѣ обезпечивающимъ существованіе отряда,—наглядно доказала, что текинцы—непріятель серьезный, который не можетъ быть приравненъ къ остальнымъ среднеазіятскимъ народамъ. Воспитанный на грабежѣ, взросшій на разбояхъ, съ молокомъ матери всасывающій убѣжденіе, что убійство съ цѣлью пріобрѣтеній или защиты своей независимости есть великая добродѣтель,

---

(1) Эриставъ—глава народа.

съ презрѣніемъ относящійся къ жизни какъ себѣ подобныхъ, такъ и своей лично, терпѣливо переносящій физическую боль, привыкшій къ лишеніямъ всякаго рода, прекрасно владѣющій холоднымъ оружіемъ и считающій себя непобѣдимымъ,—каждый текинецъ представляетъ изъ себя типъ отважнаго воина. Недостатокъ огнестрѣльнаго оружія искупается массою, способной носить холодное оружіе и умѣющей извлекать изъ него все, что только возможно. Значительныя потери, понесенныя отрядомъ генерала Скобелева, при обложеніи имъ Геокъ-тепе отрядомъ при 97-ми орудіяхъ, въ то же время прорывы и занятія текинцами нѣсколькихъ линій нашихъ траншей и при этомъ отбитіе двухъ нашихъ орудій, впослѣдствіи обратно отнятыхъ нашими войсками, наконецъ девятичасовой бой при штурмѣ Геокъ и Денгиль-тепе, передъ взятіемъ оныхъ,—все это факты, дающіе мнѣ право утверждать, что неудача штурма Денгиль-тепе, 28-го марта 1879 года, штурма, въ которомъ принимало участіе 1,800 штыковъ и который подготовляло 12 полевыхъ орудій, было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ нашего незнанія количества непріятельскихъ силъ и незнакомства съ боевыми качествами защитниковъ Ахалъ-текинскаго оазиса. При этомъ не то удивительно, что отрядъ нашъ потерпѣлъ неудачу, а то, что текинцы дали намъ возможность выйти изъ оазиса, вмѣсто того, чтобъ усыпать путь нашего отступленія нашими тѣлами. Причину этого факта надо искать въ томъ порядкѣ, въ той медленности и послѣдовательности, съ которыми было совершено отрядомъ отступленіе по оазису. Ночлегъ на мѣстѣ боя, затѣмъ слѣдующій въ 14-ти верстахъ отъ него ясно показывали непріятелю, что отрядъ не потерялъ присутствія духа и всегда готовъ встрѣтить врага въ открытомъ полѣ и помѣряться съ нимъ силами. Азіятскіе народы вообще легко поддаются паникѣ, чему много способствуетъ отсутствіе руководителей, недостатокъ иниціативы. Разъ потерпѣвъ неудачу, имъ трудно вновь собраться съ силами, сгруппироваться и дать отпоръ непріятелю, вслѣдствіе чего противоположныя качества ихъ врага, качества, созданныя военной дисциплиной, привычкой повиноваться руководящей силѣ, заставляютъ ихъ предполагать, что неудача не обезкураживаетъ ихъ врага, остающагося опаснымъ и послѣ неуспѣха. А между тѣмъ не только боевыя потери, но и отсутствіе необходимаго отряду продовольствія поставили-бы нашъ отрядъ въ очень затруднительное положеніе въ случаѣ серьезнаго, послѣдовательнаго преслѣдованія насъ текинцами, съ перваго же дня нашего отступленія. Благодаря Богу, этого преслѣдованія не было, если не считать перваго дня, и отрядъ совершилъ образцовое отступленіе, сдѣлавъ все, что лишь

было въ предѣлахъ силъ человѣческихъ, оказавъ удивительное геройство и безропотно перенося лишенія и утомленіе.

22-го января 1880 года, день въ день, ровно черезъ девять мѣсяцевъ по оставленіи нами Тифлиса, вступили мы въ столицу Кавказа, гдѣ послѣ смотра, произведеннаго Его Высочествомъ главнокомандующимъ Кавказскою арміею, дивизіонъ присоединился къ полку, покончивъ свои странствованія по пескамъ, пустынямъ, морямъ и снѣгамъ, скитанія, полныя борьбы съ лишеніями, природою, болѣзнями и только отчасти съ непріятелемъ.

А. Ржевусскій.